

СИНТАКТИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО.

Выпускъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“, Фонтанка 95.
1899.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897—1899.

I.

Къ вопросу о составномъ сказуемомъ изъ глагола-связки и предикативнаго аттрибута въ формѣ причастія настоящаго (и будущаго) времени.

Въ классическомъ трудѣ *Потебни* „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ мы имѣемъ образецъ синтактическихъ изслѣдованій, глубоко проникающихъ въ психологію языка и раскрывающихъ нѣкоторыя—очень важныя — стороны эволюціи грамматическаго мышленія. Главный выводъ, къ которому пришелъ Потёбня, какъ извѣстно, сводится къ положенію, гласящему, что съ развитіемъ грамматической мысли, съ переходомъ отъ старыхъ языковъ къ новымъ, вся *предикативность* предложенія стремится сосредоточиваться въ *глаголѣ*. Этотъ постепенный, вѣками совершавшійся процессъ, приведшій къ „торжеству глагольности“ предложенія, Потебня прослѣдилъ въ исторіи языковъ славянскихъ, въ особенности—русскаго, а также и въ литовско-латышскомъ. Лишь изрѣдка дѣлаетъ онъ ссылки на соотвѣтственныя явленія въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. Оттуда естественно возникаетъ мысль о необходимости произвести аналогичныя изысканія въ области хотя бы нѣкоторыхъ языковъ, незатронутыхъ Потебнею. Въ особенности настоятельными представляются мнѣ наблюденія надъ строемъ предложенія въ древнѣйшихъ памятникахъ индоевропейской семьи.

Въ ряду синтактическихъ вопросовъ, подымаемыхъ этими наблюденіями, на первый планъ естественно выступаетъ тотъ, который былъ положенъ въ основаніе изслѣдованій Потебни, именно—вопросъ

о такъ-называемомъ *составномъ сказуемомъ* изъ *глагола-связки* и *предикативнаго аттрибута*.

Въ предлагаемыхъ „Синтактическихъ наблюденіяхъ“ я имѣю въ виду сгруппировать и посильно освѣтить часть собраннаго мною сюда относящагося матеріала. Здѣсь, въ этомъ первомъ этюдѣ, я ограничусь наблюденіями надъ важнѣйшими формами той разновидности составнаго сказуемаго, въ которой предикативный аттрибутъ выраженъ *причастіемъ настоящаго (и будущ.) времени*, а связка представлена глаголомъ 1) *отвлеченнымъ* и 2) *полуотвлеченнымъ* (или *полузнаменательнымъ*). Составное сказуемое изъ того же причастія и связки *вполнѣ знаменательной*, то-есть, такой, которая образуетъ неотъемлемую и незамѣнимую часть предиката, будетъ разсмотрѣно въ слѣдующемъ этюдѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими видами составнаго сказуемаго, напримѣръ, съ предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ существительнаго и прилагательнаго.

Въ основу предлагаемыхъ наблюденій положена мысль объ *измѣняемости* частей предложенія и связанной съ этой измѣняемостью *семазіологической эволюціи* частей рѣчи. Часть предложенія и часть рѣчи понимаются какъ двѣ стороны одного и того же явленія грамматической мысли. *Грамматическое предложеніе*, по выраженію Потебни, „то цѣлое, въ которомъ эти части живутъ и развиваются“, разсматривается какъ продуктъ лингвистической метаморфозы частей *психологическаго сужденія* и *основа* или *подготовка* категорій и нормъ *сужденія логическаго* [1]).

I. Составное сказуемое съ отвлеченной связкою и предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ причастія настоящаго или будущаго.

Этотъ оборотъ разсмотрѣнъ Потебнею на стр. 128 — 132 „Изъ зап. по русск. грамм.“ (2-е изд.), подъ заголовкомъ „причастіе настоящее дѣйств. съ ѥсмь, буди, буду, бѣхъ, быхъ, бѣахъ“. Рядъ обращиковъ, приведенныхъ тамъ, открывается слѣдующимъ мѣстомъ изъ *Остромірова ев.*: Христе, хвалѧ тебѣ въздаѭ, яко нѣсмь яко и прочіи человѣци грабителіѥ, неправьдьници и прѣлюбодѣици... (ѥсмь) *алъчѧ* (νηστεύω) дъва краты въ сѫботѫ, (ѥсмь) десѧтинѫ *даѭ* (ἀποδεκατῶ) вьсего ѥлико притѧжѫ (Лук. XVIII, 11 — 12). — „Изъ этого примѣра“—говоритъ Потебня — „видно, что славянскій переводчикъ ставилъ разсматриваемыя здѣсь сочетанія не по требованію греческаго

[1]) Попытку развить эту точку зрѣнія я сдѣлалъ въ „Очеркахъ науки о языкѣ“ („*Русская Мысль*“, 1896 г., декабрь).

текста (какъ въ *Мариин. ев.*, изд. Ягичъ, 280. гдѣ пощтѫ сѧ, даѭ [1]), а вникая въ смыслъ и сообразуясь съ своимъ языкомъ. Смыслъ славянскаго оборота приблизительно таковъ: я—постникъ, я—исправный плательщикъ десятины" (стр. 128).

Отсюда мы видимъ, въ чемъ собственно состоялъ старый оборотъ,— и убѣждаемся, что это было *составное* сказуемое, отчасти напоминающее современныя составныя сказуемыя изъ глагола вспомогат. и имени существительнаго. Но было бы ошибкою утверждать, что этотъ послѣдній—современный—оборотъ исторически явился на смѣну стараго съ прич. наст. дѣйств., что между ними есть преемственная психологическая связь. Нѣтъ, новый оборотъ съ существительнымъ приведенъ Потебнею только чтобы наглядно (хотя и „приблизительно") иллюстрировать смыслъ или духъ стараго оборота. Уже въ старину—въ древнѣйшихъ памятникахъ—разсматриваемое сочетаніе съ причастіемъ чередуется съ простыми глагольными формами сказуемаго (какъ это мы видимъ въ приведенномъ примѣрѣ: ѥсмь алъчѧ — пощтѫ сѧ), и дальнѣйшее движеніе состояло въ томъ, что составное сказуемое съ причастіемъ шло на убыль и наконецъ совсѣмъ исчезло, между тѣмъ какъ простое глагольное шло crescendo и, все болѣе развивая свою предикативную функцію, совсѣмъ вытѣснило изъ сферы грамматическаго мышленія ту аттрибутивную форму предиката, которая была представлена причастіемъ наст. дѣйств. — Мы уже не можемъ сказать: „я—постящійся", а говоримъ: „я пощусь". Нашъ предикатъ отвѣчаетъ на вопросъ: что я дѣлаю?—Старый оборотъ отвѣчалъ на вопросъ: *каковъ я въ моментъ моей дѣятельности*,— какимъ признакомъ характеризуюсь я съ точки зрѣнія совершаемаго мною дѣйствія? На такой вопросъ и возможно отвѣтить только утилизируя причастіе, и при томъ взятое не въ его современномъ синтаксическомъ характерѣ или призваніи, а въ томъ, какое ему было свойственно въ старину, когда оно обладало извѣстною долею предикативности.

Вотъ обращики этого оборота, собранные мною изъ *Маріинскаго* и *Зографскаго* евангелій—въ дополненіе къ тѣмъ, которые приведены Потебнею изъ Остромірова ев. и русскихъ памятниковъ.

---

[1]) Этотъ послѣдній оборотъ находится, впрочемъ, и въ Остром. ев., только въ другомъ мѣстѣ: фраза въ томъ видѣ, какъ она приведена у Потебни, читается на оборотной сторонѣ листа 238 (изд. Востокова), а на оборотной сторонѣ листа 116-го находимъ „пощтѫ сѧ, даѭ", какъ въ Маріинск. ев.

1. *Марiин. ев.*. стр. 190: і вьсе мъножъство людии *бѣ* молитвѫ *дѣѧ*—καὶ πᾶν τὸ πλῆθος τοῦ λαοῦ ἦν προσευχόμενον (Лук. I, 10). Въ готскомъ ев. переведено не совсѣмъ точно: jah alls hiuhma *vas* manageins *beidandans*—„и все множество было толпы молящіяся“. Новый оборотъ: и все множество народа *молилось*.

2. *Марiин. ев.*, 191: і се *бѫдеши млъча* и *не могы* проглаголати—καὶ ἰδοὺ ἔσῃ σιωπῶν καὶ μὴ δυνάμενος λαλῆσαι (Лук. I, 20). *Гот.* jah *sijais þahands* jah ni *magands* rodjan.

Примѣчаніе. Новый оборотъ въ данномъ случаѣ заключаетъ въ себѣ неопредѣленное наклоненіе въ первой части фразы: будешь *молчать* (во второй части ея оно замѣняется обстоятельственнымъ словомъ: не будешь *въ состояніи* сказать). Этотъ случай долженъ быть строго отличаемъ отъ другаго рода новыхъ оборотовъ съ инфинитивомъ, замѣнившихъ старые обороты съ причастіемъ настоящаго, въ родѣ „сѣлъ княжить“ вмѣсто стариннаго „сѣде княжа“. Въ нашемъ примѣрѣ (будешь молчать) инфинитивъ обусловленъ только тѣмъ, что это—будущее время, и вмѣстѣ съ вспомогательнымъ глаголомъ онъ составляетъ одну нераздѣльную глагольную форму (futurum). Во второмъ случаѣ (сѣлъ княжить) инфинитивъ не ограниченъ будущимъ временемъ и не образуетъ вмѣстѣ съ verbum finitum, къ которому онъ примыкаетъ, особой глагольной формы.

3. *Мар. ев.* 191: і *бѣшѧ* людье *жидѫще*—καὶ ἦν ὁ λαὸς προσδοκῶν (Лук. I, 21). *Гот.*: jah *vas* manageі *beidandans*—букв. „и было множество *ожидающіе*“; здѣсь множественное число причастія вызвано собирательнымъ значеніемъ существительнаго manageі. Нов. русск. оборотъ: и люди *ожидали*, народъ *ожидалъ*.

4. *Мар. ев.* 191: і тъ *бѣ помаваѧ* имъ—καὶ αὐτὸς ἦν διανεύων αὐτοῖς. (Лук. I, 22). *Гот.*: jah silba *vas bandvjands* im. Нов. обор.: и онъ имъ *кивалъ* (дѣлалъ знаки).

5. *Мар. ев.* 176: и *бѣ сѣдѧ* съ слоугами и *грѣѧ сѧ* при свѣшти—καὶ ἦν συγκαθήμενος μετὰ τῶν ὑπηρετῶν καὶ θερμαινόμενος πρὸς τὸ φῶς (Марк. XIV, 54). *Гот.*: jah *vas sitands* miþ andbahtam jah *varmjands sik* at liuhada.—*Сидѣлъ* и *грѣлся*.

6. *Мар. ев.* 207: і вьсѣмъ въ съньмищи очи *бѣашете зрѧщи* на нь—καὶ πάντων ἐν τῇ συναγωγῇ οἱ ὀφθαλμοὶ ἦσαν ἀτενίζοντες αὐτῷ (Лук. IV, 20). *Гот.*: jah allaim in þizai synagogein *vesun* augona *fairveitjandona* du imma. Бѣашете зрѧщи—смотрѣли, взирали.

7. *Мар. ев.* 208: і *бѣ оучѧ*—καὶ ἦν διδάσκων (Лук. IV, 31). *Гот.*: jah *vas laisjands*.—Училъ.

8. *Мар. ев.*, 210: і *бѣ проповѣдаѩ*—καὶ ἦν κηρύσσων (Лук. IV, 44). Гот. jah *vas merjands*.—Проповѣдовалъ.

9. *Мар. ев.* 211: отъ селѣ чл҃кы *бѫдеши ловѧ*—ἀπὸ τοῦ νῦν ἀνθρώπους ἔσῃ ζωγρῶν (Лук. V. 10). Въ *гот.* здѣсь взятъ другой оборотъ—съ существительнымъ (вм. причастія), чѣмъ переводчикъ оттѣнилъ смыслъ оборота съ причастіемъ какъ разъ такъ, какъ Потебня передачею „я—постникъ" оттѣнилъ смыслъ оборота „ѥсмь алъчѧ": fram himma nu manne *siud nutans*—отселѣ вы теперь—*ловцы* людей.—Будешь улавливать (см. выше примѣч. подъ 2).

10. *Мар. ев.* 212: тъ же *бѣ оходѧ* въ поустынѧ и *молѧсѧ*—αὐτὸς δὲ ἦν ὑποχορῶν ἐν ταῖς ἐρήμοις καὶ προσευχόμενος (Лук. V, 16). *Гот.*: iþ is *vas afleiþands* ana auþidos jah *bidjands*.—Уходилъ и молился.—Ib. ... і *бѣахѫ сѣдѧште*—καὶ ἦσαν καθήμενοι (ib. 17). *Гот*:... jah *vesun sitandans*.—Сидѣли.

11. *Мар. ев.*, 267: *бѣахѫ* же къ немоу *приближаѭште сѧ* вьси мытаре и грѣшъници—ἦσαν δὲ ἐγγίζοντες αὐτῷ πάντες οἱ τελῶναι καὶ οἱ ἁμαρτωλοί (Лук. XV, 1). *Гот.*: *vesun*uþ-þan imma *newjandans sik* allai motarjos jah fravaurhtai—Приближались.

12. *Зограф. ев.*. 49: і *бѣ проповѣдаѧ*... і бѣсы *ізгонѧ*—καὶ ἦν κηρύσσων.... καὶ τὰ δαιμόνια ἐκβάλλων (Марк. I. 39). *Гот.*: jah *vas merjands*.... jah unhulþons *usvairpands*.—Проповѣдовалъ... изгонялъ.

13. *Зограф. ев.*, 50: і *бѣахѧ* оученици іоанови і фарисеі *постѧште сѧ*—καὶ ἦσαν οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου καὶ οἱ τῶν Φαρισαίων νηστεύοντες (Марк. II, 18). *Гот.*: jah *vesun* siponjos iohannis jah fareisaieis *fastandans*.—Постились.

14. *Зограф. ев.*, 62: і *бѣашете глѭшта* съ іс҃мь—καί ἦσαν συλλαλοῦντες τῷ Ἰησοῦ (Марк. IX, 4). *Гот.*: jah *vesun rodjandans* miþ iesua.—Говорили (бесѣдовали).

15. *Зограф. ев.*, 85: і *бѣ* оц҃ь его и мт҃и *чюдѧшта сѧ* о гл҃емыхъ о немь—καὶ ἦν Ἰωσὴφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες ἐπὶ τοῖς λαλουμενοῖς περὶ αὐτοῦ (Лук. II, 33). *Гот.*: jah *vas* iosef jah aiþei is *sildaleikjandona* ana þaim, þoei rodida vesun bi ina.—Удивлялись.

16. *Зограф. ев.*, 88: і тъ *бѣ стоѩ* при езерѣ ѣенисаретьсцѣ—καὶ αὐτὸς ἦν ἑστὼς παρὰ τὴν λίμνην Γεννησαρέτ (Лук. V, 1). *Гот.*: jah is silba *vas standands* newa saiva gainnesaraiþ.—Стоялъ.—Въ *Остр. ев.*, листъ 89, на оборотѣ, простое сказуемое: *стоѩаше*.

17. *Зограф. ев.*, 90: ...іже *бѣахѫ* съ нимь *възлежѧште*—οἱ ἦσαν μετ' αὐτῶν κατακείμενοι (Лук. V, 29). *Гот.*: ....þaiei *vesun* miþ im *anakumbjandans*.—Возлежали.

18. *Зограф. ев.*, 98: *бѣахѫ* бо вьси *чаѭште* его—ἦσαν γὰρ πάντες προσδοκῶντες αὐτόν (Лук. VIII, 40). *Гот.*: *vesun* auk allai *beidandans* is.—Ожидали.

19. *Зограф. ев.*, 122: *вѫди* область *имѣы* надъ десатыѫ градъ—ἴσθι ἐξουσίαν ἔχων ἐπάνω δέκα πόλεων (Лук. XIX, 17). Въ *гот.* здѣсь другой оборотъ—безъ причастья.—Имѣй власть....

20. *Зограф. ев.*, 131: *бѣ* бо *желѣѧ* (Иродъ) ....видѣти и (Іисуса)—ἦν γὰρ θέλων.... ἰδεῖν αὐτόν (Лук. XXIII, 8). Въ гот. этой главы нѣтъ.—Желалъ.

21. *Зограф. ев.*, 132: прѣжде бо *бѣашете* (Иродъ и Пилатъ) враждѫ *имѫшта* междю собоѭ—προυπῆρχον γὰρ ἐν ἔχθρᾳ ὄντες πρὸς ἑαυτούς (Лук. XXIII 12).—Имѣли вражду.

22. *Зограф ев.*, 134: ι се дъва отъ нихъ *бѣсте ідѫшта*—καί ἰδού, δύω ἐξ αὐτῶν ἦσαν πορευόμενοι (Лук. XXIV, 13). Въ гот. нѣтъ всей главы.—Шли.

23. *Зограф. ев.* 137: ідеже *бѣ* іоанъ *крьстѧ*—ὅπου ἦν Ἰωάννης βαπτίζων (Іоан. I, 28). Въ гот. нѣтъ главы.—Крестилъ.—157: ідеже *бѣ* іоанъ прѣжде *крьстѧ*—ὅπου ἦν Ἰωάννης τὸ πρῶτον βαπτίζων (Іоан. X, 40). Гот. þarei *vas* iohannes frumist *daupjands*. — Гдѣ Іоаннъ прежде крестилъ.

24. *Зограф. ев.* 142: *бѣ* бо *оумираѣѧ* — ἤμελλε γὰρ ἀποθνήσκειν. (Іоан. IV, 48).—Умиралъ. —Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ въ слав. переводѣ взятъ не тотъ оборотъ, который стоитъ въ греческ. текстѣ. Въ *гот.* нѣтъ главы.

25. *Зограф. ев.* 163: *бѣ* же *възлежѧ* единъ отъ оученикъ его на лонѣ і҃е҃вѣ—ἦν δὲ ἀνακείμενος εἷς τῶν μαθητῶν αὐτοῦ ἐν τῷ κόλπῳ τοῦ Ἰησοῦ (Іоан. XIII, 23). Въ *гот.* нѣтъ главы.—Возлежалъ.

Какъ видно изъ этихъ обращиковъ, число которыхъ можно было бы еще значительно увеличить, разсматриваемый оборотъ весьма употребителенъ въ греческомъ текстѣ Евангелія. Также въ большомъ ходу былъ онъ въ церковно-слав. и въ готскомъ. Большую ошибку сдѣлалъ бы тотъ, кто сталъ бы утверждать, что въ данномъ случаѣ славянскій и готскій переводчики рабски копировали греческ. подлинникъ и написали, напримѣръ, *бѣ крьстѧ* и *vas daupjands* только потому, что въ греческомъ текстѣ стоитъ ἦν βαπτίζων. Послѣ изслѣдованій Потебни уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что такія сочетанія были вполнѣ въ духѣ церковно-слав. и другихъ славянскихъ языковъ въ старину. Въ древне-русскомъ, напримѣръ. откуда и взято большинство приведенныхъ у Потебни примѣровъ, этотъ оборотъ былъ весьма

распространенъ и сплошь и рядомъ встрѣчается въ текстахъ оригинальныхъ, не переведенныхъ съ греческаго. Совпаденіе славянскаго и готскаго оборота съ греческимъ показываетъ только, что онъ былъ равно свойственъ всѣмъ тремъ языкамъ.

Въ самомъ греческомъ языкѣ этотъ оборотъ у *классическихъ* писателей не принадлежалъ къ числу излюбленныхъ. Но изрѣдка онъ все-таки встрѣчается. Напримѣръ:

Xenoph. Cyrop. VII, 1, 19:... ἔνθα ὁ Ὑστάσπας τοὺς ἡμίσεις ἔχων ἦν τῶν Περσῶν ἱππέων...

Xenoph. Anab. II, 2, 13: Ἦν δὲ ἄυτη ἡ στρατηγία οὐδὲν ἄλλο δυναμένη ἢ ἀποδρᾶναι ἢ φυγεῖν.

Ibid. IV, 1, 3: καὶ ἔστιν οὕτως ἔχον.

Herod. IV, 176, 1: Μακέων δὲ τούτων ἐχόμενοι Γινδᾶνές εἰσι...

Herod. V, 10, 2:... μέλισσαι κατέχουσαι τὰ πέρην τοῦ Ἴστρου εἰσί...

Herod. V, 49, 7: (... Κισσίη) ἐν τῇ δὴ παρὰ ποταμὸν τόνδε Χοάσπεα κείμενά ἐστι τὰ Σοῦσα ταῦτα...

Herod. V, 49, 45:... τοῖσι οὔτε χρυσοῦ ἐχόμενον ἔστι οὐδὲν οὔτε ἀργύρου...

Думаю, что при болѣе тщательныхъ поискахъ у разныхъ авторовъ можно было бы составить довольно большой списокъ этого рода примѣровъ. Для нашей цѣли достаточно приведенныхъ, показывающихъ, что этотъ оборотъ былъ органическою принадлежностью греческаго—*классическаго* языка. Сравнительно же рѣдкое его употребленіе легко объясняется тѣмъ, что классическій языкъ предпочитаетъ замѣнять отвлеченную связку εἰμι связками конкретными, сохраняющими извѣстную долю лексическаго значенія, каковы столь употребительные τυγχάνω, ὑπάρχω, διατελῶ и др. Напримѣръ, *Xen. Anab.* II, 1, 7:... ὃς ἐτύγχανε παρὰ Τισσαφέρνει ὢν καὶ ἐντίμιος ἐχων [1]). — *Xen. Anab.* II, 1, 9: ἔτυχε γὰρ θυόμενος. *Ib.* — 8: ... ἐπεὶ νικῶν τυγχάνει... Ib. II, 2, 2:... ὃν ἐτύγχανεν ἔχων... κήρυκα... Ib. II, 3, 23: ἐὰν μέντοι τις ἡμᾶς καὶ εὖ ποιῶν ὑπάρχῃ... Ib. II, 5, 37:... ἐτύγχανεν ἀπὼν... Ib. II, 5, 38: Κλέαρχος... ἐπεὶ ἐπιορκῶν τε ἐφάνη καὶ τὰς σπονδὰς λύων... Ib. IV, 3, 11:... τυγχάνοιεν φρύγανα συλλέγοντες... Ib. V, 3, 12: καὶ στήλη ἔστηκε παρα τὸν ναὸν γράμματα ἔχουσα (здѣсь связка уже болѣе знаменательна). Ib. V, 3, 8: ἔτυχε δὲ διαρρέων διὰ τοῦ χωρίου ποταμὸς Σελινοῦς. Ib. V, 5, 9: οὐδὲ γὰρ

[1]) Здѣсь связка ἦν была бы неудобна уже въ виду причастія ὤν.

ἡμεῖς ὑμᾶς οὐδὲν πώποτε ὑπήρξαμεν κακῶς ποιοῦντες. *Cyrop.* I, 2, 6: οἱ μὲν δὴ παῖδες εἰς τὰ διδασκαλεῖα φοιτῶντες διάγουσι μανθάνοντες δικαιοσύνην.—Οἱ δὲ ἄρχοντες αὐτῶν διατελοῦσι τὸ πλεῖστον τῆς ἡμέρας δικάζοντες αὐτοῖς. Ib. I, 2. 15: οἳ δ' ἂν αὖ ἐν τοῖς ἐφήβοις διατελέσωσι τὰ νόμιμα ποιοῦντες, ἔξεστι τούτοις... Ib. I, 3, 1: Κῦρος... πάντων τῶν ἡλίκων διαφέρων ἐφαίνετο... Ib. VIII, 1, 1:... ἀφ' ὧν μάλιστ' ἂν εὐδαιμονοῦντες διατελοῖμεν.

Кромѣ этихъ связокъ, въ большой или меньшей мѣрѣ сохраняющихъ лексическія значенія глаголовъ, ихъ выражающихъ, классическій языкъ охотно употребляетъ также *сложныя* связки, присоединяя къ отвлеченной связкѣ *прилагательныя*. Такая связка представляется сложною только съ этимологической стороны, синтаксически же она образуетъ лишь *одинъ* моментъ въ сознаніи говорящаго. Напримѣръ, *Anab.* II, 4, 2: τούτων δὲ γιγνομένων ἔνδηλοι ἦσαν οἱ περὶ Ἀριαῖον ἧττον προσέχοντες τοῖς Ἕλλησι τὸν νοῦν. Ib. II, 5, 40:... Κλέαρχος γὰρ πρόσθεν ἐπιβουλεύων φανερὸς ἐγένετο... Ib. II, 6, 21:... ὁ Θετταλὸς δῆλος ἦν ἐπιθυμῶν μὲν πλουτεῖν ἰσχυρῶς, ἐπιθυμῶν δὲ ἄρχειν... ἐπιθυμῶν δὲ τιμᾶσθαι... Ib. II, 23: στέργων δὲ φανερὸς μὲν ἦν οὐδένα, ὅτῳ δὲ φαίη φίλος εἶναι, τούτῳ ἔνδηλος ἐγίγνετο ἐπιβουλεύων. Ib. IV, 6, 17: Ἐγὼ μὲν τοίνυν... ἑτοῖμός εἰμι τοὺς ὀπισθοφύλακας ἔχων...

Присутствіе прилагательнаго придаетъ такой связкѣ большую долю знаменательности, иногда же дѣлаетъ ее вполнѣ знаменательною.

Оборотъ съ *отвлеченною* связкой встрѣчается и въ греческомъ текстѣ книгъ Ветхаго Завѣта (переводъ LXX-ти). но, сколько я могъ замѣтить, далеко не такъ часто, какъ въ Евангеліи. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *Юдиѳь*, VIII, 4: καὶ ἦν Ἰουδὶθ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς χηρεύουσα ἔτη τρία καὶ μῆνας τέσσαρας.—I *Маккав.* III. 12:... καὶ ἦν πολεμῶν (Ἰούδας)... Ib. V, 53: Καὶ ἦν Ἰούδας ἐπισυνάγων τοὺς ἐσχατίζοντας καὶ παρακαλῶν τὸν λαὸν κατὰ πᾶσαν τὴν ὁδὸν... *Эсѳирь* II. 15: ἦν γὰρ Ἐσθὴρ εὑρίσκουσα χάριν παρὰ πάντων τῶν βλεπόντων αὐτήν. Такой же оборотъ стоитъ и въ еврейскомъ подлинникѣ: תהי נשאת — *tehī nose't* („была несущая"). — *Второзак.* IV, 7: ὅτι ποῖον ἔθνος μέγα, ᾧ ἐστὶν αὐτῷ Θεὸς ἐγγίζων αὐτοῖς. Здѣсь въ еврейскомъ текстѣ мы имѣемъ уже не составное сказуемое, а простое, выраженное *предикативнымъ прилагательнымъ* — קרבים — qĕrōbīm („близокъ").—Что оборотъ съ прич. наст. и отвлеченною связкою въ греческомъ текстѣ Ветхаго Завѣта не былъ *гебраизмомъ* (а только совпадалъ съ соотвѣтствующимъ еврейскимъ), это видно изъ того, что переводчики не

употребляютъ его въ тѣхъ весьма многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ еврейскій текстъ, казалось бы, давалъ къ тому поводъ. Напримѣръ: *Второзак.* (... τὰ δικαιώματα...) ὅσα ἐγὼ ἐντέλλομαί σοι σήμερον — אשר אנכי מצוך היום — 'a•ṣer 'ānoxi mĕtzaụχā hayyōm—„что я *приказывающій* тебѣ нынѣ". Здѣсь переводчики предпочли простое глагольное сказуемое, хотя еврейское причастіе могло бы легко напомнить имъ оборотъ съ причастіемъ и связкою. Въ тѣхъ случаяхъ этого рода, гдѣ они рабски слѣдуютъ за еврейской конструкціею, они ставятъ одно причастіе безъ связки, какъ, напримѣръ, *Судей*, III, 25 — נפל מת — nofel meϑ—бук. „падающій мертвый", то-есть, „упалъ или лучше падаетъ мертвымъ" переведено: πεπτωκώς .. τεθνηκώς.

У *Гомера* мнѣ не удалось найдти ни одного обращика нашего оборота съ *отвлеченною* связкою. Напротивъ, оборотъ со связкою *лексически-знаменательною* представленъ тамъ огромнымъ числомъ случаевъ. Нѣчто подобное наблюдается и въ *древне-индійскомъ языкѣ* въ его древнѣйшей стадіи — въ *гимнахъ Ведъ* и *прозѣ Brāhmaṇās*: оборотъ съ отвлеченною связкою — чрезвычайно рѣдокъ, оборотъ съ знаменательною весьма распространенъ.

Вотъ случаи употребленія перваго оборота, которые мнѣ удалось найдти въ *Ригъ-Ведѣ*.

Ṛv. X, 31, 1: *táranto* víçvā duritā́ *syāma* букв. — „да *будемъ* мы *преодолѣвающіе* всѣ препятствія".

Ṛv. VIII, 43, 30: *tárantaḥ syāma* durgáhā — то же.

Ṛv. VIII, 56, 5: sā́ víṭ suvírā marúdbhir *astu* sanāt *sáhantī púṣyantī* nṛmṇám — „эта община, обильная хорошими мужами, да *будетъ* вмѣстѣ съ Марутами *одолѣвающая* (и) *преизобилующая* геройствомъ" (букв.).

Ṛv. VI, 23, 7: sá no *bodhi* puroḷāçaṃ *rárāṇaḥ*—„*будь предоставляющій* намъ жертвенный пирогъ (а самъ пей Сому, о Индра)".

Ṛv. I. 107, 1:... ā́dityāso *bhávata mṛḷayántaḥ*—„о, сыны Адити, *будьте милосердствующіе*".

Ṛv. I, 127, 3: sá hí purū́ cid ójasā virúkmatā *dī́dyāno bhávati*... букв. — „онъ (Агни) обильно силою лучезарною *сіяющій бываетъ* (есть, становится, является).

Ṛv. I, 24, 11:... *áheḷamāno* varunehá *bodhi*... „*будь* здѣсь, о Варуна, *негнѣвающійся*".

Въ текстахъ *Brāhmanās* мнѣ попадались соотвѣтствующія формы только съ *причастіемъ будущимъ*:

Çatapatha-Brāhmaṇa, II, 1, 4, 4: yena vāhanena *syantsyant syāt* tatsuhitaṃ kartavai bṛūyāt — „на какомъ упряжномъ животномъ онъ намѣренъ будетъ поѣхать (бук.: былъ бы *намѣревающійся ѣхать*, причастіе будущее), того онъ долженъ приказать хорошо приготовить“.

Çat.-Brāhm. II, 1. 4, 16: yatrāgnim *manthiṣyant syāt* tad açvam ānetavai bṛūyāt... „гдѣ онъ будетъ намѣренъ добыть (возжечь посредствомъ тренія двухъ araṇī) огонь, туда да прикажетъ онъ привести коня“...

Aitareyą-Brāhm. I, 13: yaçca yajñe *lapsyamāno bhavati* yaçca na— „тотъ. кто при жертвоприношеніи имѣетъ получить (букв. бываетъ *долженствующій получить*. partic. fut.) (долю вознагражденія), и тотъ, кто не имѣетъ получить...“

Ait.-Brāhm. II, 11: *nihanisyanto bhavanti*—намѣреваются убить (заклать—жертвенное животное; букв. являются (бываютъ, суть) *намѣревающіеся убить*, part. fut.).

Находя этотъ оборотъ въ санскритѣ, греческомъ, славянскомъ, готскомъ, полагаю. можно признать его существованіе въ *индоевропейскомъ праязыкѣ*. Въ послѣднемъ рядомъ съ уже выработанными формами простаго глагольнаго сказуемаго существовали и составныя сказуемыя разсматриваемаго типа, то-есть съ *отвлеченною* (можетъ быть, лишь относительно отвлеченною) связкою и причастіемъ наст. (и будущ.), такъ что говорили напримѣръ * bherō—несу и также * esmi bherontṣ—есмь несущій; различіе между ними было, повидимому, только формально-синтаксическое и сводилось къ тому. что первая форма составляла *одинъ* моментъ въ сознаніи, а вторая—*два*.

„Наканунѣ“ раздѣленія индоевропейскихъ языковъ глаголы **esmi* и **bheu̯ō*, употреблявшіеся для выраженія связки, уже достигли извѣстной высоты отвлеченія. Но болѣе или менѣе живые слѣды ихъ былой конкретности (знаменательности) еще сохранялись тогда. Не будетъ ошибкою сказать, что первый—*esmi — сталъ отвлеченнымъ раньше втораго. и къ концу проэтнической эпохи онъ сберегъ сравнительно мало воспоминаній о своей прежней знаменательности; можно — по нѣкоторымъ намекамъ — только догадываться, что онъ нѣкогда значилъ *дышать*. потомъ *жить*[1]). Пока эти значенія еще

[1]) Эти намеки даны въ санскр. *asu-s*—жизнь („одушевленность“), жизненная сила, куда примыкаетъ и *asura-s*—сперва „одушевленный“, живой, духъ, потомъ *господинъ*, *владыка* (въ Ведахъ); другое значеніе — „демонъ“, очевидно,

сохранялись въ немъ, сочетаніе *esti *bheronts не отвѣчало позднѣйшему „*есть несущій*“, ἔστι φέρων, скр. asti bharan, слав. ѥсть несы, а было составнымъ сказуемымъ съ *конкретною* связкою, въ родѣ напримѣръ тѣхъ, гдѣ связкою служитъ глаголъ въ значеніи *жить*, напримѣръ „похвала *живетъ* человѣку пагуба“, ἐγὼ... γείτων οἰκῶ τῇ Ἑλλάδι (Anabas. II, 3, 18, чему въ кн. III, 2, 4 отвѣчаетъ γείτων τε εἴη τῆς Ἑλλάδος). Переходъ отъ конкретнаго понятія *жить* къ отвлеченному *быть* прекрасно иллюстрируется аналогичнымъ явленіемъ въ русскомъ языкѣ; я имѣю въ виду случаи употребленія глагола *жить* въ значеніи verbi substantivi, напримѣръ: „и со княгинями бы еси и зъ боярынями поговорила, что таково у Ивана явилося и *живетъ* ли (то-есть бываетъ ли) таково у дѣтей у малыхъ? и будетъ *живетъ*, ино съ чего таково *живетъ*, съ роду ли, или съ иного чего“? (Письма вел. кн. Василія Іоанновича супругѣ его Еленѣ Васильевнѣ, Бусл. Христ., 755).

Гораздо дольше и яснѣе сохранялъ свое знаменательное значеніе индоевропейскій глаголъ *bheu̯, bhū, bhu. Онъ, повидимому, первоначально значилъ *расти*, *прозябать*, *процвѣтать*, *быть въ силѣ*. Однимъ изъ отпрысковъ этого значенія является греч. φύω — произвожу, порождаю, и φύομαι—рождаюсь, возникаю, далѣе—φυτόν—растеніе, наше *быліе*. Въ санскритѣ мы имѣемъ остатки или, лучше, формы дальнѣйшаго развитія этого основнаго значенія въ выраженіяхъ слѣдующаго рода: yo vai *bhavati* yaḥ çreṣṭhatām açnute sa kilbiṣam *bhavati* (Aitareya-Brāhm, I, 13), что́, по моему мнѣнію, должно быть переведено такъ: кто *преуспѣваетъ* (возвышается), кто достигаетъ привиллегированнаго положенія, тотъ (eo ipso) *доразвивается* до ошибки (впадаетъ въ погрѣшность)“. Въ С.-Петербугскомъ словарѣ это мѣсто переведено иначе: wer *Etwas ist* (bhavati) und obenan steht, der *geräth* (опять bhavati) in Verfehlung. Полагаю, гораздо проще будетъ принять здѣсь глаголъ *bhavati* въ его знаменательномъ употребленіи, на которое я только что указалъ: тогда не будетъ надобности прибѣгать къ искусственному толкованію перваго *bhavati* черезъ „Etwas ist“, а второе переводить ужъ очень вольно черезъ *geräth*. Въ обоихъ случаяхъ глаголъ значитъ *возрастать*, *возвышаться*, но въ первомъ это основное значеніе взято въ смыслѣ

развилось изъ основнаго—„духъ“ (злой духъ); сюда же авест. *anhu-ṣ*—міръ (собст. живой міръ, совокупность живыхъ существъ) и *ahurô*—владыка, господинъ, Господь, др. перс. *aura*.

преуспѣвать, достигать извѣстной высоты и т. п., а во второмъ—въ смыслѣ *доразвиваться*, *дорости до*, *достигать*. *Ait.-Br.* III, 33: tad asyaitad*bhūtavan*nāma *bhavati* vai sa yo syaitadevam nāma veda—переведено Веберомъ очень удачно такъ: dies nämlich ist sein *gedeilicher* Name: es *gedeiht* wer also diesen seinen Namen weiss (Ind. St. IX, 269). Здѣсь *bhavati* опять значитъ „преуспѣваетъ“ (благоденствуетъ), и прилагательное *bhūtavant* — „сопряженный съ преуспѣваніемъ“, счастливый—объ имени (названіи), приносящемъ успѣхъ, счастье.—*Ait.-Br.* III, 39.: tato vai devā *abhavan* parāsurāh—оттого боги возобладали (преуспѣли, возвысились), а Асуры—пали [1]). Во второй части фразы при частицѣ *parā* подразумѣвается *abhavan*: это praeverbium (parā) придаетъ глаголу значеніе противуположное тому, которое онъ имѣетъ самъ по себѣ, безъ parā, или съ другими частицами, усиливающими его значеніе (или, лучше, содѣйствующими его сохраненію), напримѣръ *pra*; поэтому *parābhavan* значитъ „опустились, регрессировали, пали, погибли“. Здѣсь именно благодаря антитезѣ abhavan—parābhavan съ полною ясностью обнаруживается конкретное значеніе глагола *bhū*.—*Ait.-Br.* IV, 23: tato vai so *bhavad* ātmanā pra prajayā paçubhir ajāyata—Веберъ: darum *gedieh* er (Prajāpati) selbst, und hatte reichen Segen an Familie und Vieh (Ind. St. IX, 282). Здѣсь abhavat стоитъ параллельно глаголу pra—ajāyata и очевидно имѣетъ значеніе аналогичное значенію послѣдняго; prājāyata значитъ „размножался“, „разрастался“, „благоденствовалъ—пользуясь изобиліемъ потомства и скота“,—соотвѣтственно этому и *abhavat*, конечно, должно быть переведено не отвлеченнымъ глаголомъ, а конкретнымъ—въ значеніи „преуспѣвать, благоденствовать“ и т. п.—Несомнѣнный случай употребленія этого глагола и его причастія въ конкретномъ значеніи въ Ригъ-Ведѣ будетъ приведенъ ниже (bhavema bhavantah).—По мѣрѣ того какъ глаголъ *bhū* становился все отвлеченнѣе и все чаще употреблялся въ качествѣ отвлеченной связки, его первоначальное конкретное значеніе постепенно забывалось; тогда на помощь послѣднему явились тѣ *praeverbia*, которыя обладали способностью, если можно такъ выразиться, „подогрѣвать“ исчезающее значеніе и вмѣстѣ видоизмѣнять его въ ту или другую сторону, но всегда въ положительномъ смыслѣ; таковы *pra*, *vi*, *ā*, *abhi* и ихъ сочетанія. Оттуда, напримѣръ, *pra-bhavāmi*—увеличиваюсь, преизобилую, преодолѣваю, владычествую и пр. и

[1]) У Вебера: daher *gediehen* die Götter, unter (gingen) die Asuras.

прич. *prabhūta*—изобильный, многочисленный; *abhi-bhavāmi*—преодолѣваю, побѣждаю; также именныя образованія, какъ *ābhū*—1) споспѣшествующій, 2) пособникъ, сотоварищъ; *prabhū* и *prabhu* 1) могучій, преодолѣвающій, 2) повелитель, владыка.—Наконецъ, къ числу отпрысковъ отъ основнаго значенія *bhū*, развившихся въ томъ же направленіи, въ какомъ развивались формы съ предлогомъ *pra*, нужно отнести столь распространенное въ классическомъ санскритѣ слово *bhavān*—въ значеніи *господинъ*, *владыка*, *повелитель*, употребляющееся также для вѣжливаго выраженія 2-го лица (съ глаголомъ въ третьемъ, какъ *monsieur*, сравн. польск. *pan*, только послѣднее—со вторымъ лицомъ глагола).

Въ виду 1) употребленія разсматриваемаго глагола въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ въ значеніи *отвлеченномъ* (скр. наст. *bhavāmi*, imperf. *abhavam* аог. *abhūvam*, perf. *babhūva* и пр., лат. *fui*, *futurus* и др., слав. *быти*, *бѣхъ*, *бѫхъ*, бѫдѫ) и 2) существованія только-что приведенныхъ остатковъ его *конкретнаго* значенія въ Санскритѣ и соотвѣтственныхъ фактовъ въ другихъ языкахъ (греч. φύω, φύομαι, φυτόν, наше былие),— слѣдуетъ думать, что въ концѣ эпохи проэтнической этотъ глаголъ, уже достигшій тогда извѣстной степени отвлеченія, въ то же время удерживалъ и свои конкретныя значенія, выражая представленія *роста*, *процвѣтанія*, *произростанія*, *преуспѣванія*, *силы* и пр. Безъ всякаго сомнѣнія, эти оттѣнки и были основными, а отвлеченное понятіе *возникновенія* и *бытія* было вторичнымъ, полученнымъ оттуда путемъ обобщенія. Весьма вѣроятно, что въ процессѣ этого обобщенія участвовало понятіе *жизни*, для котораго вышеуказанныя болѣе частныя понятія *роста* (*прозябанія*), *произростанія*, *процвѣтанія*, связанныя съ глаголомъ *bheu̯*, *bhū*, служили *представленіемъ*; такъ что на этой ступени развитія нашъ глаголъ имѣлъ *внутреннюю форму* съ понятіемъ *жить* въ качествѣ значенія и понятіемъ *роста*, *процвѣтанія* и пр. въ роли представленія (образа).

Теперь представимъ себѣ наше составное сказуемое въ эпоху, когда глаголы-связки **bheu̯* и **es* еще сохраняли свои частныя значенія, первый—тѣ, на которыя мы только-что указали, а второй (предположительно)—*дышать* и *жить*.

Въ эту отдаленную эпоху сочетанія **bheu̯ō—bheronts* и **esmi—veg,honts* значили „росту (и живу) несущій“ и „дышу (и живу) везущій“. Настоящій предикатъ здѣсь заключался въ причастіи, связка же, не выходя изъ своей роли, не вторгаясь въ область ска-

зуемаго, только вызывала въ сознаніи извѣстное представленіе (роста, дыханія, жизни), служившее грамматическимъ выраженіемъ (или, лучше, преобразованіемъ) связки психологическаго сужденія; это представленіе, отлитое въ форму глагола съ конкретнымъ значеніемъ, воспринималось мыслью не какъ цѣль рѣчи (то-есть не какъ подлинный предикатъ), а какъ путь, ведущій къ нему, какъ усиліе ума— добраться до этой цѣли. Такой путь и пролагала себѣ младенческая мысль, еще не вооруженная отвлеченіями высшихъ ступеней (напримѣръ, понятіемъ *становленія*—werden, *бытія*—sein), улавливая доступныя ей или ею постулируемыя *проявленія* бытія и дѣятельности вещей; къ числу такихъ проявленій принадлежали представленія *роста*, *силы*, *дыханія*, фактической или предполагаемой *одушевленности* вещей, ихъ *жизни*, въ особенности *волевыхъ актовъ*, *хотѣній*, а также и болѣе частныхъ свойствъ или аттрибутовъ вещей, напримѣръ, *бѣгъ* для звѣря, *полетъ* для птицы, „*лежаніе*“ (сила косности) для камня и т. п. Тогда фраза. напримѣръ, „птица несетъ добычу“ выражалась такъ: “птица *летитъ*—несущая добычу“, „птица *живетъ*— несущая“ и т. д., гдѣ *летитъ* и *живетъ* были связками.

Эти архаическія формы составнаго сказуемаго были, какъ видно изъ вышесказаннаго, прототипами тѣхъ болѣе позднихъ формъ его, въ которыхъ связка выражена не отвлеченными глаголами, а такими, какъ, напримѣръ, *жить* („деньга покатна *живетъ*“) и также (выражающіе лишь другія представленія, уже большею частью полустертыя) греч. ὑπάρχω, διατελῶ, φαίνομαι и мн. др., о которыхъ еще будетъ рѣчь ниже.

Но при всемъ томъ есть существенное различіе между исторически-извѣстными составными сказуемыми этого рода (со связкою, выражающею живое представленіе) и тѣми индоевропейскими (проэтническими) ихъ прототипами, о которыхъ мы ведемъ теперь рѣчь. Различіе это сводится къ тому, что проэтническія сказуемыя со связками *esmi, bheu̯ō и друг. — въ ихъ *древнѣйшихъ значеніяхъ* предшествовали появленію въ мысли отвлеченныхъ глаголовъ и соотвѣтствующихъ имъ связокъ, между тѣмъ какъ исторически-извѣстныя древнѣйшія сочетанія съ конкретнымъ представленіемъ въ роли связки появились уже послѣ того, какъ глагольныя отвлеченія (понятія бытія, существованія, становленія—sein и werden) давно были совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ эти составныя сказуемыя предполагаютъ предшествующее имъ сочетаніе съ отвлеченною связкою и должны быть разсматриваемы не какъ прямое продолженіе

проэтническихъ сочетаній съ конкретными представленіями въ связкѣ, а какъ возвращеніе къ нимъ, какъ родъ реакціи противъ развивающейся отвлеченности грамматической мысли,—реакціи, стремящейся не воскресить старую форму, а создать новую по образцу старой,— не возвратиться къ прежнимъ путямъ мысли, орудовавшей конкретными представленіями, при невѣдѣніи отвлеченныхъ понятій, а проложить аналогичные новые пути, пользуясь конкретными представленіями—при обладаніи понятіями абстрактными, такъ что первыя являлись теперь способами изображенія вторыхъ. Оттуда—большое различіе въ умственной постановкѣ, въ самомъ характерѣ этихъ новыхъ формъ, этихъ процессовъ мысли, съ одной стороны и—ихъ архаическихъ прототиповъ съ другой. Въ извѣстномъ смыслѣ ихъ можно назвать *архаизирующими* (а не архаическими), *ретроспективными* (а не ретроградными).

На пути нашихъ изысканій въ области синтаксиса мы не разъ еще будемъ встрѣчать явленія этого рода, во многомъ напоминающія намъ соотвѣтственные факты изъ области высшей мысли—надъ языкомъ (научной и философской): возвращеніе (скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, во всякомъ случаѣ неполное) къ прежнимъ, отжившимъ пріемамъ мысли и точкамъ зрѣнія, послѣ того какъ былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ впередъ.

Возвращаясь къ нашимъ наблюденіямъ надъ различными формами составнаго сказуемаго архаическаго или архаизирующаго типа, мы прежде всего встрѣчаемъ любопытную разновидность, которую опредѣлимъ такъ:

II. Плеонастическое составное сказуемое; связка знаменательна; предикативный аттрибутъ, выраженный причастіемъ наст., произведенъ либо отъ той самой глагольной темы, отъ которой взята связка, либо отъ темы, близкой къ ней по лексическому значенію.

Лучшіе образчики этой формы встрѣчаются въ древнѣйшихъ санскритскихъ текстахъ. Нужно различать разновидности этого типа.

1. Первая разновидность—настоящая *тавтологія*. Таковы:

Rv. VII, 52,1... *sánema* mitrāvaruṇā *sánanto bhávema* dyāvāpṛthivī *bhávantaḥ* — букв. „да *стяжаемъ* мы (напримѣръ добычу; или: да одолѣваемъ мы—враговъ) *стяжающіе* (одолѣвающіе), о Митра-Варуна; да *процвѣтаемъ процвѣтающіе* (или преуспѣваемъ преуспѣвающіе), о небо и земля!“. Болѣе литературный переводъ былъ бы: „стяжая, да стяжаемъ“, и т. д., то-есть при посредствѣ дѣепричастія. Корень *bhū*, какъ въ глаголѣ-связкѣ, такъ и въ причастіи, я принимаю здѣсь

не въ отвлеченномъ значеніи, а въ конкретномъ—*прозябать*, *расти*, *процвѣтать*, *быть въ силѣ* и т. п., каковое онъ, какъ мы знаемъ, еще сохранялъ въ древнѣйшихъ санскритскихъ текстахъ, о чемъ у насъ была рѣчь выше. Невозможно, конечно, опредѣлить съ точностью, какъ распредѣлялась тяжесть предикативности между обоими частями сказуемаго,—падала-ли большая часть ея на причастіе или же на глаголъ, или, быть можетъ, равномѣрно между ними распредѣлялась. Вѣрнѣе всего, что въ разныхъ головахъ или въ одной и той же головѣ. но въ различное время, составное сказуемое этого рода могло отражаться различно. Однимъ изъ болѣе архаическихъ способовъ его отраженія слѣдуетъ признать тотъ, при которомъ наибольшая доля предикативности падаетъ на причастіе, а глаголъ ощущается преимущественно какъ связка, являясь лишь замѣною *отвлеченной* связки: *sánema sánantaḥ* вмѣсто *syā́ma sánantaḥ*, то-есть „да стяжаемъ стяжающіе“ вмѣсто „да будемъ стяжающіе“. Въ этой постановкѣ разсматриваемая форма является однимъ изъ многихъ образчиковъ той стороны въ развитіи грамматическаго мышленія, которую выше я назвалъ *ретроспективною*: она выражается въ созданіи новыхъ формъ по образу и подобію старыхъ, уже отжившихъ или отживающихъ. Возвращеніе къ болѣе древнему типу въ данномъ случаѣ выразилось въ употребленіи знаменательной, конкретной связки вмѣсто отвлеченной, которая уже была въ распоряженіи языка, и (предполагая сосредоточеніе наибольшей доли предикативности въ причастіи) въ трактованіи глагола только или преимущественно какъ связки. Во второй части фразы (bhávema bhávantaḥ) мы видимъ даже не замѣну отвлеченной связки (напримѣръ syā́ma) другою—знаменательною, а возвращеніе самаго глагола *bhū*, котораго отвлеченное значеніе было уже въ полномъ ходу, къ его же болѣе древнему—конкретному—значенію. Вотъ именно этого рода явленія въ языкѣ я и предлагаю называть не архаическими, а *архаизирующими*. Но такой архаизирующій оборотъ всегда утилизируется языкомъ для выраженія новыхъ оттѣнковъ мысли. Эти новые оттѣнки находятся въ связи съ перемѣщеніемъ центра тяжести предикативности отъ причастія къ глаголу. Тогда послѣдній образуетъ часть сказуемаго не только въ своей роли связки, но и въ качествѣ носителя большей или меньшей доли предикативности. Предполагая, что онъ перетянулъ къ себѣ бо́льшую часть предикативности и является преимущественнымъ выразителемъ сказуемаго, а причастіе остается во фразѣ какъ бы по инерціи, служа только придаткомъ къ глаголу,—

мы получимъ уже иной смыслъ оборота: онъ будетъ выражать то же, что̀ выражается аналогичными фразами безъ причастія: *sanema sanantaḥ* почти равносильно одному *sanema*, а причастіе только усиливаетъ, подчеркиваетъ мысль глагола; въ этой роли оно можетъ быть названо *participium emphaticum*—по примѣру такого же еврейскаго *инфинитива*.

Другой оттѣнокъ выражается тѣмъ же оборотомъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

Ṛv. II, 43, 3, *āvádaṃs* tváṃ çakune bhadrám ā́ *vada*..... „*возвѣщающая* (возвѣщая), о птица, *возвѣсти* благое...“. Взятая отдѣльно, эта фраза могла имѣть тотъ архаическій смыслъ, о которомъ мы только что говорили, поясняя предыдущій примѣръ, а равно и—тотъ, какой характеризуется употребленіемъ причастія въ качествѣ participium emphaticum. Въ дѣйствительности же наша фраза имѣетъ другой смыслъ, явствующій изъ остальной части стиха: tūṣṇím ā́sīnah sumatíṃ cikiddhi nah yád *utpátan vadasi* karkarír yathā....“ „*сидя молча*, яви намъ благоволеніе, чтобы взлетая ты звучалъ какъ karkari“ (какой-то музыкальный инструментъ). Дѣепричастіями я вольно перевелъ санскритскія причастія, въ которыхъ—въ данномъ случаѣ—скрытъ оттѣнокъ, поддающійся въ переводѣ раскрытію при помощи оборота съ *если*: „*если* ты *сидишь* молча, то и т. д..... чтобы, *если взлетаешь*, ты звучалъ“... Это побуждаетъ насъ видѣть тотъ же оттѣнокъ и въ первой части фразы: „*если* ты (что-либо) *возвѣщаешь*, то возвѣсти благое“ [1]).

Satap.—Brahm. 11, 1, 6, 4: sa vā ekākṣaradvyakṣarāny eva prathamaṃ *vadan* prajāpatir *avadat* tasmād ekākṣaradvyakṣarāny eva prathamam *vadan* kumāro *vadati*—„это именно Праджапати впервые *говорилъ говорящій* (говоря) односложныя и двусложныя слова; поэтому ребенокъ (мальчикъ) *говоритъ* (то-есть, начинаетъ говорить) *говорящій* (говоря) односложныя и двусложныя слова“. Оттѣнокъ, здѣсь скрытый, раскрывается въ переводѣ конструкціею съ „когда“: когда Праджапати говорилъ, онъ произносилъ односложныя и т. д. [2]).

---

[1]) Въ послѣдней части стиха есть неясность.

[2]) Примѣры подобной тавтологіи можно бы привести изъ греческаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта LXX-ти, но они искусственная конструкція, приспособленная для передачи еврейскаго оборота съ infin. emphaticus, напримѣръ, Судеи. XI, 30: 'im nāϑōn titten εϑ bĕnē ghammon—ἐὰν δὶδοὺς δῷς μοι τοὺς υἱοὺς 'Αμμών. Другой способъ передачи этого инфинитива — черезъ существительное, напримѣръ, Судей. XIII, 22: mōϑ namuϑ—Θανάτῳ ἀποθανούμεθα.

2. Вторая разновидность — тавтологія относительная; глаголъ и причастіе—синонимы, болѣе или менѣе полные, чаще всего выражающіе различныя оттѣнки или подробности одного и того же понятія.

Ṛv. IV, 17, 10: .... víçvaṃ dṛḷhám *bhayata éjad* asmāt—„все прочное *боится трепещущее* его“ (или лучше „*содрагающееся*“), то-есть, все (даже) прочное (солидное, массивное, напримѣръ, земля, горы) дрожитъ въ страхѣ передъ нимъ (Индрою).

Ṛv. II, 11, 9: *árejetāṃ* ródasī *bhiyāné* kanikradato vṛ́ṣṇo asya vájrāt — „*трепетали* два міра (Небо и Земля) *боящіеся* (въ страхѣ) ревущаго быка (самца), его перуна“.

Ṛv. I, 54, 2 .. çṛnvántam índram *maháyann abhíṣṭuhi*—„*прославъ* (*воспой* хвалебнымъ гимномъ) *возвеличивающій* (возвеличивая) Индру, который слышитъ (эти хвалы)“.

Çat.-Brahm. 3, 1, 2, 17: sa *bibhyatī trasati*—„она *боящаяся дрожитъ* (она дрожитъ въ страхѣ)“.

Ṛv. V, 13, 1: *árcantas* tvā *havāmahe*—„*поющіе* мы *взываемъ* къ тебѣ“.

Od. XIII, 37: .... πιφαυσκόμενος φάτο μῦθον—„сказалъ возвѣщающій“.

Ilias. VIII, 195: „... θώρηκα, τὸν Ἥφαιστος κάμε τεύχων—„произвелъ (смастерилъ) изготовляющій“ [1]).

Il. X, 470: .... ἶξον ἰόντες—„дошли (добрались) идущіе“.

Il. XVIII. 32: ... ὀδύρετο δάκρυα λείβων... „рыдалъ проливающій слезы“.

Il. XIII, 52—53: ..... ὄφρ' εὖ πᾶσαι εἴδετ' ἀκούουσαι — „чтобы вы всѣ хорошо *знали слышащія*“.

Herod. III, 16, 7: ἐπείτε δὲ καὶ ταῦτα ἔκαμον ποιεῦντες.....

Il. VI, 147—148: .. ἄλλα δέ (φύλλα) θ' ὕλη τηλεθόωσα φύει... „производитъ цвѣтущая“.

Herod. IV, 24, 18: ἵπποι δὲ ἀνεχόμενοι φέρουσι τὸν χειμῶνα τοῦτον....

Herod. IV, 125, 11: .... ἦισαν ὑποφεύγοντες...

Herod. V, 18, 20: ... ἔλεγον..... φάμενοι... V, 49, 27: ... ἔφη λέγων...

Этотъ плеонастическій (тавтологическій, синонимный) оборотъ доя-

---

[1]) Этого типа сочетанія съ замѣною причастія глаголомъ превращаются въ глагольное ἐνδιαδυοῖν, гдѣ сказуемое выражено двумя синонимами, напримѣръ, Il. VIII, 386: ... ὀν (πέπλον) ῥ' αὐτὴ ποιήσατο καὶ κάμε (Аѳина) χερσίν.

женъ быть разсматриваемъ какъ частный случай болѣе общаго явленія: какъ извѣстно, различные виды ἐνδιαδυοῖν встрѣчаются чуть ли не во всѣхъ категоріяхъ рѣчи. Такъ, въ области существительнаго мы нерѣдко находимъ сочетанія двухъ синонимныхъ терминовъ, частью равносильныхъ, частью выражающихъ различныя стороны одного и того же понятія, или, наконецъ, обозначающихъ—одинъ—болѣе общее понятіе, а другой—болѣе частное. Напримѣръ, у насъ „путь-дорога“, „міръ-народъ“ („и многой міръ-народъ погубили“ — пѣсни Джемса 1619—1620 г., Бусл. Хрест., стр. 1034); τέκτονες-ἄνδρες (Il. XIII, 390), δμωὰς-γυναῖκας (Od. XIII, 67), ἴρηξ-κίρκος (Od XIII, 86—87), στρόφος-ἀορτήρ (Od. XIII, 438); санскр. rakṣāṃsi—nāṣṭrāh—демоны (нечистая сила)—Çat.-Br. 10, 2, 3, 2; abhaye—anāṣṭre—въ безопасности—Çat.-Br. 10, 2, 5, 1. Глагольныхъ сочетаній этого рода, какъ, напримѣръ, вышеприведенное (въ примѣчаніи) гомер. ποιήσατο καὶ κάμε, можно найдти въ разныхъ языкахъ не мало. Особую разновидность явленія составляютъ тѣ сочетанія, въ которыхъ составные термины принадлежатъ различнымъ частямъ рѣчи, какъ, напримѣръ, сочетаніе прилагательнаго съ нарѣчіемъ, въ родѣ гомер. μέγας-μεγαλωστί (Il. XVIII, 26), или глагола съ существительнымъ, куда относятся выраженія типа μήχην μάχεσθαι, гомер. ὄνον οἰνίζεσθε (Il. VIII. 506), санскр. jitim jayati—„побѣждаетъ побѣду“, vyaṣṭim vyaçnute—„достигаетъ достиженіе“ (Çat.-Br. 10, 2, 4, 8), слав. стрьгѫште стражѫ и т. п.

Эти примѣры я привелъ только для того, чтобы бѣгло намѣтить тотъ кругъ явленій, къ которымъ нужно отнести разсматриваемое здѣсь тавтологическое или синонимическое составное сказуемое. Обстоятельное изслѣдованіе разныхъ видовъ сочетаній ἐνδιαδυοῖν, направленное къ раскрытію лежащаго въ ихъ основаніи психологическаго процесса лингвистической мысли. конечно, пролило бы свѣтъ и на психологію нашего составнаго сказуемаго. Я не могу здѣсь представить опытъ такого изслѣдованія и ограничусь замѣчаніемъ, что пошибъ мысли, обнаруживающійся въ этихъ сочетаніяхъ, представляется мнѣ въ высокой степени архаичнымъ, и что *первоначально*, въ древнѣйшее время, эти обороты были знаменіемъ и естественнымъ продуктомъ того состоянія умовъ, при которомъ человѣкъ долженъ дважды подумать и сказать одно и то же, чтобы постичь (*апперцепировать*) свою собственную мысль. Въ эту эпоху *имена*, еще не вполнѣ обособившіяся въ одну сторону, какъ существительныя, въ другую — какъ прилагательныя, большею частью мыслились *на-*

рами—разныхъ сортовъ, какъ тѣми, которыя составляли ἕν διὰ δυοῖν и были тавтологіями, такъ и иными. Мысленное подчиненіе въ такихъ парахъ одного термина, въ качествѣ *аттрибута*, другому, выступавшему въ сознаніи какъ *опредѣляемое*, и было первымъ шагомъ къ образованію категоріи прилагательнаго. Повтореніе такихъ сочетаній именъ въ болѣе позднее время, когда раздѣленіе существительнаго и прилагательнаго было давно совершившимся фактомъ, и только сохранялись нѣкоторые слѣды ихъ былой тожественности,— было опять-таки не сохраненіемъ архаическаго явленія, а созданіемъ *архаизирующихъ* формъ. Напримѣръ, *вльци-хыштьници* (Зограф. ев., 7) есть такая архаизирующая форма, далеко не тожественная съ ея архаическимъ прототипомъ, ибо въ послѣднемъ оба термина еще не были настоящими существительными, какъ не были они и прилагательными, а были той исчезнувшей потомъ категоріей, изъ которой обѣ части рѣчи дифференцировались. Какъ форма, подлежавшая дифференцированію и разложенію на составныя части, архаическая *пара* этого типа была ареною преимущественно аналитическихъ (конечно, безсознательныхъ) процессовъ мысли. Созданіе новой пары изъ двухъ, уже давно готовыхъ, существительныхъ (вльци-хыштьници) явилось скорѣе продуктомъ *синтеза*.

Тавтологическій или синонимный оборотъ съ причастіемъ былъ первоначально также *парою*, въ которой еще не было ни настоящаго—въ собственномъ и позднѣйшемъ смыслѣ — *глагола*, ни такового же *причастія*. На мѣстѣ перваго стояла форма, которую можно назвать *прото-причастіемъ*; это было архаическое „*пра-имя*“, образовавшее потомъ темы (основы) глаголовъ; на мѣстѣ же втораго (причастія) могла уже находиться именная форма съ суффиксомъ—*nt*, которая впослѣдствіи, когда глаголъ организовался, вошла въ его систему въ качествѣ причастія, взявъ на себя миссію выражать то, что̀ нѣкогда выражалось глагольными основами, когда онѣ были самостоятельными словами. Эти основы, выступая въ роли связки, получали нѣкоторое дополненіе въ видѣ частицъ, преимущественно мѣстоименнаго происхожденія, имѣвшихъ цѣлью напомнить о дѣйствующемъ лицѣ и лишній разъ вызвать въ сознаніи представленіе его волевыхъ актовъ. Такимъ путемъ архаическое пра-имя, выступавшее въ качествѣ связки, постепенно превращалось въ глаголъ. И я думаю, что этотъ процессъ созданія глагольной категоріи впервые сталъ проявляться именно въ сочетаніяхъ тавтологическихъ. Возьмемъ приблизительную схему такого сочетанія, напримѣръ, **bhere -ti bheronts*.

Я думаю, что первоначально **bherē* было самостоятельное *пра-имя*, приспособившееся къ функціи связки, между тѣмъ какъ оно же съ другою вокализаціею корня **bhorē* приспособилось къ функціи подлежащаго (и объекта). Приставка *-ti* была тавтологическимъ (или лучше анафорическимъ) указаніемъ на дѣйствующее лицо и оттѣняла волевое представленіе, заключенное въ **bherē*. Въ этомъ видѣ связка отчетливѣе выступала въ сознаніи, и мысль говорящаго живѣе представляла себѣ функціональную (синтактическую) разницу между нею и тавтологически связаннымъ съ нею предикативнымъ аттрибутомъ *bherонts. По мѣрѣ того какъ она все болѣе становилась *глаголомъ*, этотъ предикативный аттрибутъ все болѣе становился *причастіемъ*. Эти категоріи создались—дифференцируясь.

III. Составное сказуемое съ причастіемъ наст. (или будущ.) и связкою, которая 1) колеблется между отвлеченностью и знаменательностью, 2) является иногда вполнѣ конкретнымъ представленіемъ, но во всякомъ случаѣ служитъ лишь извѣстнымъ способомъ представленія предикативной связи, которая могла бы быть представлена и другимъ способомъ.

Сюда относятся въ слав. обороты съ *бысть*, *стати*, *явитися*, *мьнѣтисѧ* и др. Напримѣръ:

Зограф. ев., 62: *бы҃* же облакъ *осѣнѣꙗ* ѥ — καὶ ἐγένετο νεφέλη ἐπισκιάζουσα αὐτοῖς (Марк. IX, 7). Готск. jah *varþ* mîlhma *ufarskadvjands* im.

Здѣсь въ греческомъ стоитъ уже не ἦν, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ съ отвлеченною связкою, а ἐγένετο—глаголъ не столь отвлеченный какъ εἶναι, — и слав. *бысть* и гот. vaírþan передаютъ именно отѣнокъ, съ нимъ связанный (становиться, возникать, являться).

Маріин. ев. 16: да б(ѫ) сѧ *явили* чл҃вко(мъ) *постꙗщите* — ὅπως φανῶσι τοῖς ἀνθρώποις νηστεύοντες (Матѳ., VI, 16).—Гот.: *ei gasaiwaindau* mannam *fastandans*. Ib. да не *явиши* сѧ чл҃кмъ *постꙗ* сѧ— ὅπως μὴ φανῇς τοῖς ἀνθρώποις νηστεύων (Ib. 18). Гот.: ei ni *gasaiwaizau* mannam *fastands*.

Слав. *явити* сѧ и гот. *gasaiwan* [1]) *въ медіальн. формѣ* служатъ прекрасною передачею греч. φαίνω.

Зограф. ев. 97: і еже *мьнитъ* сѧ *імѣꙗ* отыметъ сѧ отъ него — καὶ ὁ δοκεῖ ἔχειν ἀρθήσεται ἀπ' αὐτοῦ (Лук. VIII, 18). Гот.: jah þatei

[1]) видѣть, смотрѣть, ὁρᾶν.

þugkeiþ haban afnimada af imma. Здѣсь въ греч. и гот. не тотъ оборотъ, что̀ въ слав.: въ послѣднемъ оборотъ съ причастіемъ, а тамъ—съ инфинитивомъ.

Зограф. ев. 104: і се законникъ етеръ *въста іскоушаѧ* ì і гл҃ѧ — καὶ ἰδοὺ, νομικός τις ἀνέστη ἐκπειράζων αὐτὸν καὶ λέγων (Лук. X, 25). Гот.: vitodafasteis sums *ustoþ fraisands* ina jah *qiþands*.

Зограф. ев. 131: *стоѣахѫ* же архиереі і кънижьници прилежьно *вадѧште* на нь—εἱστήκεισαν δέ οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ γραμματεῖς εὐτόνως κατηγοροῦντες αὐτοῦ (Лук. XXIII. 10). Въ гот. этой главы нѣтъ.

Въ греческомъ, кромѣ глаголовъ, употребленныхъ въ этихъ примѣрахъ изъ Евангелія, весьма распространены въ этой роли полуотвлеченной связки также тѣ, которые были приведены нами выше, именно διατελῶ, ὑπάρχω, τυγχάνω и др., а равно и сложныя связки, какъ φανερός εἰμι и др. Далѣе встрѣчаются различные глаголы въ значеніяхъ *сидѣть*, *ходить*, *жить* и т. п., а равно и такіе, которые воспроизводятъ не объективный признакъ, а субъективный—въ формѣ указанія на представленіе, мнѣніе, мысль, чувства лица дѣйствующаго или лица говорящаго (φαίνεται, γινώσκεται, δοκεῖ). Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ Гомера и Геродота:

Od. XIV, 334: τύχησε γὰρ ἐρχομένη νηῦς...

Od. XIII, 216: μή τί μοι οἴχωνται κοίλης ἐπὶ νηὸς ἄγοτσες.

Il. XVII, 146—7: οὐ γάρ τις Λυκίων γε μαχησόμενος Δαναοῖσιν εἶσι περὶ πτόλεος.

Il. XV, 50: (εἰ μεν...) ἶσον ἐμοὶ φρονέουσα μετ' ἀθανάτοισι καθίζοις...

Herod. IV, 82, 8: ...ἀναβήσομαι δὲ ἐς τὸν κατ' ἀρχὰς ἤια λέξων λόγον.

Herod. IV, 133, 5: ...ἐλευθερίην ὑμῖν ἥκομεν φέροντες.

Herod. IV, 139, 11: ...χρηστὰ ἥκετε φέροντες...

Herod. IV, 160, 9: ...οἴχοντο φεύγοντες...

Herod. IV, 165, 5: ...φεύγουσα οἰχώκεε..

Herod. IV, 177, 3: ...οἵ τὸν καρπὸν μοῦνον τοῦ λωτοῦ τρώγοντες ζώουσιν.

Herod. IV, 53, 16: ...γινώσκεται ρέων... 18: φαίνεται δὲ ῥέων...

Herod. III, 69, 10: καὶ ἤν μεν φαίνεται ἔχων ὦτα...

Въ санскритѣ въ составныхъ сказуемыхъ этого типа въ роли связки выступаютъ такіе глаголы, какъ *emi*—иду, *tisṭhāmi*—стою, нахожусь, пребываю, *carāmi*—хожу, шествую и нѣк. др., съ предлогами и безъ нихъ.

Aitareya-Brahm., VII. 1: ...prāṇeṣu caiva tat svargeṣu *pratitiṣṭhanto*

yanti—смыслъ: „этимъ они *упрочиваются* въ (этой) жизни и въ небесахъ (въ той жизни)“, а буквально: „*идутъ опирающіеся*“.

Aitar.-Brahm. III, 35: agnīn vā eso 'rcīmṣy açāntān *prasīdann eti*—смыслъ „онъ умиротворяетъ (умилостивляетъ, унимаетъ) пламя неукрощенныхъ огней“, а буквально: „онъ *идетъ умиротворяющій* неукрощенные огни—пламя“ [1]).

Çat.-Brahm., 9, 1, 1, 1: sa eṣo (agniḥ) 'tra *dīpyamano' tiṣṭhad* annam *ichamānas*—букв.: „тамъ онъ (Агни) *стоялъ* (находился) *сіяющій* (и) *желающій* (ищущій) пищи“.

Ibid., 9. 1, 1, 6: *bhiṣayamano 'tiṣṭhad* annam *ichamānas*...—*стоялъ* (находился) *устрашающій* (и) *ищущій* пищи“...

Çat.-Brahm. 5, 1, 1, 1: asurā atimānenaiva kasminn u vayaṃ juhuyāmeti svesvevāsyeṣu *juhvataç ceruḥ*—„Асуры, надменно сказавъ: кому могли бы мы совершать возліянія?—въ свои же рты (сами себѣ) *стали дѣлать возліянія*“, букв. *ходили* (шествовали) *дѣлающіе возліянія*“.

Ibid. 5, 1, 1, 2: atha devāḥ anyo anyasminn eva *juhvataç ceruḥ*—„а боги стали дѣлать возліянія другъ другу“, букв.: *ходили* (шествовали) *дѣлающіе возліянія* другъ другу.—То же выраженіе—*Çat.-Br.* 11, 1, 8. 1—2.

Aitar.-Brahm. II, 3: te 'pakramya *prativāvadato 'tiṣṭhan*—смыслъ: „они (животныя, paçavas). отойдя, *стояли* и *повторяли*“, букв. „*стояли повторяющія*“.

Aitar.-Br. II, 11: tā esām imā agnimayyaḥ puro *dipyamānā bhrājamānā atiṣṭhan*—букв. „эти огненные замки *стояли блещущіе* и *сіяющіе*“.

Aitar.-Br. I, 25: tayā puro *bhindanta āyan*—букв. „ею (стрѣлою, которая есть обрядъ *upasad*) они (боги) *шли разбивающіе* замки“.

Aitar.-Br. I, 7: tasmād daksinato 'gra oṣadhayaḥ *pacyamānā āyanti*—букв. „поэтому злаки сперва *всходятъ созрѣвающіе* на югѣ“.

Çat.-Br. 11, 1, 6, 16: tā (devatāḥ) *arcantyaḥ çrāmyantyaç ceruḥ*—букв. „они (божества) *шествовали поющія* (и) *подвизающіяся*“. То же выраженіе ibid., 14, 1, 1, 17.

Çat.-Br. 14, 4, 2, 20: brahmavidyayā sarvam *bhavisyanto manusyā*

---

[1]) Весьма употребительное въ древнѣйшемъ санскритѣ и отзывающееся большою архаичностью сочетаніе hendiadys, въ данномъ случаѣ agnīn-arcīmṣy—„огни—пламя“ (пламя — во множ. ч.), вмѣсто чего мы скажемъ „пламя огней“. Ср. выше—объ „именныхъ парахъ“.

manyante—смыслъ: „люди думаютъ сдѣлаться всѣмъ (слиться съ космосомъ) путемъ науки о Брахмѣ“. Отношу этотъ оборотъ съ *manye*—думать, полагать—сюда, подобно тому какъ сюда же я отнесъ соотвѣтственные славянскіе съ *мьнѣтисѧ*. Букв.: „люди *думаютъ долженствующіе сдѣлатъся* всѣмъ (прич. буд.).

Rv. I, I, 7: úpa tvāgne... vayàm námo *bháranta émasi*—„къ тебѣ, о Агни, мы *приходимъ приносящіе* поклоненіе“.

Rv. I, 24, 11: tát tvā *yāmi* brahmaṇā *vándamānas*... „я *иду восхваляющій* тебя гимномъ“...

Rv. X, 51. 4: hotrā́d ahám varuṇa *bíbhyad āyam* (говоритъ Агни): „я *шелъ боящійся* жертвы. о Варуна“.

Ṛv. I, 48, 5: ā́ ghā yòṣeva... uṣā́ *yāti prabhuñjatī* — „какъ женщина... Заря *приходитъ радующая*“.

Число такихъ примѣровъ изъ гимновъ и прозаическихъ текстовъ можно было бы значительно пополнить. Мы ограничимся приведенными и перейдемъ къ разсмотрѣнію характерныхъ синтактическихъ особенностей этихъ сочетаній.

Чтобы уловить важнѣйшую отличительную черту нашего оборота, нужно сравнить его съ двумя другими: 1) съ уже разсмотрѣннымъ типомъ составнаго сказуемаго съ *отвлеченною* связкою и 2) съ тѣмъ, который характеризуется полною *знаменательностью* связки.

Возьмемъ съ одной стороны, въ качествѣ обращиковъ, *бъ оучѧ*, *vas laisjands*, ἦν διδάσκων, а съ другой — *въста искоушаѧ*, *ustoþ fraisands*, ἀνέστη ἐκπειράζων. Не трудно видѣть, что можно было бы безъ ущерба для смысла фразы употребить во второмъ случаѣ вмѣсто полуотвлеченной (или полузнаменательной) связки *въста*, *ustoþ*, ἀνέστη связку абстрактную и сказать: *бъ искоушаѧ*, *vas fraisands*, ἦν ἐκπειράζων. Почему это возможно? Потому именно, что фраза хочетъ сказать не то, что законникъ *всталъ*, а то, что онъ *искушалъ*, и для ея смысла, для *содержанія* ея мысли совершенно безразлично, искушалъ-ли законникъ сидя или стоя. Иначе говоря, настоящій предикатъ (die Aussage) заключенъ въ причастіи, то-есть въ предикативномъ аттрибутѣ, на долю же глагола—связки достается выражать не часть содержанія сказуемаго, а только тотъ признакъ (то дѣйствіе), при посредствѣ котораго осуществляется это содержаніе. Въ этомъ-то смыслѣ я и предпочитаю называть такія связки не *знаменательными* въ собственномъ смыслѣ, а только *полузнаменательными*.—Признакъ, выражаемый подобною связкою, можетъ быть устраненъ, безъ нарушенія смысла, путемъ замѣны этой связки *отвлеченною* связкою. —

При всемъ томъ между обѣими формами есть замѣтное различіе. Оно состоитъ въ слѣдующемъ. Связка *въста* ἀνέστη вноситъ нѣкоторый оттѣнокъ, конкретную черту, которой не даетъ связка *бѣ*, ἦν. Эта черта (какъ бы „штрихъ“) не вліяетъ на смыслъ фразы, не способна измѣнить его въ ту или другую сторону, но она имѣетъ немалое значеніе для *способа изображенія* этого смысла. *То же самое содержаніе* въ двухъ фразахъ (1, съ въста и 2, съ бѣ) изображено, представлено *двумя различными способами*. Связка *въста*, ἀνέστη, не вторгаясь въ область предиката и оставаясь *только* связкою, воспроизводитъ предикативную связь не такъ „сухо“, не такъ отвлеченно, какъ *бѣ*, ἦν, а какъ-бы наглядно или образно ее обрисовываетъ, утилизируя подходящую къ положенію (къ содержанію фразы) черту „вставаніе“; другая черта, напримѣръ *сѣдѣ* (сидѣть), для смысла была бы такъ-же возможна, какъ и *въста*, но для наглядности и, можно сказать, художественности представленія она, конечно, не подходила бы).

Все сказанное примѣнимо и къ греческимъ оборотамъ съ τυγχάνω, ὑπάρχω и т. д., съ тѣмъ, однако, различіемъ, что эти связки были еще менѣе знаменательны, чѣмъ въста и ἀνέστη въ разсмотрѣнномъ примѣрѣ, и нерѣдко могли отражаться въ сознаніи почти какъ ἦν. Но оттѣнокъ, ими вносимый, все-таки чувствовался такъ или иначе.

Въ общемъ на томъ-же уровнѣ, какъ и „въста“ и пр., стоятъ и санскритскіе обращики со связкою въ значеніи *итти, ходить, стоять* и т. п. Первый изъ приведенныхъ нами примѣровъ (Ait.-Br. VII, 1) хочетъ сказать не то, что люди *идутъ*, а то, что они *упрочиваются, опираются*, и вмѣсто *yanti* (идутъ) можно было бы взять другую образную связку, напримѣръ, *tiṣṭhanti* — стоятъ, какъ можно было бы употребить и отвлеченную *santi* (суть).

Изъ числа примѣровъ, взятыхъ изъ Гомера, укажу здѣсь на Il. XV, 50: εἰ μὲν... ἶσον ἐμοὶ φρονέουσα μετ' ἀθανάτοισι καθίζοις... Зевсъ говоритъ Герѣ, что, еслибы она была съ нимъ единомысленна, то... и т. д. Признакъ, данный въ καθίζοις, конечно, не имѣетъ никакого значенія для смысла фразы; Зевсу не нужно, чтобы Гера непремѣнно *сидѣла*, а нужно, чтобы она была въ согласіи съ нимъ. Вмѣсто данной черты (сидѣть) могла бы быть взята и другая, подходящая, напримѣръ, жить, являться и т. д., хотя бы ὑπάρχω, διατελῶ (неупотребительное у Гомера), πέλομαι и др. Вполнѣ возможно мыслить здѣсь и отвлеченную связку: смыслъ фразы остался бы тотъ же. Но связка καθίζοις важна какъ удачно выбранный, нелишенный художествен-

наго значенія *образъ, живописующій* предикативный моментъ связки, а не только сухо указывающій на него; этотъ образъ можно бы передать такъ: „еслибы ты, о Гера, *засѣдала* въ сонмѣ боговъ настроенная единодушно со мною“...

Послѣ этихъ разъясненій, полагаю, понятно, въ какомъ смыслѣ называю я этого рода связки *полуотвлеченными*. Сознаніе говорящаго воспринимаетъ такую связку почти такъ, какъ воспринимаетъ оно отвлеченную, то-есть, пользуется ею для выраженія предикативной связи, а не самого предиката. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ ней нѣтъ полной отвлеченности (какъ въ есмь, sum, εἰμι, asmi и т. д.), ибо глаголъ, ее представляющій, сохраняетъ — съ большей или меньшей отчетливостью—свое *лексическое значеніе*. Чѣмъ это послѣднее отчетливѣе, тѣмъ связка менѣе отвлеченна. Но нужно имѣть въ виду, что и при весьма отчетливомъ лексическомъ значеніи связка можетъ достигнуть большой отвлеченности, если въ данномъ предложеніи сознаніе говорящаго игнорируетъ это значеніе, не останавливается на немъ и, только пользуясь имъ какъ удобнымъ способомъ изображенія предикативной связи, спѣшитъ воспріять въ качествѣ настоящаго предиката тотъ признакъ подлежащаго, который выраженъ причастіемъ.

Въ ряду приведенныхъ нами обращиковъ найдутся такіе, въ которыхъ связка очень близка къ отвлеченной, можно сказать, почти совпадаетъ съ нею. Таковы тѣ случаи, гдѣ въ качествѣ связки являются глаголы *быть*, γίγνεσθαι и т. п. Черта, вносимая этими глаголами-связками, такъ блѣдна, такъ неспособна дать живой образъ, что мы могли бы отнести эти предложенія не сюда, а въ нашу первую рубрику, поставивъ ихъ рядомъ съ *бѣ оуча* и т. д. Такъ поступилъ Потебня [1]). Но я предпочитаю отдѣлять ихъ отъ предложеній съ отвлеченною связкою, какъ *есмь, бѣ* и пр. Въ послѣднихъ связка ничего не выражаетъ, кромѣ понятія отвлеченнаго бытья, примѣненнаго къ выраженію предикативной связи. Переводя на современный языкъ, мы получаемъ вмѣсто бѣ оуча—училъ, то-есть, совсѣмъ устраняемъ связку, ибо самъ глаголъ сказуемое беретъ на себя функцію выражать предикативную связь. Но фразу—„*бысть* облакъ *осѣнѣıа* ѣ“—уже не удобно перевести просто „осѣнило“: фраза скорѣе значитъ—*явилось и осѣнило*. Отсюда видно, что въ связкѣ *бысть* заключался

---

[1]) „Изъ записокъ по русск. грамм.“ [2], стр. 129 и сл., напр., *бысть* Іоанъ *крьстѧ*... И прозрѣ, и *бысть* видѧ... и др.

нѣкоторый конкретный придатокъ къ моменту отвлеченной предикативной связи. и этотъ придатокъ, при всей незначительности или без-образности, способенъ къ дальнѣйшему развитію—въ направленіи уже не отвлеченной связи, а предикативной знаменательности, къ чему неспособно напримѣръ, бѣ или ἦν въ бѣ оуча, ἦν διδάσκων. Вотъ именно эта черта, состоящая въ томъ, что „полуотвлеченную" связку часто возможно превратить въ особое глагольное сказуемое съ опредѣленнымъ лексическимъ значеніемъ,—и служитъ однимъ изъ отличій разсматриваемаго оборота отъ того, который характеризуется полною отвлеченностью связки. Такъ *въста глагола* отлично переводится черезъ „*всталъ и сказалъ*", ...οἴχωνται—ἄγοντες (Од. XIII, 216)—черезъ „не уѣхали-ли они и не увезли-ли (сокровища)", стоѣахѫ—вадѧште—черезъ „стояли и обвиняли", санскр. prativāvadato 'tiṣṭhan (Ait. Br. II, 3)—*стояли и повторяли* и т. д.

Въ другихъ случаяхъ. гдѣ этого нельзя сдѣлать, различіе отъ предложеній съ отвлеченною связкою обнаруживается другими признаками. Напримѣръ, φρονέουσα—καθίζοις—уже неудобно было бы перевести „сидѣла и думала (согласно со мною)", а слѣдуетъ передать, „чтобы ты, *сидя* въ сонмѣ боговъ, думала"... и т. д. Въ этой передачѣ мы отняли отъ глагола *сидѣть* его значеніе связки, но удержали его лексическое значеніе, которое мы не мыслимъ какъ признакъ, заключенный въ подлежащемъ, какъ аттрибутъ (да еще предикативный), а какъ обстоятельство, сопутствующее сказуемому, какъ признакъ глагола-сказуемаго (а не подлежащаго). Разница между этимъ случаемъ и предыдущими (всталъ и сказалъ и т. д.) состоитъ въ томъ, что тамъ *лексическое* значеніе связки, замѣненной самостоятельнымъ (простымъ) сказуемымъ, все-таки удерживается въ сферѣ предиката, а здѣсь оно удалено оттуда (дѣепричастье не образуетъ части сказуемаго). Общею чертою того и другаго случая является *сохраненіе лексическаго значенія* связки, хотя и различными способами. Конкретная черта, представленная этимъ лексическимъ значеніемъ, не исчезаетъ ни тутъ, ни тамъ. Въ оборотѣ съ отвлеченною связкою этого быть не можетъ, ибо въ такой связкѣ нѣтъ никакой конкретной черты: нечего сохранять.

Обороты со связками въ значеніи *явиться, казаться* и т. д. также при переводѣ на современный языкъ, утрачивая связку, удерживаютъ лексическое значеніе глагола, ее выражавшаго. Такъ, „да бѫ сѧ авили посташте" мы переведемъ, „чтобы *явились* (казались) постящимися (постниками)"; здѣсь, замѣняя именительный падежъ причастія творительнымъ, мы ео ipso устраняемъ это причастіе изъ

сферы предиката, въ силу чего глаголъ *явились* перестаетъ быть связкою и превращается въ настоящее сказуемое, и его *лексическое* значеніе тѣмъ ярче выступаетъ въ сознаніи. И тутъ, стало быть, соблюденъ этотъ признакъ—сохраненіе *лексическаго* значенія глагола при устраненіи его синтактическаго значенія, какъ связки.

Предложенія со связками въ значеніи *являться*, *казаться* (гот. gasaîwan въ медіальн. формѣ, греч. φαίνω) образуютъ какъ бы переходную ступень отъ предложеній со связками какъ *въстати*, *стояти*, *сѣдѣти*, санскр. *emi*, *tiṣṭhāmi*, греч. ἀνίστημι, καθίζω и т. д. къ оборотамъ со связками, представленными глаголами sentiendi, какъ напримѣръ, сл. мьнѣти сѧ и санскр. *manye*. Мы привели: „еже *мьнитьсѧ имѣѭ*“ и скр. „*bhaviṣyanto manyante*“ (Ait.-Br. 14, 4, 2, 20). Первое значитъ: „думаетъ, что имѣетъ“, второе: „думаютъ, что сдѣлаются (станутъ)“. Но въ старыхъ оборотахъ съ причастіемъ это выражено не такъ, какъ въ новыхъ—съ придаточнымъ дополнительнымъ предложеніемъ. Характерная черта оборота состоитъ въ томъ, что данные признаки (имѣть, сдѣлаться) поняты какъ *аттрибуты подлежащаго* (и притомъ—*аттрибуты предикативные*), отнесенные къ субъекту при посредствѣ неотвлеченной связки и не какого-нибудь внѣшняго, объективнаго признака, а при помощи *черты, указывающей на мыслъ* (*мнѣніе*, *чувство*) *самого субъекта* (*подлежащаго*). Такая связка можетъ быть названа *субъективною*, въ отличіе отъ такихъ, какъ *въста*, ἀνέστη, *tiṣṭhati*, καθίζοις и пр. Она вполнѣ *конкретна* и не служитъ замѣною отвлеченной, которую невозможно мыслить въ этого рода фразахъ, безъ нарушенія смысла; но она и *не вполнѣ знаменательна*, ибо тотъ, кто говоритъ „мьнитьсѧ имѣѭ“ или „bhaviṣyanto manyante“, держитъ въ сознаніи въ качествѣ настоящаго предиката то, что́ выражено причастіемъ, а не то, что́ обозначено лексическимъ значеніемъ связки. Указаніе на это послѣднее (признакъ „думать“, „полагать“) не есть та цѣль, къ которой направлена мысль говорящаго: ея цѣлью является другой признакъ („имѣть“, „сдѣлаться“), который и выступаетъ—въ причастной формѣ—въ роли настоящаго предиката.

Для передачи этого въ высокой степени архаическаго оборота средствами болѣе развитыхъ синтактическихъ пріемовъ языкъ пользуется частью *инфинитивомъ*, частью зависимымъ предложеніемъ съ союзомъ („что“). Образчиками могутъ служить греч. δοκεῖ ἔχειν и гот. þugkeiþ haban съ одной стороны и наше „думаетъ, *что* имѣетъ“—съ другой. Въ обоихъ случаяхъ прежняя связка („думаетъ“, мьнитьсѧ) перестаетъ быть связкою и становится самостоятельнымъ сказуемымъ.

Послѣ этихъ разъясненій мы можемъ такъ опредѣлить характерную черту этихъ сочетаній.

Въ нихъ предицирующая мысль направлена на то, что́ выражено въ формѣ предикативнаго аттрибута, какъ и въ сочетаніяхъ съ отвлеченною связкою. Но здѣсь—въ отличіе отъ послѣднихъ—мысль говорящаго, идя отъ подлежащаго къ сказуемому причастію, встрѣчаетъ на пути *связку*, сохраняющую въ большей или меньшей мѣрѣ *лексическое значеніе* глагола, ее выражающаго. Воспринимая это значеніе, мысль не держитъ его въ сферѣ предиката, не интересуется имъ какъ частью того содержанія или той суммы признаковъ, которые составляютъ сказуемое. Поэтому лексическое значеніе этой связки въ однихъ случаяхъ можетъ быть сведено къ нулю (то-есть конкретную связку можно замѣнить отвлеченною), въ другихъ вмѣсто даннаго лексическаго значенія можно взять иное (*стоять* вмѣсто *сидѣть*, *итти* вмѣсто *стоять* и т. д.), въ третьихъ—наконецъ связка указываетъ не на внѣшній фактъ, а на мысль (мнѣніе, чувство) субъекта (подлежащаго)—не со стороны ея содержанія (послѣднее указано причастіемъ). а только—въ смыслѣ указанія на субъективный характеръ признака. даннаго въ сказуемомъ.

Черта различія этого типа составныхъ сказуемыхъ отъ сочетаній съ отвлеченною связкою заключена, стало быть, въ самой связкѣ. Тамъ она *отвлеченна*. здѣсь она *полуотвлеченна*. Отвлеченность глаголовъ *есмь*, *бѣхъ*, εἰμι, ἦν, asmi и т. д. состоитъ въ томъ, что мысль, ими орудующая, поднялась на извѣстную высоту надъ тѣми конкретными признаками или фактами, въ которыхъ всегда проявляется всякое *бытіе*, всякое *существованіе*. Мысль ихъ не апперцепируетъ,—они не даны въ словѣ. *Полуотвлеченность* глаголовъ—связокъ *бысть*, ἐγένετο, ἀνέστη, φαίνεται, ὑπάρχω. καθίζοις и т. д. состоитъ въ томъ, что мысль также поднялась на извѣстную высоту надъ признаками или фактами, указанными лексическими значеніями этихъ глаголовъ. но не такъ высоко, какъ въ первомъ случаѣ: паря надъ ними, она всетаки ихъ схватываетъ, но какъ бы на лету, и—спѣшитъ дальше.

Знаменательность этихъ связокъ можетъ быть названа *мнимою*, если сравнимъ разсматриваемыя сочетанія съ тѣми, въ которыхъ связка вполнѣ знаменательна и составляетъ неотъемлемую часть сказуемаго. напримѣръ, *Зограф. ев.* 58: аште *не оумываѫтъ* рѫкоу *търѫште*, гдѣ глаголъ *не оумываѫтъ* есть настоящее сказуемое (или, если можно такъ выразиться, $^3/_4$ сказуемаго), лишь взявшее на себя, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей, еще обязанность пред-

ставлять формальный моментъ связки—въ виду наличности предикативнаго аттрибута *тьржите*. Въ греч. подлинникѣ соотвѣтственный глаголъ составляетъ полное сказуемое, безъ формальнаго представительства связки, ибо тамъ нѣтъ предикативнаго аттрибута, а соотвѣтственная черта содержанія выражена дополненіемъ (или, пожалуй, обстоятельственнымъ словомъ): ἐὰν μὴ πυγμῇ νίψωνται τὰς χεῖρας.

Составному сказуемому съ причастіемъ наст. (и буд.) и *вполнѣ знаменательною* связкою будетъ посвященъ слѣдующій этюдъ.

Настоящій же этюдъ я закончу указаніемъ на то, что въ числѣ сочетаній съ полуотвлеченною связкою найдутся такія, которыя очень близко подходятъ къ типу составныхъ сказуемыхъ со связкою знаменательною, хотя бы напримѣръ, Il. XVII, 176-т.: οὐ—γάρ τις Δυκίων γε μαχησόμενος Δαναοῖσιν εἶσι περὶ πτόλεος; обстоятельственное выраженіе περὶ πτόλεος невольно заставляетъ смотрѣть на εἶσι не какъ на образную замѣну отвлеченной связки, а какъ на неотъемлемую часть предиката; съ другой стороны не безусловная обязательность именно глагола εἶσι и возможность замѣнить его какимъ либо другимъ, при сосредоточеніи наибольшей доли предикативности въ причастіи μαχησόμενος, побуждаетъ скорѣе смотрѣть на данную фразу какъ на родъ составного сказуемаго съ полуотвлеченною связкою. Ясное дѣло, что рѣшеніе этой диллемы въ ту или другую сторону всецѣло зависитъ отъ субъективнаго—умственнаго—ощущенія говорящаго. Этотъ образчикъ, какъ и нѣкоторые другіе того же рода, стоитъ на перепутьи отъ одного типа составнаго сказуемаго къ другому, подобно тому какъ на другомъ концѣ сочетанія со связками *быть*, ἐγένετο, ὑπάρχω и нѣк. др. очень близко подходятъ къ границѣ, отдѣляющей ихъ отъ составныхъ сказуемыхъ съ отвлеченною связкою.

Въ дальнѣйшемъ, изучая составныя сказуемыя со связкою *знаменательною*, мы неоднократно будемъ возвращаться къ анализу нѣкоторыхъ видовъ составнаго сказуемаго съ *полузнаменательной* связкою. Тогда намъ придется между прочимъ обратить особенное вниманіе на ту черту, на которую я мимоходомъ указалъ выше,—это именно—*художественный характеръ* нѣкоторыхъ сочетаній этого типа. Болѣе глубокое изученіе этого явленія представляетъ огромный интересъ, какъ для раскрытія природы самого *лингвистическаго* процесса мысли, такъ и для постановки важнаго вопроса о связи искусства съ языкомъ.

II.

Составное сказуемое съ знаменательною (конкретною) связкою (verb. fin.) и причастіемъ настоящаго (и будущаго) въ роли 1) предикативнаго аттрибута и 2) предикативной аппозиціи.

Наблюденія надъ различными типами составнаго сказуемаго съ знаменательною (конкретною) связкою и причастіями (не только настоящаго, но и другихъ временъ) приводятъ насъ къ необходимости различать *два оттѣнка* въ синтактической постановкѣ этихъ причастій. Это именно тѣ оттѣнки, на которые указываетъ *Потебня*, на 182-й стр., „Изъ зап. по русской граммат.“ (изд. 2-е), различая причастія 1) „аттрибутивныя въ тѣсномъ значеніи слова“ и 2) причастія аппозитивныя.

Пояснимъ это слѣдующими примѣрами изъ Гомера. Од. XIII, 187—189: ὁ δ'ἔγρετο δῖος Ὀδυσσεὺς εὕδων ἐν γαίῃ πατρωίῃ, οὐδέ μιν ἔγνω ἤδη δὴν ἀπεών—букв. „и онъ *проснулся* божественный Одиссей *спящій* на отечественной землѣ, и *не узналъ* ея уже долго *отсутствующій*“.—Если ἔγρετο значитъ „проснулся“, а εὕδων—„спящій“, то-есть—*продолжающій спать*, то сочетаніе ἔγρετο εὕδων, *казалось бы*, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, даже безсмыслицу: нельзя проснуться, продолжая спать. Однако, *никакой безсмыслицы тутъ нѣтъ*,—*ея нѣтъ именно потому*, что причастіе εὕδων употреблено здѣсь не *аппозитивно*, а *аттрибутивно* (не переставая быть предикативнымъ, то-есть. частью предиката). Иными словами: не выходя изъ сферы сказуемаго, не превращаясь въ простое опредѣленіе подлежащаго,

оно, однако же, связано съ этимъ послѣднимъ болѣе тѣсными узами, чѣмъ тѣ, которыми связывается съ нимъ причастіе аппозитивное, тяготѣющее больше къ глаголу-связкѣ, чѣмъ къ подлежащему, съ которымъ оно соединено лишь формально—согласованіемъ. Вотъ именно это отвлеченіе причастія εὖδων отъ глагола ἔγρετο, убыль его тяготѣнія къ послѣднему и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе его тяготѣнія къ подлежащему, то-есть, избытокъ въ немъ аттрибутивности,—и являются причиною того, что противорѣчіе между ἔγρετο и εὖδων исчезаетъ изъ сознанія говорящаго. Само положеніе причастія εὖδων непосредственно вслѣдъ за Ὀδυσσεύς косвенно подтверждаетъ (или даже усиливаетъ) его аттрибутивный характеръ. Равнымъ образомъ предикативно-аттрибутивно и причастіе ἀπεών. Еслибы это была аппозиція, то фраза значила бы, что Одиссей не узналъ родной земли въ то время, когда отсутствовалъ. Очевидно, ἀπεών стоитъ *внѣ сферы ближайшаго тяготѣнія* къ ἔγνω и отвлекается отъ послѣдняго въ направленіи къ подлежащему, для котораго оно и служитъ аттрибутомъ, не переставая, однако, составлять часть сказуемаго. Этотъ оттѣнокъ мы можемъ выразить, усиливая степень аттрибутивнаго тяготѣнія причастія къ подлежащему черезъ передачу оборота такъ называемымъ *опредѣлительнымъ* придаточнымъ предложеніемъ: онъ, *столь долго отсутствующій*, не узналъ... или: онъ, который такъ долго отсутствовалъ...

Въ качествѣ образчика для употребленія причастія въ роли предикативной *аппозиціи* возьмемъ слѣдующій примѣръ, съ причастіемъ аор., *Од.* XIII, 226: τὴν Ὀδυσσεὺς γήθησεν ἰδών—Одиссей обрадовался, увидѣвъ ее. Буквально—„увидѣвшій“, то-есть, мы имѣемъ здѣсь причастіе, формально согласующееся съ подлежащимъ, но столь тѣсно примыкающее къ глаголу-связкѣ γήθησεν, что дополненіе τήν, которое специально относится къ ἰδών, могло быть поставлено въ началѣ фразы, какъ будто бы оно составляетъ дополненіе къ цѣлому γήθησεν-ἰδών. И дѣйствительно, здѣсь глаголъ съ причастіемъ образуетъ *цѣлое*, которое могло бы быть разсматриваемо, какъ особый родъ ἐν-δια-δυοῖν. Въ составномъ сказуемомъ γήθησεν ἰδών апперцепировано два момента (обрадоваться и увидѣть), изъ коихъ одинъ (увидѣть) во времени предшествуетъ другому, и оба образуютъ цѣльный предикатъ,—гораздо компактнѣе, чѣмъ при предикативномъ аттрибутѣ, ибо ἰδών такъ сильно тяготѣетъ къ γήθησεν, что его связь съ подлежащимъ ограничивается формальнымъ согласованіемъ. Его аппозитивность обнаруживается также въ томъ, что оно легко поддается превращенію въ

самостоятельное, глагольное сказуемое: увидѣлъ и обрадовался, — чего нельзя сдѣлать съ предикативнымъ аттрибутомъ. Въ новыхъ языкахъ изъ аппозитивныхъ причастій возникли дѣепричастія черезъ устраненіе формальной связи (согласованія) причастія съ подлежащимъ (см. вышеуказанное мѣсто у Потебни).

Въ роли предикативной аппозиціи выступаютъ по преимуществу причастія прошедшихъ временъ (аор. дѣйст. и страд., перф.). Мы ихъ разсмотримъ впослѣдствіи. Здѣсь насъ интересуютъ причастія настоящаго и будущаго. Наблюдая ихъ въ той и въ другой роли, мы прежде всего постараемся сопоставить ихъ предикативно-*аттрибутивную* функцію съ таковымъ же употребленіемъ *именъ прилагательныхъ и существительныхъ*. Ибо ясно, что предикативный аттрибутъ, выраженный причастіемъ, психологически роднится съ предикативнымъ аттрибутомъ, выраженнымъ именами. Степень этого сродства можетъ быть различна: есть такія имена, которыя ближе подходятъ къ причастіямъ (и притомъ именно—причастіямъ наст.), и есть такія, которыя дальше и даже очень далеко отстоятъ отъ нихъ.

Сперва приведу нѣсколько церковно-славянскихъ примѣровъ въ дополненіе къ собраннымъ Потебнею на стр. 163 и сл.

Зограф. ев. 53: бес притъчѧ же не гла҃аше імъ. *единъ* же съказааше оученикомъ своімъ всѣ—χωρὶς δὲ παραβολῆς οὐκ ἐλάλει αὐτοῖς. κατ' ἰδίαν δὲ τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ ἐπέλυε πάντα (Марк. IV, 34). Здѣсь въ греческомъ текстѣ стоитъ обстоятельственное выраженіе (κατ' ἰδίαν), тяготѣющее къ сказуемому, которое здѣсь—не составное, а простое (ἐπέλυε); въ славянскомъ прилагательное *единъ* формально связано съ подлежащимъ и образуетъ *аттрибутъ*, но не простой, а предикативный, и сказуемое здѣсь—составное (*единъ сказааше*). Въ готскомъ, какъ въ греческомъ (обстоятельство, нарѣчіе): iþ *sundro* siponjam seinaim *andband* allata.

Зограф. 91: і быстъ егда молѣаше сѧ *единъ*... καὶ ἐγένετο ἐν τῳ εἶναι αὐτὸν προσευχόμενον καταμόνας (Лук. IX, 18). Готское: jah varþ miþþane *vas* is *bidjands sundro*. Здѣсь любопытно между прочимъ то, что въ славянскомъ взято составное сказуемое съ *знаменательною* связкою (*молѣаше сѧ*) и предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ прилагательнаго (*единъ*), между тѣмъ какъ въ греческомъ и готскомъ употреблено составное сказуемое съ *отвлеченною* связкою (εἶναι, vas) и причастіемъ настоящаго (προσευχόμενον, bidjands; только въ греческомъ оно превращено въ acc. c. inf.); славянскому же предикатив-

ному аттрибуту *единъ* отвѣчаетъ въ греческомъ и готскомъ обстоятельственное выраженіе (нарѣчіе)—καταμόνας, sundro.

Зограф. 104: і *обращтъ сѧ* къ ученикомъ *единъ рече*—καὶ στραφεὶς πρὸς τοὺς μαθητὰς κατ' ἰδίαν εἶπε (Лук. X, 23). Готское: jah *gavandips* du siponjam seinaim *sundro* qaþ.—Въ греческомъ и готскомъ мы находимъ здѣсь составныя сказуемыя изъ *знаменательныхъ* связокъ (εἶπε, qaþ) и причастій прошедшаго (στραφεὶς, gavandips), образующихъ *аппозиціи;* въ славянскомъ, гдѣ вмѣсто греческаго и готскаго обстоятельственнаго выраженія (κατ' ἰδίαν, sundro) стоитъ прилагательное *единъ*. получилось какъ бы двойное составное сказуемое—изъ знаменательной связки (рече), аппозиціи (обращтъ сѧ) и предикативнаго аттрибута (единъ).

Зограф. 57: *придѣте* вы сами въ мѣсто *едини*—δεῦτε ὑμεῖς αὐτοὶ κατ' ἰδίαν εἰς ἔρημον τόπον... (Марк. VI, 31). Въ готскомъ нѣтъ.

Зограф. 57: і *пѣши* отъ всѣхъ градъ *пѣшѧ* тамо—καὶ πεζῇ ἀπὸ πασῶν τῶν πόλεων συνέδραμον ἐκεῖ... (Марк. VI, 33). Опять *прилагательное* (предикативный аттрибутъ) въ славянскомъ поставленъ на мѣсто нарѣчія (обстоятельственнаго) въ греческомъ (πεζῇ). Въ готскомъ нѣтъ.

Зограф. 117: ... *весела сѧ* (чкъ етеръ богатъ) на в'сѣкъ дьнь *свѣтьлъ*—... εὐφραινόμενος καθ' ἡμέραν λαμπρῶς (Лук. XVI, 19). Готское: ... *vaila visands* daga wammeh *bairhtaba*. Въ греческомъ и готскомъ взяты нарѣчія ((λαμπρῶς, bairhtaba); причастія настоящаго (εὐφραινόμενος, vaila visands) присоединяются къ предшествующимъ verba finita (ἦν, при коемъ πλούσιος, и ἐνεδιδύσκετο съ дополненіями πορφύραν καὶ βύσσον; vas, при коемъ gabigs, и gavasids vas съ дополненіями) въ качествѣ *аппозицій*. Въ славянскомъ, кромѣ аппозиціи *весела сѧ*, имѣется еще предикативный аттрибутъ *свѣтьлъ*, замѣняющій греческое и готское обстоятельство. Если въ переводѣ на современный русскій захотимъ удержать прилагательное, то придется превратить аппозицію въ verb. finitum, а изъ прилагательнаго сдѣлать простой (непредикативный) аттрибутъ: ... облачался въ порфиру *и—свѣтлый—веселился*. Въ Остромировомъ евангеліи (л. 96, на оборотѣ) прилагательное уже замѣнено нарѣчіемъ (какъ въ греческомъ и готскомъ): весела сѧ на вьсѣкъ дьнь *свѣтьло*.

Изъ греческаго приведу слѣдующіе примѣры.

Хепорh. Cyrop. VII, 1, 3: βροντὴ δεξιὰ ἐφθέγξατο.—VII, 1, 25 ... ἐστράφησαν πάντες ἀντιπρόσωποι τοῖς πολεμίοις.—*Herod.* IV, 53, 9 ... ῥέει τε καθαρός (Борисѳенъ). V, 18, 17—18: αἱ δ' ἐπείτε (γο-

ναῖκες) καλεόμεναι ἦλθον (составное сказуемое съ аппозиціей), ἐπεξῆς ἀντίαι ἵζοντο τοῖσι Πέρσῃσι.—*Xenoph. Anab.* II, 1, 16: ἐγώ τε ... ἄσμενος ἑώρακα...

Изъ Гомера: *Il.* IV, 21: πλησίαι αἵ γ' ἤσθην (Гера и Аѳина). *Il.* IV, 133: ... ὅθι ... καὶ διπλόος ἤντετο θώρηξ. *Il.* XXI, 456: νῶι δὲ τ' ἄψορρόι κίομεν... (Но *Il.* IV, 152 уже нарѣчіе ἄψορρον, и сказуемое здѣсь—простое). *Il.* IV, 171: καὶ κεν ἐλέγχιστος... Ἄργος ἱκοίμην. *Il.* V, 12: τὼ οἱ ἀποκρινθέντε ἐναντίω ὁρμηθήτην, гдѣ имѣемъ: 1) знаменательную связку (ὁρμηθήτην), 2) аппозицію—ἀποκρινθέντε и 3) предикативный аттрибутъ—прилагательное ἐναντίω.—*Il.* V, 13 ... ὁ δ' ἀπὸ χθονὸς ὦρνυτο πεζός. *Il.* V, 15 ... πρότερος προίει ... ὕστερος ὦρνυτο ... *Il.* V, 28: ἤριπε δὲ πρηνής. *Il.* VIII, 23: ἄλλ' ὅτε δὴ καὶ ἐγὼ πρόφρων ἐθέλοιμι ἐρύσσαι ... *Il.* VIII, 175 ... πρόφρων κατένευσε Κρονίων... *Il.* VIII, 488 ... αὐτὰρ Ἀχαιοῖς ἀσπασίη τρίλλιστος ἐπήλυθε νύξ ἐρεβεννή. *Il.* VIII, 508—509: ὥς κεν παννύχιοι μέσῳ ἠοῖ... καίωμεν πυρά... 554 ... εἵατο παννύχιοι... μὴ μὰν ἀσπουδί γε νεῶν ἐπιβαῖεν ἕκηλοι... (гдѣ наряду съ предикативнымъ аттрибутомъ ἕκηλοι стоитъ и нарѣчіе ἀσπουδί—почти его синонимъ, такъ что выходитъ родъ плеоназма). *Il.* X, 152—153: ἔγχεα δέ σφιν ὄρθ' ἐπὶ σαυρωτῆρος ἐλήλατο... *Il.* X, 263—265: ἔκτοσθε (снаружи шлема) δὲ λευκοὶ ὀδόντες ... ὑὸς θαμέες ἔχον (sc. αὐτήν—κυνέην, шлемъ) ἔνθα καὶ ἔνθα εὖ καὶ ἐπισταμένως (здѣсь рядомъ съ предикативнымъ аттрибутомъ θαμέες стоятъ и нарѣчія εὖ и ἐπισταμένως, такъ что данное предложеніе представляетъ собою родъ компромисса между болѣе древнимъ типомъ—составнаго сказуемаго съ предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ прилагательнаго—и новымъ—простого сказуемаго съ нарѣчіемъ). *Il.* X, 290: ὅτε οἱ πρόφρασσα παρέστης. *Il.* XI, 67—68: οἱ δ' ὥς τ' ἀμητῆρες ἐναντίοι ἀλλήλοισι ὄγμον ἐλαύνωσιν... *Il.* XI, 75—76: ἀλλά ἕκηλοι σφοῖσιν ἐνὶ μεγάροισι καθείατο (θεοί)... *Il.* XI, 94: ἦ τοι ὅ γ' ἐξ ἵππων κατεπάλμενος ἄντιος ἔστη. Здѣсь двойное составное сказуемое: 1) съ аппозиціей κατεπάλμενος и 2) съ предикативнымъ аттрибутомъ ἄντιος. *Il.* XI, 144: ὁ δ' ὕπτιος οὔδει ἐρείσθη. 179: πολλοὶ δὲ πρηνεῖς τε καὶ ὕπτιοι ἔκπεσον ἵππων... *Il.* XI, 216: ... στὰν δ' ἀντίοι (Но 219 уже нарѣчіе: ἀντίον ἦλθεν, между тѣмъ какъ—) 231: ἀντίος ἦλθεν. *Il.* XII, 77—78: ... ἐπώμεθ' ἀολλέες. *Il.* XIII, 124—125: Ἕκτωρ δὲ παρὰ νηυσὶ βοὴν ἀγαθὸς πολεμίζει καρτερός. Уже самое положеніе послѣ глагола отчасти намекаетъ на то, что καρτερός не стоитъ на одной доскѣ съ βοὴν ἀγαθός, то-есть, что оно не простое опредѣленіе, а *предикативный* аттрибутъ. Также,

думаю, и XIII, 126—127: ἵσταντο φάλαγγες καρτεραί... *Il.* XIII, 133: Ὣς πυκνοὶ ἐφέστασαν ἀλλήλοισιν. *Il.* XIII, 136: Τρῶες δὲ προὔτυψαν ἀολλέες. *Il.* XIII, 488: πλησίοι ἔστησαν. *Il.* XV, 99: εἴ πέρ τις ἔτι νῦν δαίνυται εὔφρων. *Il.* XXIII, 271: ... στῇ δ' ὀρθός (ср. у Потебни обороты, какъ *вста простъ*, „Изъ записокъ "[2], стр. 172, и нижеприводимые санскритскіе). *Il.* XVIII, 65—66: αἳ δὲ σὺν αὐτῇ δακρυόεσσαι ἴσαν. *Il.*, XVIII, 209: οἵ τε πανημέριοι στυγερῷ κρίνονται ἄρηι... *Il.* XVIII, 211: .... πυρσοί τε φλεγέθουσιν ἐπήτριμοι... *Il.* XVIII, 277: πρῶι δ' ὑπηοῖοι... στησόμεθ' ἄμ πύργους. Также XXIII, 303—304. *Od.* XIII, 138: ... εἴπερ ἀπήμων ἦλθε... *Od.* XIII, 226 ... ἐναντίος ἦλθεν. *Od.* XIII, 423—424: ... ἀλλὰ ἕκηλος ἧσται ... *Od.* XIV, 54 ... ὅτι με πρόφρων ὑπέδεξο. *Od.* XIV, 64 ... εὔθυμος ἔδωκεν. *Od.* XIV, 257: πεμπαῖοι (на пятый день) δ' Αἴγυπτον... ἱκόμεσθα. *Od.* XIV, 344: ἑσπέριοι (вечеромъ) ... ἀφίκοντο. *Od.* XIV, 457—458: ὗε δ' ἄρα ζεὺς πάννυχος... (всю ночь). *Od.* XV, 108: ἔκειτο (πέπλος) δὲ νείατος ἄλλων—лежалъ (плащъ) послѣднимъ, крайнимъ изъ всѣхъ (ниже другихъ, на днѣ ящика). *Od.* XV, 160: ... ἐπέπτατο δεξιὸς ὄρνις. 164: δεξιὸς ἦιξε... *Od.* XV, 184: οἱ δὲ (ἵπποι) πανημέριοι (весь день) σεῖον ζυγόν... *Od.* XIX, 149: ἔνθα καὶ ἠματίη (днемъ) μὲν ὑφαίνεσκον μέγαν ἱστόν...

Такой предикативный аттрибутъ *въ формѣ прилагательнаго* можетъ имѣть при себѣ *причастіе отвлеченной или полузнаменательной* связки, въ силу чего онъ, получая нѣкоторую прибавку предикативной силы, приравнивается къ предикативному аттрибуту *въ формѣ причастія*. Напримѣръ.

Il. XI, 230: αὐτὰρ ὁ πεζὸς ἐὼν εἰς Ἴλιον εἰλήλουθει.—*Il.* XIII, 118—119: ὅς τις πολέμοιο μεθείη λυγρὸς ἐών.—При *полузнаменательной* глагольной связкѣ наличность такого причастія при прилагательномъ представляется, повидимому, болѣе настоятельной, чѣмъ при связкѣ вполнѣ конкретной, напримѣръ: *Herod.* IV, 41, 7: πλατέα τυγχάνει ἐοῦσα ἡ ἀκτή... Равнымъ образомъ, роль этого причастія въ экономіи фразы выступаетъ съ большею отчетливостью въ томъ случаѣ, когда въ составъ предложенія входятъ союзы, союзы-нарѣчія, сравнительныя, раздѣлительныя, усиливающія частицы. Напримѣръ, *Herod.* III, 25, 6—7: οἷα δὲ ἐμμανής τε ἐὼν καὶ οὐ φρενήρης ... ἐστρατεύετο. Нарѣчіе-частица οἷα вноситъ въ фразу такой оттѣнокъ, который какъ бы требуетъ усиленія предикативной тяжести прилагательныхъ, что и достигается помощью причастія ἐών. Съ тѣмъ вмѣстѣ такое нарѣчіе содѣйствуетъ какъ бы сохраненію нѣкотораго

подобія составнаго сказуемаго и въ новыхъ языкахъ: „сражался, словно безумный и не владѣющій разсудкомъ“. Говорю „нѣкотораго подобія“, потому что мы не даромъ привыкли ставить запятую передъ „словно“ и другими этого рода частицами; запятою мы оттѣняемъ нашу склонность понимать прилагательное (и причастіе), не какъ часть составнаго сказуемаго, а какъ простой аттрибутъ, относящійся къ подлежащему, но выдѣленный изъ даннаго предложенія въ другое, зачаточное, предложеніе, неправильно называемое „сокращеннымъ“ (придаточнымъ) предложеніемъ. Въ греческомъ и другихъ старыхъ языкахъ оно не выдѣляется и образуетъ, несмотря на присутствіе частицы, неотъемлемую часть составнаго сказуемаго. Въ ряду такихъ частицъ замѣтимъ περ: *Il.* I, 131—132: μὴ δ' οὕτως ἀγαθός περ ἐών, θεοείκελ' Ἀχιλλεῦ, κλέπτε νόῳ... *Il.* V, 94: ... οὐδ' ἄρα μιν μίμνον πολέες περ ἐόντες. Какъ извѣстно, причастіе отвлеченной связки присоединяется, въ этого рода сочетаніяхъ, къ прилагательному не только тогда, когда оно есть часть сказуемаго (предикативный аттрибутъ), но и тогда, когда оно—простое опредѣленіе, какъ, напримѣръ, *Il.* III, 201: ὅς τράφη ἐν δήμῳ Ἰθάκης κραναῆς περ ἐούσης...

Не трудно видѣть, что наличность причастія, усиливая предикативный вѣсъ прилагательнаго, въ то же время можетъ значительно повлять на его синтактическую постановку въ предложеніи. Если это причастіе — аппозитивно, то оно способно сдѣлать таковымъ и прилагательное, или, лучше сказать, сочетаніе прилагательнаго съ аппозитивнымъ причастіемъ, разсматриваемое какъ одно цѣлое, образуетъ аппозицію. Таковъ случай *Xenoph. Cyrop.* II, 1, 1: ἐπεὶ δὲ αὐτοῖς ἀετὸς δεξιὸς φανεὶς προηγεῖτο. Здѣсь причастіе аор. страд. φανείς, несомнѣнно, аппозитивное, является причиною того, что сочетаніе δεξιὸς φανείς уже не можетъ быть разсматриваемо, какъ предикативный аттрибутъ, а составляетъ аппозицію, что̀ въ переводѣ можетъ быть передано либо черезъ дѣепричастіе (появившись справа), либо черезъ verb. fin. (появился справа и летѣлъ впереди).

Въ *санскритѣ* въ этого рода сочетаніяхъ мы находимъ разнообразныя именныя формы, прилагательныя, существительныя и такія, которыя занимаютъ середину между ними и могутъ быть понимаемы, и какъ прилагательныя, и какъ существительныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ сочетанія съ прилагательнымъ.

1. Сочетанія съ *ūrdhva*—высокій, высоко-стоящій, высоко-поднятый, гр. ὀρθός. Сюда относятся выраженія, аналогичныя слав. *въста простъ* и греческимъ какъ στῆ δ' ὀρθός и т. п., на что̀ указалъ еще Грасс-

манъ (Worterbuch z. Ṛgveda, s. v. ūrdhva). Rv. I. 36. 13: *ūrdhvá ū ṣú ṇa ūtáye tiṣṭha...* „*высокій* (то-есть, высоко) стой намъ на благо (въ помощь)“.—Rgv. I, 36, 14: *ūrdhvó* naḥ *pāhy* áṃhaso... „*высокій* (высоко, съ высоты) охраняй насъ отъ бѣдствія (утѣсненія)“. — Rv. V, 1, 2:... *ūrdhvó* agníḥ sumánāḥ prātár *asthāt* — „*высокій* (то-есть, высоко) благосклонный Агни утромъ поднялся“. — Ṛv. VI, 63, 4: *ūrdhvó* vām agnír adhvaréṣv asthāt... „*высокій* (то-есть, высоко) для васъ двухъ Агни въ жертвоприношеніяхъ поднялся“.—Ṛv. IV. 6. 1: *ūrdhvá* ū ṣú ṇo... ágne *tiṣṭha...* „*высокій* (то-есть, высоко) для насъ, о Агни, стой“... — Ṛv. VIII, 27, 12: *úd* u ṣyá vaḥ savitā... *asthād ūrdhvó...* „вотъ этотъ вашъ Савитаръ... всталъ (поднялся) *высокій* (высоко)“...—*Ait.-Brahm.* II, 1: yajñéna vai devā *ūrdhvāḥ* svargam lokam *āyan* — „именно жертвою (силою культа) боги взошли *высокіе* (то-есть, высоко) на небо“.—*Ait.-Br.. ibid.*: tam (yūpam) avācīnāgram nimity*ordhvā udāyan...* tadyadyūpa *ūrdhvo nimīyate*—„утвердивъ (воздвигнувъ, построивъ) его (столбъ) вершиною внизъ, (они, боги) *высокіе* (то-есть, высоко) поднялись (взошли)... Это (и есть) то (та причина), почему (жертвенный) столбъ воздвигается *высокій* (то-есть высоко)“.

2. Сочетанія съ терминами на— *aṅc*, каковы: *arvāṅc* — обращенный лицомъ сюда, къ намъ. Ṛv. I, 177, 5: á... *yāhy... arvāṅ...* „прійди (обращенный лицомъ) сюда“. — Ṛv. I, 35, 10: *yātv arvāṅ* — „да прійдетъ (обращенный лицомъ) сюда“. — Ṛv. I. 157, 3: *arvāṅ... rátho... yātu...* „(обращенная лицомъ) сюда... колесница... да грядетъ“...—Rv. II, 18, 5, 6: á... *yāhy... arvāṅ...* [Съ полузнаменательною или почти отвлеченною связкою: Ṛv. II, 26, 6: *arvāṅco* adyá *bhavata...* „(обращенные лицомъ) сюда нынѣ будьте“...]. Но весьма нерѣдко употребляется и нарѣчіе *arvāk*.

pratyaṅc—обращенный лицомъ къ, по направленію къ.—Ṛv. I, 50. 5: *pratyáṅ* devānām víçaḥ *pratyáṅ úd eṣi* mānuṣān... „ты восходишь (о солнцѣ—sūryaḥ) обращенный лицомъ къ селеніямъ боговъ. обращенный лицомъ къ людямъ“... — Ṛv. V, 28, 1:... *pratyáṅ* uṣásam urviyā́ *ví bhāti*—„обращенный лицомъ къ Зарѣ (навстрѣчу Зарѣ) широко сіяетъ (Агни)“. — Rv. I, 92, 9: víçvāni devī́ bhúvanābhicakṣyā *pratīcī́* cákṣur urviyā́ *ví bhāti*—„созерцая всѣ существа, богиня (Заря), обращенная лицомъ къ (нашему) взору, широко сіяетъ“. —Ṛv. VII. 39, 1:... *pratīcī́* jūrṇír devátātim *eti* — „пламя (Огня) идетъ (обращенное) къ (навстрѣчу) сонму боговъ“.

prāṅc—обращенный (лицомъ) впередъ, прямо, на востокъ.—Ṛv. V.

28, 1:... *éti prā́cī* (Uṣāḥ)—„шествуетъ впередъ (Заря)“. Ṛv. V, 45, 5:... *áyāma prāñco* yájamānam ácha—„мы пришли *прямо* (буквально обращенные лицомъ прямо) къ жертвующему.

apāñc—обращенный (лицомъ) назадъ, на западъ. Ṛv, I, 164, 38: *ápaṅ prāṅ eti*... идетъ (обращенный) назадъ, (идетъ обращенный) впередъ...

údañc—обращенный (лицомъ) вверхъ, находящійся наверху, направляющійся на сѣверъ. Ṛv. X, 86, 22: yád *údañco*... gṛhám... *ajagantana*... „когда вы вошли въ домъ (направляясь) наверхъ“...

Приведу еще изъ *Ait.-Brahm.* примѣры для *pratyañc* (см. выше), *parāñc* (обращенный лицомъ назадъ) и *anvañc* (находящійся позади, слѣдующій вслѣдъ за): I, 7: tasmāt *pratīcyo* 'ṛāpo bahvyaḥ *syandante*—„потому многія рѣки текутъ *на западъ* (буквально обращенныя къ западу или даже просто „западныя“).—III, 36: tāḥ (prajāḥ) sṛṣṭāḥ *parācya* evāyan—„тѣ (твари) созданныя ходили обращенныя лицомъ назадъ“. — III, 37: tasmād *anūcī* patnī gārhapatyam āste—„потому супруга (домохозяина) сидитъ за (позади, находящаяся позади) Огнемъ—Gārhapatya“.

Число такихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить. Ограничимся приведенными, которые достаточно иллюстрируютъ занимающій насъ оборотъ, и замѣтимъ, что рядомъ съ этими прилагательными употребляются и соотвѣтственныя нарѣчія (отъ тѣхъ же темъ,—prāk, pratyak и т. д.).

3. Сочетанія прилагательныхъ въ родѣ, напримѣръ, *adhara*—низкій, нижній. *dhruva*—прочный и т. п. съ глаголами движенія и пребыванія, напримѣръ, Ṛv. III, 53, 21:...yó no dvéṣṭy *ádharaḥ* sás *padīṣṭa*—„кто насъ ненавидитъ, тотъ да падетъ *низкій* (то-есть, низко, ниже,—да будетъ поверженъ, порабощенъ)“.—Ṛv. X, 173, 2: *dhruvás tiṣṭha*—„*прочный* (то-есть, прочно) стой“.

4. Кромѣ этихъ оборотовъ съ прилагательными направленія, мѣста, а также качества, при глаголахъ движенія и пребыванія, укажемъ еще на случаи другаго рода, гдѣ прилагательное либо имѣетъ близкое къ причастію значеніе, либо стоитъ рядомъ съ причастіемъ, или наконецъ приравнивается къ причастію черезъ присоединеніе причастія отвлеченной или знаменательной связки, какъ въ вышеприведенныхъ греческихъ образчикахъ.

Ṛv. V, 59, 2: *dūredṛśo* yé (marutaḥ) *citáyanta* (то-есть, citáyante) émabhiḥ... „которые (Маруты) обнаруживаются (замѣтны, распознаются) на путяхъ (своихъ, въ своемъ шествіи) *далеко видные*“... *Sāy-*

ana поясняетъ: dūredṛço dūre dṛçyamānā api ye maruta etabhir gamanaiç citayante jñāyante, то-есть, „хотя и dūredṛçaḥ—далеко усматриваемые, Маруты (однако) citayante — узнаются по (ихъ) ходу“,— онъ хочетъ сказать, что уже издали, едва показавшись, Маруты безошибочно узнаются по свойственному имъ способу движенія. Для насъ здѣсь не лишена значенія передача dūredṛçaḥ—далековидные причастіемъ dūre dṛçyamānāḥ. И дѣйствительно, сложныя прилагательныя этого типа (съ глагольнымъ корнемъ на концѣ) имѣли значеніе весьма близкое къ причастному.

Ṛv. V, 52, 2:... bhūmir ejati naúr ná purṇā́ *kṣarati vyáthir yatī́*— „земля дрожитъ (колеблется). подобно тому какъ полная (наполненная грузомъ) лодка колеблется *валкая идущая*“, то-есть, валкая. шатающаяся на ходу. *Sāyana* поясняетъ: sā (nauḥ) yathodakamadhye kṣarati calati vyathir vyathitā yatī gacchantī, то-есть, „подобно тому какъ она (лодка) среди водъ kṣarati—качается vyathiḥ—колеблемая (шатающаяся) yatī—идущая“ (на ходу). Здѣсь интересующее насъ прилагательное vyathiḥ (тема vyathi)—пояснено причастіемъ (praet. pass.) vyathitā, что́ указываетъ на близкое къ причастному значеніе прилагательнаго. Въ нашей фразѣ составное сказуемое заключаетъ въ себѣ: 1) знаменательную связку, verb. fin., kṣarati—качается, 2) предикативный аттрибутъ въ формѣ прилагательнаго vyathi—валкій, колеблющійся и 3) причастіе наст. yatī—идущая, которое можетъ, смотря по точкѣ зрѣнія говорящаго, быть понято и какъ предикативный аттрибутъ, и какъ аппозиція. Оно—предикативный аттрибутъ въ томъ случаѣ, если служитъ для характеристики лодки вообще, поскольку она представляется движущейся,—оттѣнокъ, который въ новыхъ языкахъ передается простымъ опредѣленіемъ: движущаяся лодка, а равно и — въ томъ, если yatī является здѣсь причастною знаменательною связкою при vyathi—вмѣсто отвлеченной: vyathir yatī вмѣсто vyathiḥ satī—„валкая сущая“;—оно — аппозиція, если значитъ: „когда движется“, что́ мы передаемъ обстоятельственнымъ выраженіемъ „на ходу“. Послѣднее вѣроятнѣе.

Ṛv. I, 127, 7: dvitā́ yád īṃ kistā́so *abhídyavo namasyánta upavócanta* bhṛgavo... „когда издревле пѣвцы Бргхавы воззвали къ нему (Агни) *стремящіеся къ небу, поклоняющіеся*“... — Здѣсь причастная форма *namasyantaḥ* и рядомъ съ нею стоящее прилагательное *abhidyavaḥ* образуютъ части составнаго сказуемаго, коего связка есть глаголъ *upavocanta*. Прилаг. *abhidyu* — „стремящійся къ небу“ [1])

[1]) *Sāy.* даетъ другое значеніе: abhito dyotamānāḥ—вверху сіяющіе.

имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ причастнаго значенія (о чемъ будетъ рѣчь ниже).

Rv. II, 42, 2: *kánikradat sumaṅgálo bhadravādī́ vadeha*—„громко крича, приносящій счастье, возвѣщающій благое, вѣщай здѣсь“ (обращеніе къ птицѣ). Также, ibid., стихъ 3-ій: *áva kranda* dakṣiṇató gṛhā́ṇām *sumaṅgálo bhadravādī* çakunte—„кричи справа отъ дома, о птица, возвѣщая счастье, вѣщая благое“. Въ первой фразѣ причастіе *kanikradat* и прилагательные *sumaṅgalaḥ* и *bhadravādī* — не опредѣленія, а предикативные аттрибуты, части составнаго сказуемаго, коего связка (знаменат.) есть глаголъ *vada* (вѣщай, пой); во второй фразѣ находимъ тѣ же прилагательныя въ той же роли предикативныхъ аттрибутовъ (только нѣтъ причастія). Оба эти прилагательныя отмѣчены несомнѣннымъ причастнымъ характеромъ, первое, sumaṅgalaḥ, въ качествѣ сложнаго bahuvrīhi [1]), второе, bhadravādin, — въ силу отглагольнаго (или, можетъ быть, приглагольнаго) характера термина—vādin (глаг. vad), входящаго въ его составъ.

Rv. X, 173, 1... *tiṣṭhāvicācalih*—„стой недвижимый (непоколебимый)“. Прилагательное avicācali—недвижимый—носитъ довольно ясно выраженный причастный оттѣнокъ — въ силу наличности глагола *cal* (двигаться, колебаться, дрожать), при чемъ удвоеніе въ прилагательномъ, подходящее по долготѣ гласнаго къ типу удвоенія интенсивныхъ глаголовъ, еще болѣе оттѣняетъ эту связь съ глаголомъ, этотъ характеръ „приглагольности“. —

Предполагая впослѣдствіи пополнить число такихъ образчиковъ, ограничусь пока приведенными, чтобы перейдти къ тѣмъ формамъ, гдѣ въ качествѣ предикативнаго аттрибута является *существительное* при *знаменательной* связкѣ. Образчикомъ можетъ служить — *Зограф. ев.* 139: вѣмь ꙗко отъ бга *пришьлъ еси оучитель*—οἶδαμεν ὅτι ἀπὸ θεοῦ ἐλήλυθας διδάσκαλος. (Въ гот. нѣтъ).

Изъ Гомера:

Il. X, 286: ὅτε τε πρὸ Ἀχαιῶν ἄγγελος ἦει (Τυδεύς). — Il. XI. 49—50: αὐτοὶ δὲ πρυλέες σὺν τεύχεσι θωρηχθέντες ῥώοντο. Здѣсь πρυλέες—часть предиката: а сами устремились пѣшими воинами (пѣхотою, въ качествѣ пѣшихъ).—Il. XIII. 449:ὄφρα ἴδῃ οἷος ζηνὸς γόνος

---

[1]) Въ лингвистико-психологическую природу этихъ compositа входитъ довольно ясно чувствующійся элементъ *предикативности*; они суть какъ бы сжатыя предложенія и легко разлагаются на таковыя: bahuvrīhi — тотъ, у котораго много рису, maṇigrīva — тотъ, у котораго на шеѣ ожерелье. Вотъ именно этотъ предикативный ингредіентъ и придаетъ этимъ сложнымъ причастный характеръ

ἐνθάδ' ἱκάνω. Здѣсь предикативный аттрибутъ выраженъ существительнымъ γόνος, при коемъ. какъ его опредѣленіе, стоитъ мѣстоим. οἷος.—Il. XVIII, 2: Ἀντίλοχος δ' Ἀχιλῆι πόδας ταχὺς ἄγγελος ἦλθε (πόδας ταχύς можетъ относиться, въ качествѣ опредѣленія, къ подлежащему Ἀντίλοχος, какъ думаетъ. между прочимъ, La Roche; предикативный аттрибутъ — ἄγγελος: пришелъ вѣстникомъ, въ качествѣ вѣстника; дѣло, конечно, не измѣняется, если отнесемъ под.тах. къ ἄγγελος).— Od. XIX, 549—550: ἐγὼ δὲ τοι αἰετὸς ὄρνις ἦα πάρος, νῦν αὖτε θεὸς πόσις εἰλήλουθα.

Санскритскіе примѣры:

Къ типу ἄγγελος ἦει, *пришелъ еси оучитель* относится—*Ait.-Brāhm.* IV, 7: tasyai (sūryāyai) sarve devā *varā āgachan* — „къ ней (къ богинѣ Sūryā) всѣ боги приходили *женихи* (то-есть, женихами, въ качествѣ жениховъ)".

Особливо важны и многочисленны случаи, гдѣ предикативнымъ аттрибутомъ является существительное съ суфф.—*tar*. Таковы къ особенности термины, обозначающіе различныя разновидности жреческаго сословія. — *hotar*, *potar*, *upavaktar* и др. Напримѣръ. Ṛv. IV, 9, 3: sá sádma *pári* ṇīyate *hótā*... *utá pótā* ní ṣīdati — „онъ (Агни) обносится (его носятъ) кругомъ жилища (храма, *Sāyana*: yajñagṛham) [какъ] *hotar* (въ качествѣ жреца *hotar*'а, совершавшаго возліянія и произносившаго извѣстныя воззванія къ богамъ); [какъ] *potar* (въ своемъ качествѣ жреца *potar*' а — очистителя, между прочимъ, напитка Сомы) онъ садится (возсѣдаетъ—на алтарѣ)". — Sāyana оттѣняетъ предикативный характеръ этихъ существительныхъ. перифразируя: agnir hotāca bhavati utāpica potā san niṣīdati—Агни и hotar'омъ становится, и также будучи potar'омъ садится (yajñagṛha upaviçati—вступаетъ въ храмъ).—Ṛv. IV, 9, 5: *veṣi* hy ádhvarīyatām *upavaktā́* janānam | havyā́ ca mánuṣāṇām — „ибо ты вкушаешь (или: любишь) [какъ] *upavaktar* [1]) людей, стремящихся къ жертвоприношенію, жертвенные дары людей" — Ṛv. I, 14, 11: tvám *hótā* manurhitó 'gne yajñeṣu *sīdasi*—„ты, о Агни, сидишь (пребываешь) въ жертвоприно-

[1]) Особый родъ жрецовъ (можно, пожалуй, условно перевести „запѣвало"). *Sāyana*, ссылась на авторитетъ *Apastamba*, опредѣляетъ роль этого жреца такъ: upavaktā sarveṣām karmaṇāmavaikalyārthamupadraṣṭā vā sadasyo 'si | sa hi saptadaçaḥ karmaṇāmupadraṣṭā bhavatītyāpastambenoktatvāt „ты—upavaktar или зритель всѣхъ жертвенныхъ дѣйствій, для полноты,—*sadasya*; ибо этотъ (то-есть, sadasya, особый жрецъ) является 17-мъ (въ числѣ другихъ)—въ качествѣ зрителя (или блюстителя) обрядовъ,—такъ по словамъ Apastamba'.

шеніяхъ [какъ] жрецъ—hotar, людьми поставленный".—Ṛv. I, 26, 2: *ní* no hótā... sádā... „садись (о Агни) нашъ жрецъ (нашимъ жрецомъ—hotar'омъ, садись у насъ жрецомъ)"... Здѣсь есть неясность: *Sāyana* понимаетъ *sádā*, какъ нарѣчіе sarvadā—„всегда", но тутъ же онъ дополняетъ фразу глаголомъ ni-ṣīda—садись, возсѣдай, при чемъ, вѣроятно, эта глосса была внушена ему тѣмъ же sádā; наконецъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ sadā было нарѣчіе, все-таки глаголъ sada или sīda здѣсь долженъ подразумѣваться, что̀ ясно изъ присутствія praeverbium *ní* въ началѣ стиха.—Ṛv. IV, 16, 8:... *śá* no *netā́* vā́jam á darṣi bhū́rim"... „[какъ] *тотъ вождь* отверзи намъ обильную добычу"... Здѣсь предикативный аттрибутъ, какъ это бываетъ нерѣдко, не просто *netā*, но *sa netā*, то-есть, при существ. „вождь" стоитъ еще мѣстоим. указ. *sa*, которое, какъ увидимъ ниже, и само по себѣ, безъ существительнаго, могло быть предикативнымъ аттрибутомъ. — Ṛv. I, 129, 11: *pāhí* na indra sustuta sridhò *'vayātā́* sádam id durmatīnā́m *devá*ḥ *san* durmatīnā́m | *hantā́* pāpásya rakṣásas *trātā́* víprasya mā́vataḥ—„охраняй насъ, о достохвальный Индра, [какъ] *усмиритель* врага, всегда [усмиритель] злоумышленниковъ, *будучи богъ*,—[усмиритель] злоумышленниковъ, [какъ] *убійца* злого ракшаса (демона), [какъ] *хранитель* жреца, подобнаго мнѣ". Здѣсь предикативные аттрибуты—avayātar, hantar, trātar, а также и deva—богъ, при коемъ стоитъ причастіе отвлеченной связки (san).

Эти сочетанія съ именами на — tar (nomina agentis), а равно и съ нѣкоторыми другими именными формами, о которыхъ—ниже, представляютъ ту особенность, что въ нихъ предикативная тяжесть аттрибута значительно больше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ составныхъ сказуемыхъ съ существительными. Дѣло въ томъ, что имена на — *tar* (то-есть, собственно nomina agentis, а не тѣ, которыя обозначали родственныя отношенія, какъ pitar—отецъ, mātar—мать и пр.) были сами по себѣ въ извѣстной мѣрѣ предикативны; они стояли близко къ глаголу и могли играть роль причастій; въ послѣднемъ случаѣ они отличались отъ тѣхъ же формъ, удерживавшихъ чисто-именную функцію, тѣмъ, что имѣли удареніе на корнѣ, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственныхъ именахъ оно падало на окончаніе. Причастный характеръ формъ съ удареніемъ на корнѣ обнаруживается въ томъ, что они управляютъ винительнымъ падежомъ прямаго дополненія, въ то время какъ чисто-именныя формы на — tar управляютъ родительнымъ падежомъ (*Brugmann*, Grundriss, zweiter Band, стр. 355—356). Напримѣръ, Ṛv. VI, 23,3: *pátā*... indro astu *sómam*—да будетъ Индра

пьющій (пьющимъ) Сому... *kártā virāya .. ulokám*... дѣлающій просторъ (благо) для героя .. *dátā vasu*... дающій благо; ib., 4:... *çrótā havam*... слышащій воззваніе (также VI, 24, 2). Другіе случаи этого рода: VI, 44, 15; VIII, 2, 26. 32, 35, 36; X, 55, 6; I, 129, 2 и др. Это различеніе по мѣсту ударенія, повидимому, не было проведено съ полной послѣдовательностью и отнюдь не означало, чтобы формы съ удареніемъ на окончаніи были лишены предикативности. Вотъ два мѣста, гдѣ формы съ удареніемъ на окончаніи управляютъ винительнымъ падежемъ: VII, 57, 2: *nicetáro hí marúto gṛṇántam praṇetāro* yájamānasya *mánma* — „ибо Маруты (суть) блюстители поющаго. (суть) споспѣшествующіе гимну (или: проводники гимна) жертвователя“. VIII, 93, 21: abhí ṣú ṇas tvaṃ *rayím.. prayantā́* bodhi dāçúse—„будь ты у насъ дарующій богатство благочестивому“. Очень возможно также, что въ первомъ изъ этихъ стиховъ (VII, 57, 2) имена на tár — съ причастнымъ характеромъ являются самостоятельными предикатами безъ подразумѣваемаго santi (суть).

Эту предикативность и эту близость къ причастію nomina agentis на—tar раздѣляютъ съ нѣкоторыми другими именными образованіями, о которыхъ затруднительно было бы категорически сказать, существительныя ли они, или прилагательныя; они—и то, и другое, а болѣе всего они—родъ причастныхъ формъ, въ томъ смыслѣ, что примыкаютъ къ глагольнымъ темамъ, раздѣляя извѣстныя ихъ признаки, въ особенности удвоеніе (въ большинствѣ случаевъ не того типа, который свойственъ темамъ настоящаго, а скорѣе—того, который свойственъ перфекту). Таковы *babhri* (глаг. bhar, bhṛ — нести; тема настоящаго bibharti)—несущій; *papi*—(глаг. pā—пить; тема настоящаго piba-ti)—пьющій; *dadi* (гл. dā—давать; настоящ. dadāti)—дающій. Всѣ три слова находятся въ стихѣ VI, 23, 4 рядомъ съ именами на—tar (gantar—идущій, kartar—дѣлатель, çrotar—слушатель), гдѣ они управляютъ прямыми дополненіями (вин. п.): babhrír vájram—несущій палицу, papíḥ sómam—пьющій Сому, dadír gáḥ — дарующій коровъ. Также *ādadi*—получающій, достигающій, добывающій (съ вин. havyāni — возліянія, въ ст. I, 127, 6; съ вин. svar — свѣтъ, въ ст. VIII, 46, 8), *parādadi* — отдающій, передающій, вручающій (также съ вин. I, 81, 2), *jaghni*—убивающій (гл. han—убивать, перф. jaghāna), *sasni*—добывающій, стяжающій (гл. san—добывать, одолѣвать)—оба въ ст. IX, 61, 20 съ винительнымъ (jaghnir vṛtram — убійца Вртры, убивающій Вртру, sasnír vājam — стяжающій добычу).

Столь же предикативны и близки къ причастіямъ были имена на—*uka*—, каковы цитируемыя Дельбрюкомъ (Syntakt. Forsch. III, 6) *veduka*—стяжающій, получающій, *damṣuka*—кусающій, *hāruka*—пожирающій, *kāmuka*—любящій, *grāhuka*—схватывающій. Корни этихъ именъ совпадаютъ съ сильными формами корней соотвѣтственныхъ глаголовъ. Всѣ они управляютъ винительнымъ падежомъ прямаго дополненія. Примѣры Дельбрюка взяты изъ *Taitt.-Samh.*, 5, 1, 5, 5, 3; 5, 2, 9. 6; 5, 6, 4, 5; 6, 1. 6, 6; 6, 4, 1, 1. Приведу для образчика: tasmād āpo'*gniṃ hārukāḥ* — desshalb verzehren die Wasser das Feuer (букв. „пожирающія огонь"); *kāmukā enam* striyo bhavanti yo evaṃ veda— den lieben die Weiber, der diese Kenntniss hat (бук. „того женщины суть любящія, кто такъ знаетъ").

Несомнѣнно, стало быть. что этого рода именныя образованія (какъ *dadi*—и т. д., на *uka*—и nomina agentis на—tar, а также и нѣкоторыя другія, какія можно было бы еще найдти, напримѣръ, на—*ika*—) стояли очень близко къ причастіямъ на—*nt*, именно, по своимъ синтактическимъ свойствамъ, по своей предикативности, а потому и составныя сказуемыя съ этими именами особливо пригодны для освѣщенія природы занимающаго насъ оборота съ причастіемъ настоящаго.

Прилагательное или существительное, само по себѣ не обладающее предикативною силой, становится въ извѣстной мѣрѣ предикативнымъ черезъ присоединеніе къ нему причастія настоящаго отвлеченной связки, какъ это мы видѣли выше на греческихъ примѣрахъ и на одномъ санскритскомъ (devāḥ sán Rv. I, 129, 11). Вспомнимъ теперь вышеприведенный стихъ Rv. IV, 9, 3: sá sádma *pári ṇiyate hótā* — „онъ (Агни) обносится кругомъ храма [какъ] жрецъ — hotar" и сопоставимъ съ нимъ стихъ. Rv. IV, 15, 1: Agnír *hótā* no advaré *vājī sán pari ṇīyate* — Агни вокругъ обносится въ нашемъ жертвоприношеніи [какъ] жрецъ — hotar, [какъ] конь (букв. „конь сущій", будучи конемъ) [1]). Оба стиха совершенно параллельны (тотъ же глаголъ — знаменательная связка и тотъ же предикативный аттрибутъ *hotar*). Но во второмъ есть еще и другой предикативный аттрибутъ *vāji*

[1]) „Конь" въ данномъ случаѣ *vājin* — собственный „боевой конь", одинъ изъ частыхъ эпитетовъ Агни. Sāyaṇa въ комментаріи къ нашему стиху поясняетъ. vājī çighragrāmī vodhāçva iva tathā devebhyo havirvāhakaḥ sán pari ṇiyate... „vājī (конь) — рьяно бѣгущій словно упряжной конь — такъ онъ богамъ, будучи поставщикомъ (доставителемъ) жертвеннаго дара (или возліянія), кругомъ обносится..."

san. Не трудно видѣть, что причастіе отвлеченнной связки *san* относится спеціально къ *vājī*, что *hótā* этого стиха въ немъ не нуждается, какъ это видно изъ примѣра стиха перваго, гдѣ мы находимъ *hotā*, и гдѣ совсѣмъ нѣтъ *san*. Замѣчу вообще, что я не помню случая (въ Ригъ-Ведѣ), гдѣ бы при nomen ag. на—tar стояло причастіе отвлеченной связки (оно встрѣчается при именахъ родства на — tar, какъ pitar и др.). Итакъ, изъ сопоставленія этихъ двухъ стиховъ мы можемъ заключить, что въ синтактическомъ отношеніи и по силѣ предикативности терминъ *hotar* равняется термину *vajı san* (а не одному *vajī*). Оттуда выводъ, что синтактически и съ точки зрѣнія предикативности *hotar* больше, чѣмъ *vajī*. и что этотъ избытокъ его соизмѣряется и уравновѣшивается формальнымъ значеніемъ причастія *san*. И наоборотъ: прилагательныя и существительныя, какъ въ данномъ случаѣ vajin, становятся синтактически и предикативно *больше* и приравниваются къ nomina agentis на—tar силою того, что привносится въ ихъ формальное значеніе причастіемъ *san*. При всемъ томъ есть оттѣнокъ, отличающій синтактическую постановку въ предложеніи предикативнаго аттрибута въ формѣ имени на—tar отъ синтактической роли другихъ именъ, соединенныхъ съ причастіемъ отвлеченной связки. Это различіе сводится къ тому, что, сколько я могъ замѣтить, имена, подкрѣпленныя причастіемъ *sant*—, сравнительно рѣдко являются предикативными аттрибутами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, такъ, чтобы они составляли интегральную часть составнаго сказуемаго, и чтобы глаголъ этого сказуемаго былъ для нихъ связкою, — между тѣмъ какъ имена на — tar такую именно роль и играютъ въ изучаемыхъ здѣсь оборотахъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Въ вышеразсмотрѣнномъ стихѣ Rv. IV, 15, 1 существительное *vajī* съ причастіемъ *san* занимаютъ во фразѣ то же самое мѣсто предикативнаго аттрибута, какое принадлежитъ и термину *hotar*. Но это наблюдается рѣдко. Обыкновенно эти имена съ причастіемъ sant — тянутъ къ подлежащему въ большей степени, чѣмъ это приличествуетъ предикативному аттрибуту, и, не тяготѣя къ глаголу, образуютъ какъ бы самостоятельное предикативное цѣлое, родъ „приложенія“ къ подлежащему, и въ переводѣ на новые языки ихъ можно разложить на цѣлое придаточное предложеніе. Напримѣръ: Rv. I, 165, 3: kútas tvám indra *máhinaḥ sánn* éko yāsi... „откуда ты, о Индра, (букв.) *великій сущій*, идешь одинъ?.. Здѣсь глаголъ—знаменательная связка *yāsi*—идешь имѣетъ при себѣ предикативный аттрибутъ *ekaḥ*—одинъ, а *máhinaḥ sán*, что можно пе-

ревести: „(ты) который (такъ) великъ“, стоитъ внѣ сферы тяготѣнія къ глаголу, и для него (для māhinaḥ san) этотъ глаголъ (yāsi)—не связка. Ṛv. I. 170, 3: kíṃ no bhrātar agastya *sákha sánn* áti manyase... „что ты. о братъ Агастья, (*букв.*): *другъ сущій*, презираешь насъ?...“—Здѣсь нѣтъ составнаго сказуемаго: глаголъ ati—manyase образуетъ не связку, а простое глагольное сказуемое, и сочетаніе *sakhā san*, которое можно перевести: „(ты) который являешься нашимъ другомъ“, не есть предикативный аттрибутъ, какъ часть сказуемаго. Оно опять родъ „приложенія“. Ṛv. VI, 47, 20:.. *urvī satī* bhúmir aṃhūraṇā́bhūt — (букв.) *широкая сущая* земля стала тѣсною. Здѣсь составное сказуемое съ полуотвлеченною связкою (abhūt) aṃhūraṇā abhūt (стала тѣсна). a urvī satī (широкая сущая,—которая (такъ) широка) стоитъ внѣ сферы этого сказуемаго и образуетъ самостоятельное цѣлое, ближайшимъ образомъ примыкающее къ подлежащему. Не будучи „предикативными аттрибутами“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы согласились употреблять этотъ терминъ, эти сочетанія однако не могутъ быть названы простыми (непредикативными) аттрибутами, ибо въ нихъ заключенъ извѣстный предикативный моментъ, могущій быть развитъ въ цѣлое придаточное предложеніе. Если нужно подобрать для нихъ названіе, я бы назвалъ ихъ, въ отличіе отъ предикативныхъ аттрибутовъ, аттрибутами *предицирующими*, иначе, *самостоятельно—предикативными*, то-есть, они сами, безъ содѣйствія глагола-связки. *предицируютъ*, не переставая быть аттрибутами [1]).

Теперь разсмотримъ два-три случая, гдѣ такое сочетаніе стоитъ въ косвенномъ падежѣ.

Ṛv. VIII, 43, 14: tvám hy àgne agnínā *vípro víprena sán satā́* sákhā sákhyā samidhyase—„ибо ты, о Агни, возжигаешься огнемъ. жрецъ жрецомъ (букв.): *сущій сущимъ*, другъ другомъ“. Смыслъ фразы: одинъ священный огонь воспламеняется отъ другаго священнаго огня. Оба они—жрецы (vipra—одинъ изъ излюбленныхъ эпитетовъ Агни) и друзья (людей,—обычная квалификація Агни). Можно перефразировать: ты возжигаешься, о Агни, другимъ огнемъ; ты, являющійся нашимъ вдохновеннымъ жрецомъ, возжигаешься другимъ Агни, который—также вдохновенный жрецъ; другъ,—ты возжигаешься другомъ“.—Rv. IV, 36, 3... *jívrī yát sántā* pitárā sanajúrā púnar yuvānā

---

[1]) Чтобы не повторяться, ограничусь приведенными примѣрами и только укажу другія мѣста этого рода въ Ṛv. III, 32, 12; VII, 28, 2; IX, 19, 3; IX, 96, 17; I, 110, 4; IV, 5, 5; IV, 12, 5; X, 117, 9; IV, 3, 9 и др.

carátha̅ya takṣatha (vā̅já̅ḥ—ṛbhavaḥ)—„..что вы (о Рибху) сдѣлали вновь юными (и способными) къ движенію двухъ престарѣлыхъ родителей, дряхлыхъ *сущихъ*“. Можно передать jívrī santā̅ черезъ: „которые были такъ дряхлы“. Ṛv. I, 36, 3: ...*mahás te sató* ví caranty arcáyo... „расходятся лучи твои (букв.: [у]) *тебя великаго сущаго*...“, то-есть, [у] тебя, который такъ великъ.

Не трудно видѣть, что въ этихъ сочетаніяхъ (именъ въ косвенномъ падежѣ съ причастіемъ отвлеченной связки), какъ и въ соотвѣтственныхъ греческихъ и славянскихъ, заключенъ нѣкоторый *предикативный моментъ*, который можетъ легко обнаружиться съ полною ясностью—именно въ томъ случаѣ, когда такое сочетаніе развертывается въ особое (придаточное) предложеніе, какъ это мы сдѣлали выше въ предложенныхъ нами перифразахъ („дряхлыхъ сущихъ“—которые были такъ дряхлы и такъ далѣе).

Оттуда между прочимъ явствуетъ, что не слѣдуетъ отожествлять *понятія предикативности* съ *понятіемъ предиката* (сказуемаго). Первое гораздо шире второго.

Мы разсмотрѣли употребленіе прилагательныхъ и существительныхъ въ качествѣ предикативныхъ аттрибутовъ. Теперь, въ дополненіе къ этому, укажемъ на случаи, когда въ той же роли выступаютъ *мѣстоименія*, именно указательныя, вопросительныя и относительныя.

Il. X, 82: τίς δ' οὗτος κατὰ νῆας ἀνὰ στρατὸν ἔρχεαι οἶος;—букв.: „*кто* (*вотъ*) *этотъ* у кораблей черезъ войско *идешь ты одинъ?*“—Здѣсь подлежащее—*ты;* сказуемое—*составное* изъ: 1) знаменательной связки ἔρχεαι—*идешь* и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: а) οἶος—одинъ и б) мѣстоименнаго τίς δ' οὗτος, образующаго родъ ἔν-διά-δυοῖν—изъ вопросительнаго мѣстоименія τίς и указательнаго οὗτος. Il. XI, 62: οἷος δ' ἐκ νεφέων ἀναφαίνεται οὔλιος ἀστὴρ παμφαίνων, τοτὲ δ' αὖτις ἔδυ νέφεα σκιόεντα, ὥς Ἕκτωρ... букв. „*какова* (какая) изъ тучъ *появляется* гибельная (возвѣщающая гибель) звѣзда *ярко-сіяющая*, а потомъ опять погружается въ мрачныя тучи, такъ Гекторъ...“. Здѣсь составное сказуемое слагается изъ: 1) знаменательной связки ἀναφαίνεται и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: а) причастія παμφαίνων и б) мѣстоименія οἷος, которому въ главномъ предложеніи отвѣчаетъ нарѣчіе ὥς вмѣсто указательнаго прилагательнаго мѣстоименія τοῖος.—Il. XIII, 298—305: οἷος δὲ βροτολοιγὸς Ἄρης πόλεμόνδε μέτεισι, τῷ δὲ Φόβος... ἕσπετο, τοῖοι Μηριόνης τε καὶ Ἰδομενεύς... ἦισαν ες πόλεμον... букв.: „*каковъ* Аресъ вступаетъ въ войну, за нимъ же слѣ-

дуетъ Страхъ.... *таковые* (такими) Меріонъ и Идоменей... *шли* на войну..."—Здѣсь въ первомъ, подчиненномъ, предложеніи составное сказуемое слагается изъ знаменательной связки μέτεισι и предикативнаго аттрибута. выраженнаго или. лучше сказать, замѣщеннаго [1]) мѣстоименіемъ относительнымъ οἷος; во второмъ, главномъ, оно состоитъ изъ знаменательной связки ἦισαν и мѣстоименія указательнаго τοῖοι въ роли предикативнаго аттрибута.—Стихъ Il. XIII. 449, гдѣ при знаменательной связкѣ ἱκάνω стоитъ предикативный аттрибутъ, выраженный существительнымъ γόνος и къ нему относящимся мѣстоименіемъ относительнымъ οἷος, былъ уже приведенъ выше.

Такое употребленіе мѣстоименій есть излюбленный пріемъ стиля гимновъ Ведъ. гдѣ весьма нерѣдко находимъ указательное мѣстоименіе *sa* при глаголахъ во 2-мъ лицѣ. Rv. I, 7, 6: *sá* no... amúṃ carúm... *ápā vṛdhi*—„(какъ) *таковой* ты *отверзи* намъ тотъ сосудъ...". Здѣсь, какъ и въ другихъ, нижеприводимыхъ, примѣрахъ, мѣстоименіе *sa*, *sā*, *tad* употреблено не въ своемъ обычномъ значеніи *онъ*, *этотъ*, *тотъ*, а въ значеніи, напоминающемъ греческое τοῖος (какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ Il. XIII, 298—305). Нашъ переводъ „какъ таковой" (и соотвѣтственные обороты у Людвига, напримѣръ, als solcher) лишь приблизительно и условно передаетъ смыслъ и конструкцію подлинника, намекая на то, что мѣстоименіе *sa* ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ глаголу. а не къ подлежащему. Это, стало быть, не тотъ случай, который разсматриваетъ Дельбрюкъ въ § 138 (стр. 211) Altindische Syntax, гдѣ (*tá* in Verbindung mit anderen Pronominibus) нѣкоторые примѣры дѣйствительно показываютъ. что *sa*, *sā*, *tad* ставилось при мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица для противоположенія ихъ другому лицу, для усиленія момента, ими представляемаго. (въ родѣ нашей частицы—*то*: меня-то, тебѣ-то), что̀ въ особенности ясно въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстоименіе 1-го или 2-го лица. къ которому присоединено *sa*, стоитъ въ формѣ энклитической. Таково, въ числѣ примѣровъ Дельбрюка, мѣсто Rv. I, 23. 23: *táṃ mā* saṃ sṛja várcasā—*mich*, *den genannten* (такъ оттѣняетъ Дельбрюкъ значеніе мѣстоименія tám), versieh mit Glanz,—„*меня-то и* снабди блескомъ". Или (чтобы взять именительный падежъ при знаменательномъ глаголѣ въ сказуемомъ): yádi tvaitát pú-

---

[1]) Еще точнѣе: мѣстоименіемъ замѣщенъ не самъ предикативный аттрибутъ, а то имя прилагательное или существительное, которое мыслится или могло бы мыслиться въ роли даннаго предикативнаго аттрибута.

nar brávataḥ *sā́ tvám* brūtāt (Çatap.-Brāhm. 4, 1. 5, 10)—wenn sie dir das wieder sagen werden, so magst du ihnen dann sagen. Здѣсь, конечно, нѣтъ составнаго сказуемаго—изъ глагола brūtāt и мѣстоименія *sā*; сказуемое здѣсь—простое, brutāt—„говори“. и мѣстоименіе sā ближайшимъ образомъ относится къ подлежащему tvám—„ты“: „а вотъ ты-то“, „ты-же“, „ты съ своей стороны“.—Но тамъ. гдѣ нѣтъ яснаго противопоставленія одного лица другому, гдѣ не видно намѣренія оттѣнить, усилить моментъ, представляемый 1-мъ или 2-мъ лицомъ, черезъ присоединеніе къ нему мѣстоименія *sa*,—мы въ правѣ понимать его скорѣе, какъ часть составнаго сказуемаго,—какъ замѣну мыслимаго. возможнаго, извѣстнаго, наконецъ въ данный моментъ не оказавшагося (если можно такъ выразиться) въ распоряженіи говорящаго имени прилагательнаго или существительнаго: если замѣнить мѣстоименіе этимъ именемъ, то оно было бы предикативнымъ аттрибутомъ.—Такъ понимаю я роль мѣстоименія *sa* и въ слѣдующихъ примѣрахъ: Ṛv. I, 12, 10: *sá* naḥ pāvaka dīdivó 'gne devā́n ihā́ vaha... „(какъ) *таковой* намъ, о очиститель, свѣтлый Агни, боговъ сюда привози...“—11: *sá* na *stávāna* ā́ bhara gāyatréṇa návīyasa | rayím... „(какъ) *таковой* намъ восхваляемый новѣйшимъ гимномъ приноси богатство...“—Здѣсь. въ первомъ стихѣ, составное сказуемое слагается изъ 1) знаменательной связки ā́-vaha—привози и 2) предикативнаго аттрибута въ формѣ мѣстоименія *sá*: ты (подлежащее) привози (связка) таковой, какъ такой, какъ надѣленный такими-то. намъ извѣстными, качествами (предикативный аттрибутъ). Самыя эти качества, то-есть, конкретный признакъ, стушеванный или замаскированный въ мѣстоименіи *sa*, можетъ быть, раскрыты или косвенно указаны звательными *pāvaka* и *dīdivas*: „о ты, свѣтлый очиститель Агни! Какъ таковой (въ этомъ своемъ качествѣ) привози сюда боговъ!“—Во второмъ стихѣ имѣемъ составное сказуемое изъ: 1) знаменательной связки ā́-bhara—приноси и 2) предикативнаго аттрибута изъ: а) мѣстоименія *sá* и б) причастія stávānaḥ—восхваляемый, прославляемый, съ дополненіемъ. Возможно, что это причастіе и раскрываетъ конкретное содержаніе представленія, скрытаго въ мѣстоименіи *sá*: „мы тебя прославляемъ,—какъ таковой, какъ предметъ нашихъ славословій, приноси намъ богатство“.—Ṛv. I, 16, 9: *sémaṃ* naḥ kā́mam ā́ pṛṇa góbhir áçvaiḥ... „(какъ) таковой исполни (удовлетвори) наше желаніе коровами, конями...“—Rv. I, 25. 20: tvám viçvasya medhira diváçca gmáçca rājasi *sá* yā́mani *práti çrudhi*—„ты, о мудрый, властвуешь надо всѣмъ. (надъ) небомъ и землею: *какъ таковой*,

внемли (намъ) на пути (нашемъ)". Здѣсь конкретное содержаніе, мыслимое при мѣстоименіи *sa*, дано въ первой половинѣ стиха, и если извлечь его оттуда и отлить въ форму имени существительнаго, то несомнѣнно получится предикативный аттрибутъ: „внемли намъ (какъ) властитель неба и земли", то-есть, это было бы составное сказуемое того же типа, какъ „пришлъ еси оучитель", ἄγγελος ἦει и такъ далѣе.—Ṛv. I, 36, 12: ...tvaṃ vā́jasya çrútyasya rājasi *sá* no *mṛḷa*... „ты властвуешь надъ славною добычей,—(какъ) *таковой* будь милостивъ къ намъ..."—Ṛv. I, 44, 6: hótāram... sáṃ hí tvā viça indháte *sá* ā́ *vaha*... agne devā́n ihá... „тебя общины возжигаютъ жрецомъ (въ качествѣ жреца-hotar'a): (*какъ*) *таковой* (то-есть, какъ жрецъ-hotar) привози, о Агни, боговъ сюда..."—Въ первой половинѣ стиха мы имѣемъ *второй винительный* (hótāram). Извѣстно, что, если преобразовать фразу съ глаголомъ, требующимъ прямаго дополненія, такъ, чтобы первый винительный перешолъ въ именительный (вмѣсто: *тебя* зажигаютъ—*ты* зажигаешься), то на мѣсто *второго винительнаго* станетъ *второй именительный*, то-есть, иначе, *предикативный аттрибутъ*: tvāṃ samindhate hotāram превратится въ tvaṃ samidhyase hotā—„ты возжигаешься жрецъ (жрецомъ, въ качествѣ жреца)". Вотъ именно этотъ постулируемый второй именительный и образуетъ конкретное представленіе, мыслимое при мѣстоименіи *sá*, которымъ начинается второе полустишіе, что̀ даетъ смыслъ: привози боговъ *такой*, въ этомъ твоемъ качествѣ жреца, возжигаемаго общинами, то-есть, получается составное сказуемое съ предикативнымъ аттрибутомъ, выраженнымъ мѣстоименіемъ, замѣщающимъ существительное hotā—жрецъ—hotar.—Ṛv. I. 79, 6: ...*sá*... rakṣáso *daha práti*—„(какъ) *таковой* сжигай ракшасовъ (демоновъ)".—Ṛv. I, 48, 10: viçvasya hí práṇanam jívanaṃ tvé ví yád uchási sūnari | *sā́* no *çrudhi*... hávam—„ибо въ тебѣ (о Заря)—одушевленіе, оживленіе всего, когда ты сіяешь, о прелестная: (какъ) *таковая*... услышь нашъ зовъ".

Это сочетаніе мѣстоименія указательнаго съ глаголомъ во второмъ лицѣ, понимаемое нами, какъ составное сказуемое, заставляетъ насъ думать, что и во многихъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ глаголъ стоитъ въ *третьемъ* лицѣ, мѣстоименіе *sa*, *sā*, *tad* должно быть также понимаемо, какъ часть предиката, какъ предикативный аттрибутъ, а не какъ простое опредѣленіе подлежащаго. Такъ, напримѣръ, въ стихѣ 13-мъ того же гимна (I, 48), изъ котораго взятъ былъ послѣдній примѣръ, непосредственно вслѣдъ за аналогичнымъ выраженіемъ стиха 12-го (sā́smā́su dhās... (какъ) *таковая* дай намъ...),—читаемъ: *sā́* no rayím...

uṣā́ *dadā́tu* — „(какъ) *таковая* намъ богатство... Заря да даетъ...“. Этотъ оборотъ мы склонны понимать, по образцу предыдущихъ, какъ составное сказуемое, то-есть, мы приписываемъ мѣстоименію *sa* роль предикативнаго аттрибута при знаменательной связкѣ *dadā́tu*. Срав. аналогичныя фразы со 2-мъ лицомъ, какъ напр.

Если при этомъ есть еще придаточное предложеніе съ относительнымъ мѣстоименіемъ *yas, yā́, yad*, то указательное *sa, sā́, tad*, находящееся въ главномъ, является какъ бы отзвукомъ относительнаго мѣстоименія, а это приводитъ къ тому, что оно уже не тяготѣетъ къ сказуемому и становится простымъ опредѣленіемъ подлежащаго, указывая на ту квалификацію его, которая дана въ придаточномъ предложеніи. Напримѣръ. Rv. V, 46,7: ...*yā́ḥ* pā́rthivāso *yā́* apā́m ápi vraté *tā́* no devī́ḥ... çárma yachata—„*которыя* земныя, *которыя* также въ обители водъ, *тѣ*, о богини, защиту намъ даруйте“, то-есть, вы всѣ, какъ тѣ, которыя живете на сушѣ, такъ и тѣ, которыя живете въ водахъ.

Теперь мы можемъ подвести нѣкоторый итогъ всему вышеизложенному.

Этотъ итогъ будетъ—пока—состоять въ томъ, что всѣ приведенные нами образчики составныхъ сказуемыхъ съ предикативнымъ аттрибутомъ, выраженнымъ именами существительными и прилагательными (и мѣстоименіями, какъ ихъ замѣнами), должны быть разбиты на два разряда: 1) тотъ, гдѣ имена, входящія въ составъ сказуемаго, сами по себѣ *непредикативны*; таковы, напримѣръ, *единъ* рече, δεξιὰ ἐφθέγξατο, ῥέει καθαρός, yāhy *arvā́n*, *ū́rdhvás* tiṣṭha, στῆ δ' ὀρθός, пришлъ еси *оучитель* [1]), ἐλήλυθας διδάσκαλος, *varā́* agacchan, ἄγγελος ἦλθε, *dhruvás* tiṣṭha и др., гдѣ имена, выступающія въ роли предикативнаго аттрибута, заимствуютъ свою долю предикативности отъ глагола-связки: поэтому предикативность, которую они проявляютъ въ составномъ сказуемомъ и которой они лишены внѣ его, можетъ быть названа *отраженною*; только когда къ нимъ присоединяется причастіе отвлеченной связки (сы, ὤν, ἐών, san), они пріобрѣтаютъ собственную предикативность, образуя вмѣстѣ съ этимъ причастіемъ какъ бы одно выраженіе, равносильное соотвѣтственному partic. praes. (если таковое есть въ языкѣ), напримѣръ, ἐμμανής ἐών=μαινόμενος; 2) тотъ разрядъ,

[1]) Возможно впрочемъ, что въ слав. имена на—*тель* обладали нѣкоторою долею предикативности.

гдѣ имена, входящія въ составное сказуемое, сами по себѣ обладаютъ извѣстною (иногда довольно значительною) *предикативностью*, кромѣ той ея доли, какую они заимствуютъ отъ глагола-связки; таковы именно санскритскія вышеприведенныя формы на—*tar* (nomina agentis, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ ударение на корнѣ и управляютъ прямымъ дополненіемъ), далѣе имена (полусуществительныя, полуприлагательныя) съ явнымъ причастнымъ значеніемъ, какъ *papi*, *dadi*. *hāruka* и др., а также и сложныя съ глагольными или отглагольными темами на концѣ, какъ *dūredṛç*, *bhadravādin* и пр., наконецъ compositа bahuvrīhi. Вотъ именно этотъ *второй разрядъ* и образуетъ какъ бы переходъ къ сочетаніямъ *съ причастіемъ настоящаго*. которое нѣкогда было такимъ же *приглагольнымъ именемъ съ собственною предикативностью*, какъ только-что указанныя именныя формы.

Самобытная предикативность этого причастія на—*nt* [1]) (въ старыхъ языкахъ) наглядно обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда оно стоитъ вмѣсто глагола. Сюда между прочимъ относится такъ называемый „именительный самостоятельный“, образчики котораго приводитъ Потебня на стр. 196—197 „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“: А вы *плотницы суще*, а приставимъ вы хоромъ рубити. Новг. I, 1; но *мы* присно... грѣхи къ грѣхомъ *прилагающе*, злое... *творяще* по вся дни,—того ради... глаголеть къ намъ... (Поуч. Ѳеод. Печ. о казняхъ). Поясняя этотъ оборотъ, Потебня оспариваетъ мнѣніе, что это—неправильность, непослѣдовательность, ἀνακολουθία. „Причина (говоритъ онъ, 196), по которой причастіе въ древнемъ языкѣ скорѣе можетъ имѣть свое особое подлежащее, чѣмъ въ новомъ, можетъ заключаться въ томъ, что причастіе въ древнемъ языкѣ болѣе сходно съ глаголомъ, чѣмъ въ новомъ; что оно, присоединившись къ подлежащему, хотя и не вполнѣ заканчиваетъ предложеніе, но даетъ мысли нѣкоторый роздыхъ, намѣчаетъ собою дѣленіе предложенія на двѣ части...“—Съ своей стороны я приведу слѣдующіе случаи изъ *Зограф. ев.*: стр. 6, ...просмраждаѣште бо лица своѣ да бишѧ..., гдѣ причастіемъ наст. переданъ греч. глаголъ: ἀφανίζουσι γὰρ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὅπως... (Матѳ. VI, 16); въ гот. стоитъ, какъ и въ греч., глаголъ: *fravardjand* auk andvairþja seina... Стр. 128: і вси людье із

[1]) И соотвѣтствующихъ ему по значенію медіальныхъ формъ,—санскр. на—māna—, āna—, греч.—μενο—.

оутра приходѧште къ немоу въ цръковь послоушатъ его—καὶ πᾶς ὁ λαὸς ὤρθριζε πρὸς αὐτὸν ἐν τῷ ἱερῷ ἀκούειν αὐτοῦ (Лук. XXI, 38). Въ гот. нѣтъ.—Стр 112: і̑ се жена дх҃ъ і̑мѫшти недѫжьнъ 16 (18?) лѣт҃ і бѣ слѫка і не могѫшти въсклонити сѧ отънѫдь—καὶ ἰδοὺ, γυνὴ ἦν πνεῦμα ἔχουσα ἀσθενείας ἔτη δέκα καὶ ὀκτὼ, καὶ ἦν συγκύπτουσα καὶ μὴ δυναμένη ἀνακύψαι εἰς τὸ παντελές (Лук. XIII, 11). Въ гот. нѣтъ.—Здѣсь первое причастіе і̑мѫшти не имѣетъ при себѣ verb. fin., оно само—предикативно, между тѣмъ какъ въ греч. оно имѣетъ при себѣ отвлеченную связку ἦν. Изъ Гомера укажу· Il. III, 211: ἄμφω δ' ἑζομένω, γεραρώτερος ἦεν Ὀδυσσεύς—„оба *сидящіе* (то-есть, сидятъ),—почтеннѣе (Менелая) былъ Одисей". Il. X, 224: σύν τε δύ' ἐρχομένω καὶ τε πρὸ ὁ τοῦ ἐνόησεν—„двое вмѣстѣ *идущіе* (то-есть, идутъ) и одинъ за другаго думаетъ". (Цитировано въ „Синтактическихъ замѣткахъ" М. А. Маслова, „*Записки Харьк. Унив.*" 1896 г., кн. 3). Изъ санскрита приведу: Ṛv. II, 11,13: syāma té ta indra, yé ta ūtī́ avasyáva ū́rjam *vardháyantaḥ*—„да будемъ мы для тебя, о Индра, такими, которые съ твоею помощью, желая получить помощь, (твою?) силу *увеличивающіе* (вм. vardhayanti — увеличиваютъ, подкрѣпляютъ)".—Ṛv. II, 27,15: ubhé asmai pīpayataḥ samīcī́ divó vṛṣṭim subhágo nā́ma *puṣyan*—„оба (небо и земля) вмѣстѣ утучняютъ (дѣлаютъ обильнымъ) ему дождь съ неба; онъ *процвѣтающій* (вм. *процвѣтаетъ*) подъ именемъ счастливаго".—Ṛv. II, 11, 4: çubhrám̥ nú te çúṣmam̥ *vardháyantaḥ* vájram bāhvór *dádhānāḥ*—„благую твою силу *увеличивающіе* (вм. *увеличиваютъ*), палицу въ руки *влагающіе* (вм. *влагаютъ*; тебѣ) [1]).—Ṛv. II, 11,19: sánema yé ta ūtíbhis *táranto* viçvāh spṛ́dha ā́ryeṇa dásyūn—„да побѣдимъ мы, которые твоею помощью *одолѣвающіе* (вм. *одолѣваемъ*) всѣхъ враговъ, арійцемъ (собирательно—арійцами, силами, полчищами арійцевъ) дасью (вин. мн. враждебныя племена неарійскаго происхожденія). Я отношу āryeṇa dasyūn къ sanema, а мѣстоименіе *ye* — къ 1-му лицу множественнаго числа глагола sanema. Иначе Sāyana: онъ беретъ *sanema* въ значеніи *стяжать* и вставляетъ (послѣ *sanema*) *tān puruṣān* (тѣхъ мужей, людей), куда и относитъ *ye*, переводя: „да пріобрѣтемъ мы тѣхъ мужей, которые съ твоею помощью одолѣваютъ и т. д.".—Въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково при-

---

[1]) Причастія *vardhayantaḥ* и *dadhānāḥ* не примыкаютъ къ глаголу предыдущаго стиха (предложеніе: etāḥ... prá... sisrate ná çubhrāḥ) уже потому, что подлежащее этого глагола—женск. р., а наши причастія—муж. р. (собст. первое, а второе—какъ параллельное первому).

частіе *tarantaḥ*—предикативно и стоитъ вмѣсто глагола,—и Sāyana перефразируетъ его черезъ himsanto bhavanti—являются (становятся. суть) побѣждающіе.

Если такимъ образомъ это причастіе было само по себѣ въ значительной степени предикативно, то оно должно было замѣтно увеличивать предикативную тяжесть составнаго сказуемаго, часть котораго оно составляло. Этотъ избытокъ предикативности въ составномъ сказуемомъ съ причастіемъ наст. и послужилъ, какъ я думаю, *одною изъ главнѣйшихъ пружинъ дальнѣйшей эволюціи разсматриваемой синтактической формы*—въ направленіи усиленія *глагольности* предложенія и, параллельно съ этимъ, въ направленіи тенденціи распредѣлять запасъ предикативной силы между главнымъ предложеніемъ и примыкающими къ нему придаточными (причастными и дѣепричастными, извѣстными подъ неправильнымъ названіемъ *сокращенныхъ*). Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ тутъ два аналогичныхъ процесса,—*два способа утилизаціи предикативной энергіи, заключенной въ составномъ сказуемомъ съ причастіемъ наст.*: первый способъ есть *сгущеніе этой энергіи въ глаголъ-сказуемомъ* (типичнѣйшій образецъ даютъ сочетанія съ отвлеченною связкою: бѣ оуча—училъ),—второй это—*распаденіе составнаго сказуемаго*. Въ нижеслѣдующемъ мы будемъ наблюдать различные случаи примѣненія и того, и другаго способа. Исходнымъ пунктомъ нашихъ наблюденій будетъ различеніе сочетаній *съ причастіемъ предикативно—аттрибутивнымъ съ одной стороны* и сочетаній *съ причастіемъ аппозитивнымъ—съ другой*. Такое различеніе представляется необходимымъ, потому что уже a priori несомнѣнно, что тяжесть предикативности, да и самый ея характеръ, въ сочетаніяхъ этихъ двухъ сортовъ должны были быть различными.

Разсмотримъ сперва рядъ примѣровъ оборота съ причастіемъ *предикативно-аттрибутивнымъ*.

Зограф. 89: яко же *пръста* гл҃а—ὡς δὲ ἐπαύσατο λαλῶν (Лук. V, 4)—гот. pan *ganaþida rodjands*. Новый оборотъ: „когда онъ *пересталъ говорить*“. — Причастіе гл҃а (λαλῶν, rodjands), составляя часть предиката, примыкаетъ, конечно, къ глаголу-связкѣ *пръста* (ἐπαύσατο, ganaþida), но ихъ отношенія далеко не тѣ, какія имѣютъ мѣсто при аппозиціи, когда мы ясно различаемъ оба предикативные момента въ ихъ раздѣльной совмѣстности, какъ я старался показать это выше (на примѣрѣ γήθησεν ἰδών) и какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ. Причастіе въ данномъ случаѣ не можетъ быть превращено въ другой verb fin., какъ это зачастую можно сдѣлать съ аппозицией

(γήθησεν ἰδών — *увидѣлъ* и обрадовался); нельзя также при переводѣ на современный языкъ передать его дѣепричастіемъ, этимъ главнѣйшимъ наслѣдіемъ старыхъ аппозицій („пересталъ говоря“—невозможно и было бы абсурдомъ). Еслибы въ нашемъ примѣрѣ причастіе было аппозитивно, то оно находилось бы въ противорѣчіи съ глаголомъ-связкою: нельзя перестать (говорить), продолжая быть говорящимъ. Ясно, стало быть, что мы имѣемъ здѣсь не аппозицію, а *предикативный аттрибутъ*. Его участіе въ сказуемомъ ограничивается вкладомъ туда своей доли предикативности; эта доля въ сложеніи съ предикативностью связки даетъ общую сумму предикативной силы предложенія, и въ этой суммѣ даже трудно разобрать, сколько дано связкою, сколько причастіемъ. а потому послѣднее не поддается выдѣленію въ особый предикативный моментъ, то-есть, преобразованію въ verb. fin.—Другой случай того же рода: *Зогр.* 86: си же отъ нѣлиже вьнидъ *не прѣста* облобызающи [1]) ногоу моею—αὕτη δέ, ἀφ ἧς εἰσῆλθον, οὐ διέλιπε καταφιλοῦσά μου τοὺς πόδας (Лук. VII, 45). Также и въ *Остром. ев.*, л. 223, на оборотѣ: си же отъ нѣлиже вънидохъ *непрѣста* облобызающи нозѣ мои. Готскій переводъ на этотъ разъ даетъ намъ другой оборотъ—*съ инфинитивомъ*, то-есть, тотъ самый, который въ этого рода сочетаніяхъ (съ глаголами *перестать*, *начать* и т. п.) является господствующимъ въ новыхъ языкахъ: ıþ si fram þammei innatiddja *ni svaif bikukjan* fotuns meinans.

Зогр. 149: і се *не* обиноуѧса гл҃етъ — καὶ ἴδε παῤῥησίᾳ λαλεῖ (Іоан. VII, 26). *Готскій* jah sai audagiba *rodeiþ*. — *Зогр.* 157: тогда рече имъ ис не обиноуѧса—τότε οὖν εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς παῤῥησίᾳ (Іоанна. XI, 14). *Готскій* þanuh þan *gaþ* du im iesus svikunþaba. — Здѣсь въ греческомъ и готскомъ сказуемыя *простыя* изъ одного verb. fin. (λαλεῖ, rodeiþ; εἶπεν, qaþ), при коемъ стоитъ обстоятельственное слово (дат. παῤῥησίᾳ и настоящія нарѣчія въ готскомъ audagiba и svikunþaba). Въ славянскомъ же взятъ другой, болѣе архаическій, оборотъ, именно наше составное сказуемое съ причастіемъ наст. не обиноуѧсѧ, въ силу чего глаголъ становится связкою (гл҃етъ, рече). Это причастіе играетъ здѣсь, очевидно. роль *предикативнаго аттрибута*, а не аппозиціи: его нельзя представить себѣ въ видѣ особаго глагольнаго момента, присоединеннаго къ тому, который данъ въ связкѣ,—нельзя разложить сочетаніе „говорилъ необинующійся“ на „говорилъ и не обиновался“ (или что нибудь въ

[1]) Въ подлинномъ ошибочно: облобызающте.

этомъ родѣ). Само дѣепричастіе „необинуясь“, которое мы теперь употребляемъ въ этомъ оборотѣ, не можетъ быть отнесено къ числу тѣхъ дѣепричастій, которыя возводятся къ старымъ *аппозитивнымъ* причастіямъ (какъ „увидѣвъ, сказалъ“): оно синтактически является *дѣепричастіемъ-нарѣчіемъ* и замѣнило собою старое *предикативное аттрибутивное* причастіе, какъ, напримѣръ, въ *Остромировомъ евангеліи* нарѣчье свѣтьло въ „веселѧсѧ свѣтьло“ стало на мѣсто *прилагательнаго свѣтълъ* въ соотвѣтственной фразѣ Зограф. ев.,—какъ теперь мы говоримъ: „громъ зазвучалъ *справа*“ вмѣсто βροντὴ δεξιὰ ἐφθέγξατο.

Зограф. 153: ⁊ приде видѧ—καὶ ἦλθε βλέπων (Іоан. IX, 7). Готскій jah *qam saiwands*. Это не значитъ: „онъ пришелъ и (въ этотъ моментъ своего прихода) видѣлъ“, то-есть, здѣсь содержаніе составнаго сказуемаго не можетъ быть разложено на два момента (прійдти и видѣть); самое причастіе видѧ, βλέπων, saiwands сбивается здѣсь на значеніе прилагательнаго *зрячій*, отличаясь отъ него только тѣмъ, что обладаетъ собственною предикативностью. Фраза значитъ: онъ пришелъ (вернулся) зрячимъ. Наше *зрячій*, которымъ мы тутъ пользуемся для передачи стараго причастія, и есть одно изъ тѣхъ прилагательныхъ, которыя прямымъ путемъ восходятъ къ прежнимъ *аттрибутивнымъ причастіямъ*. Передать оборотъ при помощи дѣепричастія въ данномъ случаѣ невозможно: „пришелъ, видя“ дало бы другое значеніе. И такъ, мы имѣемъ здѣсь не аппозицію, а предикативный аттрибутъ.

Зограф. 150 ꙗко же прилежахѫ въпрашаѭште ⁊—ὡς δὲ ἐπέμενον ἐρωτῶντες αὐτον... (Іоан. VIII, 7). Въ готскомъ нѣтъ. И здѣсь нельзя разбить содержаніе составнаго сказуемаго на два раздѣльныхъ момента [1) прилежали, упорствовали, продолжали и 2) спрашивали]; нельзя также утилизировать дѣепричастіе. Въ общемъ сюда относится все то, что выше сказано о сочетаніи съ *пръста*. Какъ тамъ, такъ и тутъ новый оборотъ замѣняетъ причастіе *инфинитивомъ*. — II. XI, 156—157: πάντῃ, τ' εἰλυφόων ἄνεμος φέρει, οἱ δὲ θάμνοι πρόῤῥιζοι πίπτουσιν. Здѣсь предикативно-аттрибутивный (а не аппозитивный) смыслъ причастія εἰλυφόων, которымъ характеризуется само подлежащее (ἄνεμος), а не его дѣйствіе (φέρει), прекрасно оттѣненъ параллелизмомъ съ πρόῤῥιζοι—предикативнымъ аттрибутомъ въ формѣ *прилагательнаго*.

II. XIII, 288: εἴ περ γάρ κε βλεῖο πονεύμενος... „если ты будешь раненъ сражающійся (а не бѣгущій), то...“ —Причастіе, указывая

на обстоятельства, при которыхъ осуществилось бы то, что выражено глаголомъ, служитъ въ то же время — и въ особенности — для характеристики субъекта. Все мѣсто 275—294 подробно описываетъ разницу между трусомъ и храбрымъ. Не лишено интереса въ данномъ случаѣ само лексическое значеніе слова πονεύμενος: это выраженіе образное, слово съ такъ называемою внутренней формою (*трудиться, работать* вм. *сражаться*), а такія слова, если они причастія, скорѣе пригодны служить аттрибутомъ, чѣмъ аппозиціей. Аппозиція указываетъ на фактъ, аттрибутъ даетъ характеристику: слово съ внутренней формой, разъ оно прилагательное или причастіе, даетъ своимъ *представленіемъ* (въ данномъ случаѣ—„трудящійся“) именно характеристику, квалификацію субъекта, совершающаго то, что̀ обозначено *значеніемъ* слова („сражающійся“). Принимая во вниманіе этотъ оттѣнокъ, мы могли бы приблизительно передать аттрибутивность нашего предикативнаго причастія такъ: „если ты, доблестно и честно трудящійся на полѣ брани, будешь раненъ, то...“ .—Нужно имѣть въ виду также и то, что лицо (Меріонъ), къ которому обращена вся эта рѣчь Идоменея, заранѣе рекомендовано намъ, именно какъ храброе, доблестно сражающееся (ὄφρ' ἀρετὴν οἵη ἐσσι, говоритъ ему Идоменей въ самомъ началѣ своей реплики).

II. XIII. 420—423: τὸν μεν (раненнаго Гипсенора) ἔπειθ' ὑποδύντε (подъ щитъ, которымъ Антилохъ прикрылъ Гипсенора) δύω... ἑταῖροι (Мекистевсъ и Аласторъ)... φερέτην βαρέα στενάχοντε. Здѣсь предикативно-*аттрибутивный* характеръ причастія στενάχοντε оттѣненъ противоположнымъ, предикативно-аппозитивнымъ характеромъ причастія аор. ὑποδύντε, образующаго часть все того же составнаго сказуемаго (ὑποδύντε—φερέτην—στενάχοντε). Прич. ὑποδύντε даетъ новый моментъ, вноситъ свой вкладъ въ „матеріальное“ (если можно такъ выразиться) содержаніе сказуемаго (Мекистевсъ и Аласторъ, во-первыхъ, *нырнули* подъ щитъ и, во-вторыхъ, *несли* раненнаго Гипсенора). Прич. στενάχοντε своего вклада — въ этомъ смыслѣ — не дѣлаетъ (было бы смѣшно: 1) нырнули подъ щитъ; 2) несли раненнаго и 3) тяжко стонали),—оно только, присутствуя въ сказуемомъ, характеризуетъ подлежащее. При передачѣ этого оттѣнка мы можемъ поступить двояко: 1) либо еще болѣе усилить (подчеркнуть) аттрибутивный характеръ причастія и сдѣлать изъ него простое опредѣленіе подлежащаго: тяжко-стонущіе Мекистевсъ и Аласторъ, нырнувъ подъ щитъ, несли...; 2) либо, отправляясь отъ синтактической принадлежности причастія къ сказуемому, замѣнить его обстоятельствен-

нымъ выраженіемъ, которымъ между прочимъ можетъ служить и дѣепричастіе: „несли съ тяжкимъ стономъ“, или „тяжко стеная“.

II. XV, 1—2: Ἀτὰρ ἐπεὶ διά τε σκόλοπας καὶ τάφρον ἔβησαν φεύγοντες... ib., 3: οἳ μὲν δὴ παρ' ὄχεσφιν ἐρητύοντο μένοντες. Здѣсь причастія почти плеоназмы, и составныя сказуемыя могутъ быть отнесены къ типу тавтологическихъ (ἕν διὰ δυοῖν). Стало быть, эти причастія весьма мало прибавляютъ къ матеріальному содержанію предиката, но зато они важны для характеристики подлежащихъ; въ новыхъ языкахъ эта характеристика можетъ быть сдѣлана либо прямо опредѣленіями (въ томъ числѣ и придаточными опредѣлительными предложеніями), напримѣръ, „когда они, обращенные въ бѣгство, перешли черезъ частоколъ и ровъ...“, либо косвенно — обстоятельственными выраженіями („бѣгомъ“).

II. XVIII, 126: μηδέ μ' ἔρυκε μάχης φιλέουσά περ. Фразы этого рода были, какъ я думаю, предикативно-аттрибутивны, а не аппозитивны: имѣлось въ виду *качество* лица (субъекта), а не его дѣятельность. Переводъ: „не удерживай меня отъ битвы, какъ бы ты меня ни любила“, думаю, дальше отстоитъ отъ подлинника, чѣмъ: „ты, которая такъ меня любишь, все-таки не удерживай меня отъ битвы“.

Od. XV, 128: οὐ δέ μοι χαίρων ἀφίκοιο δῖκον... Здѣсь причастіе χαίρων, какъ бы мы ни передали его на новыхъ языкахъ, нарѣчіемъ ли, дѣепричастіемъ ли, обнаруживаетъ то специфическое тяготѣніе къ субъекту, которое и придаетъ ему характеръ предикативнаго аттрибута, а не аппозиціи. Также, ib., 130:... ὁ δὲ δέξατο χαίρων. Переводя нарѣчіемъ въ родѣ *весело*, *радостно*, мы беремъ оборотъ, который предполагаетъ болѣе древнюю или архаическую конструкцію съ *прилагательнымъ* (какъ „веселѧсѧ *свѣтлъ*“). Вотъ именно греч. χαίρων, оставаясь причастіемъ, однако весьма близко подходило къ прилагательному, отвѣчая скорѣе на вопросъ: какой?—чѣмъ на вопросъ: что̀ дѣлающій? Оно едва ли могло служить аппозиціей.

Аттрибутивность предикативнаго причастія не подлежитъ сомнѣнію въ оборотахъ, какъ Од. XI, 584: στεῦτο διψάων — „онъ являлъ видъ человѣка, мучимаго жаждою“, буквально „онъ представлялся жаждущій“, а равно и въ сочетаніяхъ съ λήθω, λανθάνω, напримѣръ. Od. VIII, 532: ἔνθ' ἄλλους μὲν πάντας ἐλάνθανε δάκρυα λείβων... Od. XIX, 91—92: οὔ τί με λήθεις ἔρδουσα μέγα ἔργον...

Наконецъ были и такія сочетанія, которыя, будучи взяты отдѣльно, могли быть понимаемы, и какъ предикативно-аттрибутивныя, и какъ

аппозитивныя. Таковъ случай Il. IV, 56: οὐκ ἀνύω φθονέουσα. Понятая аппозитивно. фраза значитъ: я (ничего) не достигну, *если буду противорѣчить* (тебѣ, — говоритъ Гера Зевсу). Но если обратимъ вниманіе на контекстъ, то легко убѣдимся, что тутъ φθονέουσα — не аппозиція. Гера говоритъ выше, что у нея три любимыхъ города (Аргосъ. Спарта, Микена). но что если Зевсъ пожелаетъ ихъ разрушить, то она. Гера. при всемъ своемъ огорченіи, не дерзнула бы выступить на защиту ихъ и противорѣчить Зевсу. Почему? Потому, что— (ст. 55—56) εἴ περ γὰρ φθονέω τε καὶ οὐκ εἰῶ διαπέρσαι. οὐκ ἀνύω φθονέουσ' ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερός ἐσσι—„еслибы я стала противорѣчить и не допускала разрушить (ихъ), то я, *противорѣчащая* (въ этомъ своемъ противорѣчіи). (ничего) не достигла бы. такъ какъ ты гораздо сильнѣе меня". Вотъ именно, въ силу наличности въ предыдущей фразѣ (ст. 55) глагола φθονέω,—его причастіе φθονέουσα (въ составномъ сказуемомъ οὐκ ἀνύω φθονέουσα), являясь повтореніемъ предыдущаго, указаніемъ на соотвѣтственный. раньше данный глаголъ, служитъ только для характеристики Геры (субъекта) въ данный моментъ (какая она?—Она—φθονέουσα, что́ явствуетъ изъ εἴ... φθονέω), а не для обогащенія содержанія предиката особымъ предикативнымъ моментомъ. Для матеріальнаго содержанія предиката это причастіе ничего *новаго* не даетъ.—оно могло бы совсѣмъ отсутствовать: εἴ... φθονέω,— οὐκ ἀνύω—„если буду противорѣчить, ничего не достигну (ничего не подѣлаю)". Разъ оно съ точки зрѣнія предиката—лишнее, родъ плеоназма,—оно не можетъ быть аппозиціей. Но еслибы не было предыдущаго. еслибы мы не знали, чего именно Гера не достигнетъ, и это наше незнаніе и было бы устранено причастіемъ φθονέουσα,— вотъ тогда то оно было бы несомнѣнно аппозитивнымъ,—и съ тѣмъ вмѣстѣ было бы произнесено съ бо̀льшимъ удареніемъ (какъ бы подчеркиваніемъ), чѣмъ—когда оно предикативно-аттрибутивно; въ послѣднемъ случаѣ логическое удареніе падаетъ на οὐκ ἀνύω.

Ṛv. X. 164, 3: yád āçásā niḥçásābhiças*opārimá jāgrato* yát *svapántaḥ* ... букв. „ежели мы *бодрствующіе*, ежели мы *спящіе* прегрѣшили желаніемъ, порицаніемъ, проклятіемъ ...". Здѣсь причастія jāgrataḥ и svapantaḥ имѣютъ постановку предикативно-аттрибутивную, а не аппозитивную, ибо они не присоединяютъ къ моменту, данному въ глаголѣ-связкѣ, какого либо другаго момента, которымъ было бы обогащено матеріальное содержаніе предиката, а только указываютъ на состояніе субъекта (состояніе бодрствованія и сна). Такъ понимаетъ и Sāyana, комментируя: jāgrato (бодрствующіе) jāgaraṇāvast-

hāyām vartamānā vayam ... (—въ состоянии бодрствованія находящіеся мы...), svapantaḥ (спящіе) svapnāvasthām prāptāḥ... (достигшіе состоянія сна, пришедшіе въ состояніе сна). Аттрибутивный характеръ этихъ причастій въ нашемъ стихѣ сказывается въ томъ, что ихъ можно было бы принять за простыя опредѣленія къ подлежащему „мы“, какъ я—по неволѣ—сдѣлалъ это въ своемъ переводѣ. Если же желательно выставить на видъ тотъ фактъ, что они здѣсь не простые аттрибуты, а предикативные и, стало быть, входятъ въ сферу сказуемаго, то остается только превратить ихъ въ категорію обстоятельства и передать черезъ „бодрствуя“ (или „наяву“) и „во снѣ“.

Ṛv. IX. 96, 1: prá senānīḥ çūro ágre ráthānām *gavyánn eti*... „полководецъ-герой (или лучше: онъ, Сома, какъ полководецъ-герой) во главѣ колесницъ желающій добычи идетъ...“. Причастіе аттрибутивно (не переставая быть частью предиката) уже потому, что оно—родъ эпитета героевъ, воиновъ, воинственныхъ боговъ и, будучи отъименною формаціей (отъ *go*—корова, волъ; *gavyan*—собственно желающій (завоевать, добыть) коровъ, воловъ), стоитъ одиноко, безъ соотвѣтственныхъ формъ verbi finiti. Возможно, что въ данномъ мѣстѣ и аналогичныхъ *gavyan* взято, какъ *прилагательное* въ значеніи kampflustig, какъ переводятъ его Роттъ (С.-Петербургскій словарь, s. v.) и Грассманнъ (Wörterbuch zum Ṛgv., s. v.). *Sāyana* поясняетъ: gavyan—çatrūṇāṃ gā icchan („желающій коровъ непріятелей“) yadvā yajamānānām paçvādikamicchan („или же желающій [раздобыть] для жертвующихъ [для заказчиковъ требы] мелкій скотъ и проч.“)

Ṛv. IV, 17, 10: ayáṃ *çṛṇve* adha *jáyann* utá *ghnánn* ... „онъ (Индра) славенъ, какъ побѣдитель и убійца...“ *Аттрибутивно*-предикативный характеръ причастій *jayan* и *ghnan* (побѣждающій и убивающій) въ этомъ стихѣ не подлежитъ сомнѣнію и переданъ мною помощью замѣны причастій существительными. Еслибы они были употреблены аппозитивно, то стихъ значилъ бы: „онъ—славенъ. *когда* (или *такъ какъ*) *побѣждаетъ и убиваетъ*“. Но такого смысла стихъ, очевидно, не имѣетъ, что̀ видно также и изъ комментарія Саяны: jayan—çatrūnvijayan („побѣждающій—враговъ побѣждающій“) çṛṇve—çrūyate sarvatra prakhyāto bhavati („славенъ—слыветъ, всюду становится знаменитъ“) ghnan—çatrūnhiṃsan („убивающій—враговъ уничтожающій“) sarvatra çrūyate („всюду слыветъ“). Еслибы Саяна понималъ эти причастія, какъ аппозиціи, онъ оттѣнилъ бы это въ

своемъ комментаріи такъ или иначе. напримѣръ, предпославъ ихъ объясненію вопросъ: kiṃ kurvan—что дѣлающій?

Rv. IX, 29, 4: viçvā vásūni *samjáyan pávasva* soma dhárayā—„(какъ) завоеватель всѣхъ благъ, теки, о Сома, струею“. Едва ли здѣсь причастіе saṃjayan (завоевывающій) могло быть взято аппозитивно, въ смыслѣ: „теки и (съ тѣмъ вмѣстѣ) завоевывай“, „теки, завоевывая“ и т. п. Стихъ принадлежитъ къ разряду многочисленныхъ „формулъ“, произнесеніемъ которыхъ сопровождалась процедура приготовленія (очищенія, процѣживанія) священнаго напитка Сомы; въ нихъ воззваніе pavasva—теки (и очищайся) есть общее мѣсто, техническій терминъ, обыкновенно сопровождаемый различными квалификаціями и эпитетами Сомы. Наше причастіе и имѣетъ здѣсь значеніе такой квалификаціи Сомы—въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, указывающей на его воинственность и на то, что онъ доставляетъ своимъ поклонникамъ добычу и всяческія блага. Другаго пониманія фразы нельзя вывести и изъ комментарія Саяны, который, поясняя причастіе saṃjayan, ограничивается вставкою asmadarthaṃ—„для насъ“ (завоевывающій всѣ блага). Чтобы оттѣнить *аттрибутивную* постановку предикативнаго причастія, я въ своемъ переводѣ замѣнилъ его существительнымъ.

Rv. IX, 80, 2: maghónām áyuḥ *pratirán* máhi çráva índrāya soma *pavase vṛ́sā mádaḥ*—„удлиняющій вѣкъ (и) великую славу щедрыхъ дарителей. Сома течетъ (очищается) для Индры,—геройское опьяненіе“.—Сома течетъ (очищается) не потому, что (не послѣ того какъ, не въ виду того, что и т. д.) удлиняетъ вѣкъ и славу щедрыхъ; онъ очищается и течетъ для Индры, который будетъ пить его; продленіе жизни и славы смертныхъ, которые щедро одаряютъ жрецовъ, это—одно изъ обычныхъ благодѣяній, одно изъ качествъ Сомы, это—его аттрибутъ, параллельно которому стоитъ здѣсь и другой—vṛsā madaḥ (на этотъ послѣдній нужно смотрѣть такъ же, какъ на часть предиката). Мы могли бы передать наше причастіе существительнымъ въ родѣ „продлитель жизни“,—мало того: въ самомъ подлинникѣ мы могли бы представить себѣ соотвѣтственное nomen agentis—*prataṝtar*, каковое мы читаемъ въ ст. X, 100, 5 съ тѣмъ же дополненіемъ, что и тутъ (āyus—вѣкъ, жизнь). pratarītāsy āyuṣaḥ—„ты—продлитель вѣка“ (отнесено къ Bṛhaspati). Изъ перифраза Саяны нельзя вывести другаго пониманія текста.

Rv. II, 29, 6: á vo hárdi *bháyamāno vyayeyam*—буквально „да укроюсь я боящійся (въ страхѣ) у вашего сердца“ (или: „да при-

бѣгну я къ вашему сердцу...“). Здѣсь bháyamānaḥ—не простое опредѣленіе подлежащаго, а предикативный аттрибутъ. Аппозиціей оно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы на него падало логическое удареніе, и оно противопоставлялось другому термину. Тогда мы перевели бы его черезъ: „когда я боюсь“, „когда я въ страхѣ“. Перифразъ Саяны не даетъ ничего, что говорило бы въ пользу аппозиціи.

Rv. I, 48, 5: ā́ ghā yóṣeva sūnáry uṣā́ *yāti prabhuńjatī́ jaráyantī* vṛ́janam... „словно прелестная женщина, приходитъ Заря услаждая (причастіе: услаждающая), заставляя старѣть (причастіе: заставляющая старѣть, приближающая къ старости) окру́гу...“. Это обычная квалификація Зари (uṣāḥ), что она съ одной стороны услаждаетъ, охраняетъ (Sāyana объясняетъ prubhuńjatī черезъ prakarṣeṇa sarvam pālayantī—все охраняющая), а съ другой все живое приближаетъ къ смерти, заставляетъ старѣться (Sāyana объясняетъ jarayantī черезъ jarām prāpayantī—заставляющая достигать старости). Въ своемъ комментаріи Саяна, пояснивъ глаголъ ā—yāti черезъ pratidinamāgacchati—„ежедневно приходитъ“ и обращаясь къ истолкованію значенія причастій, предпосылаетъ вопросъ: kīdṛçyuṣāḥ—„*какая* Заря?“ На что и отвѣчаютъ наши причастія, понимаемыя, стало быть, какъ предикативные *аттрибуты*. Еслибы они были аппозитивны, то вопросъ Саяны звучалъ бы: kiṃ kurvatī—„что дѣлающая?“

Ṛv. V, 41, 18: sā́ naḥ sudā́nur *mṛḷáyantī* deví *prati drávantī* suvitā́ya *gamyāḥ* буквально—„эта богиня, подательница изобилія, милосердная, прибѣгающая, да прійдетъ намъ во благо“. Sāyana понимаетъ причастія mṛlayantī—милосердствующая и dravantī—бѣгущая, прибѣгающая—какъ эпитеты, равносильные термину sudānuḥ (который онъ объясняетъ черезъ çobhanadānā—обладательница или подательница прекрасныхъ даровъ) и предпосылаетъ ихъ истолкованію фразу: seddevatā viçeṣyate—„это-то божество ближе опредѣляется“ (то-есть, нижеслѣдующими терминами). Отсюда, думаю, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы Саяна понималъ эти причастія, какъ простыя опредѣленія субъекта: и въ самомъ текстѣ, и въ толкованіи Саяны это—не простыя опредѣленія, а предикативныя, и вышеприведенныя слова комментатора говорятъ лишь то, что для него это—не аппозиціи.

Ограничиваясь этими образчиками предикативно-аттрибутивнаго сочетанія и прежде чѣмъ перейдти къ аппозитивному, сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о синтактическомъ характерѣ разсматриваемой формы.

1. Мы знаемъ, что наше причастіе было само по себѣ въ значи-

тельной степени *предикативно*, такъ что могло замѣнять глаголъ. Обладаніе собственною предикативностью мѣшаетъ ему быть въ предложеніи простымъ опредѣленіемъ: оно поневолѣ становится опредѣленіемъ предицирующимъ и тянетъ къ сказуемому. Присоединяя къ предикативности глагола и свою, оно значительно увеличиваетъ общій запасъ предикативной силы, собранной въ сказуемомъ. Этотъ запасъ приблизительно равенъ тому, какой мы находимъ въ составныхъ сказуемыхъ съ именами, обладающими собственною предикативностью (санскритскія nomina agentis на -tar и др.), и гораздо больше того, который данъ въ сочетаніяхъ съ именами, лишенными собственной предикативности.

2. Это скопленіе предикативной энергіи въ сказуемомъ, дающее ему рѣшительный перевѣсъ надъ подлежащимъ, *отчасти умѣряется* тѣмъ *тяготѣніемъ* причастія (и предикативнаго имени) къ подлежащему, *какъ его аттрибута*, которое образуетъ специфическую черту предикативно-аттрибутивнаго сочетанія въ противоположность аппозитивному. На это тяготѣніе я неоднократно указывалъ выше. Аттрибутивность можетъ быть уподоблена здѣсь силѣ, дѣйствующей въ направленіи, противоположномъ предикативности. Мысля аттрибутивное отношеніе причастія къ подлежащему, субъектъ отвлекаетъ часть своего вниманія отъ апперцепціи предикативной роли этого причастія. Въ сочетаніи аппозитивномъ либо совсѣмъ нѣтъ такого отвлеченія части вниманія отъ сказуемаго къ подлежащему, либо эта часть доведена до минимума.

3. Прежде чѣмъ пойдти дальше въ этомъ направленіи, то-есть, въ попыткѣ психологическаго изученія данныхъ формъ синтаксиса, необходимо сперва отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую группу признаковъ мыслимъ мы подъ терминами „предикативность“ и „аттрибутивность“. Это—основныя грамматическія понятія, безъ которыхъ въ синтаксисѣ нельзя ступить шагу, и которыя, вѣроятно, по этой причинѣ и считаются какъ бы „самоочевидными“ и неразложимыми или не нуждающимися въ сведеніи къ другимъ психологическимъ понятіямъ. Начнемъ съ *предикативности*.

Предикативность принадлежитъ къ сферѣ мысли, она—умственный актъ. Этотъ актъ не есть, какъ извѣстно, монополія языка: онъ образуетъ столь же неотъемлемую принадлежность *сужденій психологическаго* и *логическаго*, какъ и грамматическаго предложенія. Поэтому мы должны сперва отвѣтить на вопросъ: каковы общіе основные признаки предикативности, какъ умственнаго процесса, взятаго

независимо отъ его постановки въ языкѣ? Къ какимъ психологическимъ элементамъ можемъ мы свести явленіе предикативности, все равно — грамматической ли, психологической ли (доязычной), или логической (надъязычной)? Когда предицирующій субъектъ беретъ извѣстное представленіе въ качествѣ предиката для другаго представленія, то, прежде всего, самое *содержаніе* перваго (служащаго предикатомъ) *выступаетъ въ сознаніи* (въ „свѣтлой точкѣ“ сознанія) *съ большею отчетливостью, съ большею яркостью*, чѣмъ это бываетъ, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*. съ представленіями, которыя берутъ на себя другія роли въ сужденіи [1]). Далѣе, предицирующій субъектъ *тратитъ извѣстную часть того умственнаго усилія и того вниманія, какія вообще потребны для фиксаціи представленій въ свѣтлой точкѣ сознанія, на апперцепцію специфическаго отношенія даннаго представленія, какъ предиката, къ его подлежащему*: говоря, напримѣръ, „снѣгъ—бѣлъ“, я держу въ сознаніи не только само представленіе бѣлизны, но и спеціальное отношеніе его къ подлежащему „снѣгъ“,—я сознаю, я какъ бы отдаю себѣ отчетъ въ томъ, каково это отношеніе, какую именно роль въ предложеніи (или сужденіи) играетъ представленіе бѣлизны. Наконецъ, втретьихъ, въ предицирующемъ субъектѣ *возникаетъ родъ умственнаго самочувствія или самосознанія*: предицируя—онъ сознаетъ или „мысленно ощущаетъ“ свое „я“, какъ виновника этого акта („снѣгъ бѣлъ“ собственно значитъ: я думаю, знаю, вижу, чувствую, утверждаю и т. д., что представленіе бѣлизны можетъ или должно быть отнесено къ представленію снѣга, какъ его предикатъ). Укажу здѣсь также на то, что этимъ признакомъ явленіе предикативности и отличается отъ явленія аттрибутивности: въ послѣднемъ умственное самочувствіе субъекта доведено до минимума, который можетъ считаться равнымъ нулю („бѣлый снѣгъ“ значитъ только, что если дано представленіе снѣга, то дано и представленіе его бѣлизны). Этотъ родъ мысленнаго самоощущенія, это невольное обращеніе къ „я“ субъекта, которое такъ или иначе даетъ себя чувствовать во всякомъ актѣ предицированія, можетъ

[1]) Условія, внутреннія и внѣшнія, вліяющія на степень яркости, съ какою представленіе проявляется въ сознаніи, разнообразны до безконечности. Предполагая ихъ въ данный моментъ одинаковыми для данныхъ представленій (напримѣръ, снѣга и бѣлизны), мы найдемъ, что ярче выступитъ въ сознаніи то изъ нихъ, которое будетъ взято въ качествѣ предиката: въ сужденіи „снѣгъ—бѣлъ“ ярче представленіе бѣлизны, чѣмъ представленіе снѣга; въ сужденіи „то бѣлое (что я вижу вонъ тамъ) есть снѣгъ“ ярче представленіе снѣга.

быть понимаемо, какъ *гомологъ волеваго акта*: тому, что въ сферѣ психики проявляется въ формѣ волевого акта, въ болѣе тѣсной и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей ея области—умственной, отвѣчаетъ актъ предицированія. Какъ гомологъ волеваго акта, процессъ предицированія отличается отъ другихъ, какіе только участвуютъ въ образованіи сужденія, тѣмъ, что требуетъ бо̀льшихъ усилій мысли, большей затраты умственной энергіи.

4. Всѣ разсмотрѣнные признаки предикативности приводятъ насъ ко взгляду на нее, *какъ на процессъ затраты умственной энергіи, а не какъ на процессъ ея сбереженія*. Актъ предицированія есть затрата умственной энергіи именно потому, что онъ протекаетъ въ сознаніи, сопровождается умственнымъ самочувствіемъ и есть усиліе мысли, активный процессъ, гомологъ волевого. Попытка приложить понятіе траты энергіи къ сознательнымъ психическимъ процессамъ и понятіе ея сбереженія къ безсознательнымъ сдѣлана профессоромъ *И. Г. Оршанскимъ* [1]). Въ области лингвистической, то-есть, въ изученіи природы грамматическаго мышленія, это положеніе было уже намѣчено *Потебней*, который указывалъ на то, что *грамматическая форма* проникаетъ въ сознаніе лишь въ очень слабой степени и ео ipso не тратитъ, а сберегаетъ энергію. „На мышленіе грамматической формы (читаемъ на страницѣ 27-й „Изъ записокъ по русской грамматикѣ), какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два, или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе, значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, обходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова“.—Становясь на эту точку зрѣнія, мы по-

[1]) Популярное изложеніе результатовъ своихъ изслѣдованій въ этой области, основанныхъ на изученіи механики нервнаго процесса, онъ далъ въ статьѣ „Законъ экономіи въ умственномъ трудѣ“ (*Сѣверный Вѣстникъ* 1897, №№ 11 и 12).

лучимъ слѣдующую постановку вопроса, насъ занимающаго: 1) главное отличіе предикативности въ языкѣ (предицированія грамматическаго) отъ предикативности въ сужденіяхъ психологическомъ и логическомъ сводится къ тому, что въ языкѣ предикативность дана вмѣстѣ съ грамматическою (синтактическою) формою; 2) актъ предицированія—самъ по себѣ—есть процессъ затраты умственной энергіи,—сопровождающая его грамматическая форма есть. напротивъ, процессъ ея сбереженія; 3) стало быть, актъ предицированія въ грамматическомъ мышленіи есть процессъ двойственный или двухсторонный: въ одно и то же время онъ и тратитъ. и сберегаетъ энергію; 4) степень формальности синтактическихъ формъ бываетъ различна, она то больше, то меньше; чѣмъ она больше, тѣмъ менѣе проникаетъ она въ сознаніе, тѣмъ дальше отстоитъ отъ его „порога“, и тѣмъ больше сберегаетъ энергіи. Сбереженіе энергіи, сопутствующее акту грамматическаго предицированія, прямо пропорціонально степени формальности грамматическаго выраженія. служащаго для апперцепціи предиката.

5. Теперь мы можемъ возвратиться къ изучаемому нами обороту. Постараемся опредѣлить степень формальности сочетанія предикативно-аттрибутивнаго. Для этого намъ нужно имѣть въ своемъ распоряженіи какое нибудь мѣрило. Таковымъ послужатъ намъ тѣ обороты, въ которыхъ формальность доведена до высшаго предѣла, — формы, которыя въ живой рѣчи совсѣмъ не проникаютъ въ сознаніе, становясь доступными ему только тогда. когда мы подвергаемъ ихъ ученому анализу. Изъ числа такихъ формъ, достигшихъ предѣла формальности [1]) и потому являющихся превосходнымъ орудіемъ сбереженія умственной энергіи, мы возьмемъ здѣсь такъ называемыя сложныя времена, образующія, какъ извѣстно, не составное сказуемое, а простое, напримѣръ, есмь взялъ, бѣхъ далъ, je suis venu, bin gekommen и т. д. Въ этихъ формахъ, столь свойственныхъ новымъ языкамъ, причастіе сохраняетъ развѣ только тѣнь своей былой *аттрибутивности*; оно не образуетъ особаго момента въ сознаніи; глаголъ не мыслится отдѣльно отъ причастія въ качествѣ связки, какъ это имѣетъ мѣсто въ составномъ сказуемомъ; оба термина образуютъ одно неразлагающееся въ мысли синтактическое цѣлое, и если ихъ провести въ сферу сознанія,—они отразятся тамъ, какъ одинъ моментъ,

[1]) Предѣла, конечно, относительнаго и не окончательнаго: это предѣлъ—съ точки зрѣнія даннаго состоянія языка.

а не два. Замѣтимъ тутъ же, что причастія, вошедшія въ эти формы (по крайней мѣрѣ русскія на—лъ, какъ это установлено изслѣдованіями Потебни). принадлежали къ числу наиболѣе *предикативныхъ* (и наименѣе *аттрибутивныхъ*). Имѣя это мѣрило, мы можемъ опредѣлить степень формальности нашего предикативно-аттрибутивнаго сочетанія слѣдующимъ образомъ: въ немъ мы имѣемъ глаголъ—связку (и при томъ — знаменательную, то-есть, отражающуюся въ сознаніи своимъ содержаніемъ, лексическимъ значеніемъ), и этотъ глаголъ образуетъ особый предикативный моментъ, то-есть, проникаетъ въ сознаніе—тратитъ энергію; мы имѣемъ причастіе, надѣленное собственною предикативностью,—и оно образуетъ предикативный моментъ, то-есть, также проникаетъ въ сознаніе—тратитъ энергію. Далѣе, оно не только предикативно, но и *аттрибутивно*. Выше я сказалъ, что его аттрибутивностью умѣряется скопленіе предикативной силы въ сказуемомъ; теперь я къ этому добавлю, что, дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, аттрибутивность отнюдь не уменьшаетъ *количества* этой силы, а только оттягиваетъ часть ея подлежащему и какъ бы содѣйствуетъ ея распредѣленію на всемъ пространствѣ предложенія. Стало быть, количество (или интенсивность) предикативной энергіи остается та же (сумма глагольной и причастной) и только затрачивается съ извѣстною постепенностью. Наконецъ, моментъ аттрибутивности причастія съ своей стороны, проявляясь въ сознаніи, содѣйствуетъ увеличенію траты. Здѣсь будетъ умѣстно отдать себѣ отчетъ въ томъ, каковы основные признаки аттрибутивности. Аттрибутивность есть ослабленная, смягченная предикативность. Умственный актъ, въ силу котораго извѣстное представленіе (напримѣръ, красоты, пользы, цвѣта и т. д.) относится, *какъ аттрибутъ*, къ другому предсгавленію (красивая роза, полезная книга, бѣлый снѣгъ), можетъ быть понятъ, какъ отголосокъ или результатъ другаго, раньше сдѣланнаго, болѣе труднаго, болѣе энергичнаго акта—*предицированія* (эта роза—красива, эта книга—полезна, снѣгъ—бѣлъ). Если предицированіе есть гомологъ волевого акта, то мы скажемъ, что аттрибутивность относится къ предицированію, какъ заученное движеніе, совершаемое безсознательно или полусознательно, во всякомъ случаѣ съ небольшою тратой вниманія, относится къ сознательному волевому акту, впервые приведшему къ данному движенію. Но, однако же, какъ бы ни была незначительна сознательность и энергичность аттрибутивности сравнительно съ тѣми, которыми характеризуется предикативность, — все-таки актъ апперцепціи одного представленія, какъ аттрибута другаго, протекаетъ въ сознаніи, тре-

буетъ нѣкотораго вниманія и является по своему затратою, а не сбереженіемъ энергіи. Все это, вмѣстѣ взятое, рисуетъ намъ изучаемый оборотъ съ причастіемъ предикативно-аттрибутивнымъ, какъ форму, требующую сравнительно-большой затраты умственной энергіи и сберегающую весьма малую долю ея. Это станетъ нагляднѣе, если сопоставимъ его съ такими формами, какъ *есмь взялъ*, *бѣхъ далъ*, *suis veni* и т. д. Въ нашемъ оборотѣ глаголъ есть настоящая связка и тратитъ энергію, — въ этихъ послѣднихъ формахъ *есмь*, *бѣхъ*, *suis* и проч.—вовсе не связки и сами по себѣ энергіи не затрачиваютъ; ихъ можно назвать, пожалуй, *связками фиктивными* или фикціями прежнихъ связокъ. Причастіе въ нашемъ оборотѣ требуетъ двойной затраты—и какъ предикативное, и какъ аттрибутивное,—въ сложныхъ временахъ причастіе вмѣстѣ съ глаголомъ есть только предикатъ, его аттрибутивность равна нулю и можетъ быть названа *фиктивною*. Фиктивность грамматической (синтактической) формы въ томъ и состоитъ, что мысль говорящаго не останавливается надъ формою съ тѣмъ вниманіемъ, какое необходимо для отчетливаго проявленія ея въ сознаніи,—что на апперцепцію самой формы затрачивается минимумъ энергіи, и она оттѣсняется за порогъ сознанія: она становится все болѣе и болѣе формальною. Путь къ наибольшей формальности идетъ черезъ фиктивность. Въ сложныхъ временахъ *есмь взялъ*, *бѣхъ далъ* фиктивность связки *есмь*, *бѣхъ* привела къ тому, что эти глаголы (въ этихъ сочетаніяхъ) стали чистою формою, безъ содержанія, отодвинулись далеко отъ порога сознанія и въ современномъ русскомъ совсѣмъ исчезли изъ сферы послѣдняго; такимъ путемъ и возникли наши прошедшія: *взялъ*, *далъ*. Фиктивность, какъ и формальность, есть процессъ мысли, сберегающій энергію [1]).

Предполагая въ одномъ изъ дальнѣйшихъ этюдовъ сдѣлать попытку классификаціи всѣхъ разновидностей изучаемаго здѣсь сочетанія съ причастіемъ и съ именами, при знаменательной, полуотвлеченной и отвлеченной связкѣ, въ порядкѣ ихъ эволюціи,—я ограничусь здѣсь слѣдующею схемою, которая поможетъ намъ ориентироваться въ вопросѣ о степени формальности и о затрачиваемой и сберегаемой энер-

---

[1]) Въ области высшей мысли (въ наукѣ, въ искусствѣ, въ философіи), а также и въ сферѣ явленій *соціальной* психологіи, напримѣръ, въ *правѣ*, въ *этикѣ*, мы находимъ разнообразные виды *фикцій*. Ихъ изученіе съ вышенамѣченной точки зрѣнія, какъ психическихъ процессовъ, сберегающихъ энергію, представляется мнѣ задачею весьма заманчивою и благодарною для психолога.

гіи въ трехъ важнѣйшихъ типахъ оборота съ причастіемъ предикативно-аттрибутивнымъ.

1. *Связка знаменательна*: прѣста глаголѧ, прилежахѫ въпрашаѭште, ἐπαύσατο λαλῶν, ἐπέμενον ἐρωτῶντες, приде видѧ, ἦλθε βλέπων, βλεῖο πονεύμενος, φερέτην στενάχοντε, upārima jāgrataḥ, gavyann eti и т. д. Въ сознаніи отражается не только лексическое значеніе глагола, но и его роль, какъ связки. Мысль схватываетъ то и другое, не какъ фикцію, а какъ положительное содержаніе умственнаго акта. Причастіе мыслится, и какъ часть предиката, и какъ аттрибутъ. Форма оборота, находясь въ гармоніи съ его содержаніемъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ проникаетъ въ сознаніе. Трата энергіи сравнительно велика, сбереженіе незначительно.

2. *Связка полузнаменательна*: въста ѩскоушаѧ, ἀνέστη ἐκπειράζων, ustoḥ fraisands, τύχησε ἐρχομένη, φρονέουσα καθίζοις, γινώσκεται ῥέων, prasīdann eti и т. д. Глаголъ выступаетъ въ сознаніи яснѣе, рельефнѣе въ своей роли—связки и блѣдпѣе—въ своемъ лексическомъ значеніи. Послѣднее сбивается на фикцію и получаетъ характеръ формальности, условности. На мышленіе лексическаго значенія тратится весьма мало энергіи; сбереженная часть ея идетъ на усиленіе предикативнаго толчка въ сознаніи, представляемаго моментомъ связки. Причастіе отражается въ мысли, какъ предикатъ и какъ аттрибутъ, но уже съ замѣтнымъ перевѣсомъ въ сторону предикативности: матеріальное (лексическое) содержаніе предиката сосредоточено въ немъ, а не въ связкѣ.

3. *Связка отвлеченна*: бѣ оучѧ, бѣ проповѣдаѧ, ἦν κηρύσσων, vas merjands, ἦν δυναμένη, syāma tarantaḥ и т. д. Лексическое значеніе глагола, въ силу своей отвлеченности, является чисто-формальнымъ; сбереженная на этомъ пунктѣ энергія идетъ на усиленіе предикативнаго толчка, на болѣе отчетливое сознаваніе глагола, какъ связки. Причастіе, сохраняя свою аттрибутивность, въ то же время ярче выступаетъ въ сознаніи, какъ предикатъ, какъ тотъ моментъ, въ которомъ дано само содержаніе сказуемаго.

Эта схема показываетъ, что *усиленіе предикативной функціи причастія идетъ въ ногу съ развитіемъ формальнаго момента связки.*

Остановимся пока на этомъ выводѣ и перейдемъ къ разсмотрѣнію примѣровъ составнаго сказуемаго съ причастіемъ наст. (и буд.) въ роли *аппозиціи*.

Въ качествѣ образчиковъ аппозитивнаго сочетанія приведу слѣдующіе.

Зограф. ев. 46: наоучите всѧ ѩзыкы крьстѧште ѭ (въ подлинникѣ стоитъ крьстѧштѧ)—μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη βαπτίζοντες αὐτούς (Матѳ XXVIII, 19). Въ гот. нѣтъ.—Формально крьстѧште и βαπτίζοντες ничѣмъ, конечно, не отличаются отъ предикативныхъ аттрибутовъ въ формѣ прич. наст. Но поскольку они тѣснѣе примыкаютъ къ глаголамъ-связкамъ наоучите и μαθητεύσατε, образуя при нихъ особый предикативный моментъ, который можно передать не только дѣепричастіемъ (научите крестя), но и глаголомъ (научите и крестите),—постольку они должны быть признаны *аппозиціями*.

Зограф. 58· аште не оумываѭтъ рѫкоу тьрѧште [1])—ἐὰν μὴ πυγμῇ νίψωνται τὰς χεῖρας. [Гот. niba *ufta* þvahanð handuns своимъ нарѣчіемъ *ufta*—часто, oft—предполагаетъ другое чтеніе—съ πυκνά вмѣсто πυγμῇ]. Здѣсь аппозитивный характеръ предикативнаго аттрибута едва ли требуетъ поясненій. Въ греческомъ текстѣ совсѣмъ нѣтъ причастія, и славянское тьрѧште передаетъ въ формѣ причастія греческое дополненіе или обстоятельство πυγμῇ, указывая такимъ образомъ на то *дѣйствіе*, которое слѣдуетъ представить себѣ при πυγμῇ и которымъ дополняется смыслъ глагола-сказуемаго (νίψωνται).

Il. XI, 73: ἔρις δ' ἄρ' ἔχαιρε πολύστονος εἰσορόωσα—„радовалась. *глядя*“. Здѣсь εἰσορόωσα не является аттрибутомъ, который бы тяготѣлъ къ подлежащему и служилъ бы для его характеристики (какъ, напримѣръ, πολύστονος); онъ лишь указываетъ на *дѣйствіе*, въ данный моментъ совершаемое этимъ подлежащимъ,—дѣйствіе, находящееся въ ближайшей связи съ тѣмъ, что̀ выражено глаголомъ-связкою Въ переводѣ можно оба момента передать глаголами: *смотрѣла* и *радовалась*. Такимъ переводомъ мы только рѣзче оттѣняемъ относительную равноправность причастія и глагола-связки, съ точки зрѣнія ихъ предикативной функціи. Этотъ терминъ „относительная равноправность“ есть только другое выраженіе для понятія аппозитивности причастія.

Il. XI, 153—154: ἀτὰρ κρείων Ἀγαμέμνων ἀιὲν ἀποκτείνων ἕπετ' Ἀργείοισι κελεύων—„слѣдовалъ, убивая (и) командуя“, или: „слѣдовалъ, убивалъ, командовалъ“.—*Il.* XIII, 91: ...ἦλθε κελεύων (съ прям. доп.)—„пришелъ, призывая“ (Тевкра и друг).—*Il.* XV, 175... ἦλθον... φέρουσα (ἀγγελίην)—„пришла и принесла (вѣсть)“...—*Od.* XIII, 407—410: ...αἱ δὲ (σύες) νέμονται πὰρ Κόρακος πέτρῃ ἐπί τε κρήνῃ Ἀρεθούσῃ ἔσθουσαι βάλανον μενοεικέα καὶ μέλαν ὕδωρ πίνουσαι... „*пасутся* у

[1]) Уже было цитировано въ статьѣ 1-ой.

скалы ... и возлѣ источника ... (и) *ѣдятъ* желуди ... и *пьютъ* ... воду. "— *Od.* XIV, 76: ὀπτήσας δ' ἄρα πάντα φέρων παρέθηκ' Ὀδυσσῆι—„сжаривъ, принесъ и поставилъ ..."—Здѣсь аппозитивное причастіе аор. ὀπτήσας еще болѣе оттѣняетъ таковой же (аппозитивный) характеръ причастія наст φέρων. Послѣднее не имѣетъ ближайшаго отношенія къ субъекту, ничуть не служитъ для его характеристики, — оно остается въ сказуемомъ, воспроизводя одинъ изъ трехъ его моментовъ.— *Od.* XIX, 98: ὄφρα καθεζόμενος εἴπῃ ἔπος ἠδ' ἐπακούσῃ ὁ ξεῖνος ἐμέθεν — „чтобы гость *сѣлъ* и *сказалъ* ... и *выслушалъ* ..." — *Od.* XIX, 100: ἡ δὲ μάλ' ὀτραλέως κατέθηκε φέρουσα—„принесла и поставила".

Ṛv. V, 3, 4: hótāram agním mánuṣo *ni ṣedur daçasyántaḥ*—„люди посадили Агни (Огонь) [какъ] жреца *почитая* (поклоняясь ему, совершая его культъ)". *Sāyana* комментируетъ niṣedur manuṣaḥ перифразомъ paricaranty ṛtvijaḥ—„жрецы служатъ (совершаютъ культъ)", послѣ чего ставитъ вопросъ: kiṃ kurvantaḥ?—„что̀ дѣлающе?" и отвѣчаетъ поясненіемъ причастія daçasyantaḥ черезъ havir vi tarantaḥ—„доставляя (ему) жертвенный даръ (возліяніе и пр.)".

Ṛv. IX, 90, 1: Prá hinvānó janitā́ ródasyo rátho ná *saniṣyánn ayāsīt* | indram *gáchan* áyudhā *samçíçāno* víçvā vásu hástayor *ādádhānaḥ* — „устремляемый (приводимый въ движеніе, погоняемый жрецами, совершающими обрядъ очищенія напитка Сомы) родитель двухъ міровъ (Сома), какъ колесница, *потекъ* (двинулся, пошелъ), *чтобы стяжать* (причастіе будущее) добычу (или пищу), *шествуя* (причастіе) къ Индрѣ. *изощряя* (причастіе) оружія, *держа* (причастіе) всѣ блага въ рукахъ". *Sāyana* оттѣняетъ аппозитивный характеръ причастій gachan. saṃçiçānaḥ и ādadhānaḥ тѣмъ, что резюмируетъ ихъ выраженіемъ *evaṃ kurvan*—„такъ дѣлающій (такъ дѣлая)" [1]).

Ṛv. IX, 25, 5: aruṣo *janáyan* gíraḥ sómaḥ *pavata* āyuṣák | indraṃ gáchan kavíkratuḥ — „ярко-свѣтлый Сома. *порождая* пѣсни (звуки), *течетъ* (и очищается) бодро, *шествуя* къ Индрѣ. мудрый". *Sāy.*:... somo giraḥ çabdāṅjanayan pavate kṣaratı kiṃ kurvan... indraṃ gacchan vyāpnuvan... „Сома, рождая голоса (пѣсни), то-есть. звуки, течетъ—что̀

---

[1]) Глаголъ prāyāsīt Саяны передаетъ черезъ prayacchatı — „даруетъ", очевидно производя его отъ pra-yaṃ. Это невѣрно: мы имѣемъ здѣсь глаголъ *yā* (итти) съ частицею pra. Причастье будущее saniṣyán (долженствующій или стремящійся стяжать добычу) могло бы быть отнесено, какъ опредѣленіе, къ ráthaḥ—колесница; оно не было бы тогда частью составнаго сказуемаго. Вѣрнѣе однако, что оно вмѣстѣ съ остальными причастіями входитъ въ это сказуемое, относясь къ подлежащему. Такъ понимаетъ и Sāyana.

дѣлая?... шествуя къ Индрѣ, то-есть, достигая Индры...". — Здѣсь оттѣненъ посредствомъ вопроса kiṃ kurvan — что̀ дѣлающій? (что̀ дѣлая?) аппозитивный характеръ второго причастія (gachan). Мы не ошибемся, приписывая таковой же и первому.

Ṛv. IV, 14, 2: ūrdhvaṃ ketuṃ savitā́ devó *açrej* jyótir víçvasmai bhúvanāya *kṛṇván*—„высокій свѣточъ богъ Савитаръ воздвигъ, дѣлая свѣтъ всему міру". Здѣсь само лексическое значеніе причастія kṛṇvan (дѣлающій) указываетъ на его аппозитивный характеръ. Формула Саяны kiṃ kurvan какъ бы дана въ самомъ текстѣ.

Ṛv. VII, 78, 5:... *ví bhāhy* úṣo devi *pratiránti* na áyuḥ | íṣaṃ ca no *dadhatī*—„сіяй, заря, богиня, удлиняя нашъ вѣкъ и *даруя* намъ обиліе". *Sāyana*:... kiṃ kurvatī no 'smākamāyurāyuṣyam pratirantī vardhayantī... no 'smabhyamiṣaṃca... dadhatī vibhāhīti—„...что̀ дѣлающая? (что̀ дѣлая?)—нашъ вѣкъ удлиняя, то-есть, увеличивая.. и намъ обиліе... даруя сіяй".

Ṛv. I, 75, 1: *juṣasva*... váco... havyá́ *júhvāna* āsáni—„вкушай... пѣснь... пріемля въ уста (въ ротъ) возліянія". Аппозитивность причастія juhvānaḥ (отъ hu—лить) отмѣчена въ комментаріи Саяны вопросомъ: kiṃ kurvan? (что̀ дѣлая?) и также перифразомъ: tavāsye (въ твой ротъ) havīṃṣi (жертвенные дары) prakṣipan (бросающій, устремляющій).

Ṛv. III, 32, 3: yé te çúṣmaṃ yé táviṣīṃ *ávardhann árcanta* indra marútas ta ójaḥ... piba rudrébhiḥ saganaḥ [1])... „пей вмѣстѣ съ Марутами, которые, воспѣвая (причастіе настоящее) твою силу, о Индра, усугубили (возстили) твою мощь, твое могущество". Здѣсь причастіе arcantaḥ аппозитивно. Sāyana комментируетъ его перифразомъ stavantaḥ santaḥ, гдѣ сочетаніе двухъ причастій, одного отъ глагола *stu*—восхвалять (синонимъ глагола *arc*), а другаго отъ *as* — быть (причастіе отвлеченной связки), усиливая предикативность аттрибута, оттѣняетъ его аппозитивный характеръ. Нашъ стихъ не хочетъ сказать, что „*поющіе* Маруты увеличили силу Индры", — онъ хочетъ сказать, что „Маруты увеличили силу Индры тѣмъ, что воспѣвали его (силою пѣнія)".

Ṛv. I, 85, 2... *árcanto* arkám *janáyanta* indriyám ádhi çríyo *da-*

---

[1]) Въ главномъ предложеніи piba rudrébhiḥ saganaḥ мы имѣемъ также составное сказуемое, но не съ причастіемъ, а съ прилагательнымъ saganа—„составляющій компанію съ...", „окруженный сонмомъ (Марутовъ)". Въ переводѣ оно можетъ быть замѣнено обстоятельственнымъ выраженіемъ.

dhire pṛçnimātaraḥ — „*воспѣвая* (поя, причастіе настоящаго) гимнъ, *производя* мощь, стяжали блескъ (царственное величіе) сыны Пршьни (Маруты)“, то-есть, Маруты стяжали величіе именно тѣмъ, что пѣли гимнъ и (этимъ пѣніемъ) порождали мощь (очевидно Индры, какъ понимаетъ и Саяна). Смыслъ причастій arcantaḥ и janayantaḥ съ ихъ дополненіями Саяна поясняетъ такъ: arkamarcaniyamindramarcantaḥ pujayanta indriyamindrasya liṅgamvīryam janayantaḥ praharа bhagavo jahi vīrayasvetyevamrupeṇa vākyenotpādayantaḥ—„воспѣвая достойнаго воспѣванія Индру [1]), порождая его мужескую силу, (его) геройство, то-есть, производя (эту силу и геройство) слѣдующаго рода гимномъ: рази (бей), о блаженный, убивай, мужайся (проявляй свою мужественную силу)“.—Все это несомнѣнно указываетъ на то, что Саяна понимаетъ наши причастія въ данномъ случаѣ, именно какъ аппозицію. Отсутствіе формулы kiṃ kurvantaḥ съ избыткомъ восполняется подробнымъ изложеніемъ того, что̀ дѣлали Маруты, при чемъ приводится даже текстъ гимна, который они пѣли. Аппозитивный характеръ причастій можетъ быть и здѣсь, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ. оттѣненъ превращеніемъ ихъ въ глаголы: Маруты пѣли гимнъ и этимъ порождали силу Индры и сами стяжали себѣ величіе.

Причастія будущаго времени представляются мнѣ пригодными преимущественно для аппозитивнаго сочетанія, хотя и не буду отрицать возможности ихъ примѣненія и для выраженія предикативнаго аттрибута въ тѣсномъ смыслѣ.

Образчиками аппозиціи въ формѣ причастія будущаго могутъ служить:

Il. VIII, 409: ...ὦρτο δὲ Ἶρις ἀελλόπος ἀγγελέουσα.—Il. X. 450—451: ἦτε καὶ ὅτερον εἶσθα θοὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν ἢ διοπτεύσων ἢ ἐναντίβιον πολεμίζων... Il. XI, 101: αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' Ἶσον τε καὶ Ἄντιφον ἐξεναρίξων... Il. XIII, 208—209: βῆ δ' ἰέναι παρὰ τε κλισίας καὶ νῆας Ἀχαιῶν ὀτρυνέων Δαναούς... Il. XIII, 256—257: ἔρχομαι... οἰσόμενος. Od. XIII, 412—413: ὄφρ' ἂν ἐγὼν ἔλθω Σπάρτην ἐς καλλιγύναικα Τηλέμαχον καλέουσα [2]). Od. XIX, 503—504: γρῆυς... διὲκ μεγάροιο βεβήκειν οἰσομένη ποδάνιπτερα... Od. XIX, 506—507: αὖτις ἄρ' ἀσσοτέρω πυ-

---

[1]) Тутъ Саяна даетъ искусственное и неправильное толкованіе слова arka—гимнъ, понимая его въ значеніи gerundivi отъ глагола *arc*—пѣть.

[2]) Въ данномъ случаѣ это должно быть причастіе будущаго, такъ какъ, кромѣ καλέσω, есть еще форма будущаго καλέω.

ῥὸς ἕλκετο δίφρον Ὀδυσσεὺς θερσόμενος... Od. XIX, 596: Ὀδυσσεὺς ᾤχετ' ἐποψόμενος Κακοίλιον...

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ причастіе будущаго времени воспроизводитъ такой предикативный моментъ, который служитъ не для характеристики субъекта, а для указанія на то, что̀ онъ будетъ дѣлать, на его дѣйствіе. Какъ причастія прошедшаго времени (аор.), употребленныя *аппозитивно*, указываютъ на дѣйствіе (или состояніе) субъекта, предшествующее тому, которое воспроизведено въ глаголѣ-связкѣ, такъ причастія будущаго указываютъ на дѣйствіе, хронологически слѣдующее за дѣйствіемъ, изображеннымъ въ связкѣ. Мы переводимъ эти причастія инфинитивами, большею частью съ *чтобы*, *съ тѣмъ чтобы*, *съ намѣреніемъ*: пошелъ, чтобы ободрить..., иду, чтобы принесть..., пошла, чтобы принести.... пошелъ съ намѣреніемъ убить и такъ далѣе. Ясно, что эти причастія будущаго времени выражаютъ другой предикативный моментъ, присоединяющійся *аппозитивно* къ моменту связки.

Изъ санскрита приведу:

Ṛv. IX, 90, 1: *pra... sanişyánn ayāsīt*... „пошелъ (двинулся), чтобы стяжать добычу“ (уже было цитировано выше).

Ṛv. IX. 113, 1:... bálaṃ dádhāna ātmáni *kariṣyán* vīryàm mahád indrāyendo pári srava — „пріобрѣтая силу въ себѣ самомъ, теки, о Инду (Сома), для Индры съ тѣмъ, чтобы сдѣлать (ему) великій геройскій подвигъ“. Саяна понимаетъ стихъ иначе: онъ относитъ оба причастія (dadhānaḥ и kariṣyan) не къ Сомѣ, а къ Индрѣ, имя котораго образуетъ подлежащее первой половины стиха:... sómam indraḥ pibatu—„Сому Индра да пьетъ“...; въ такомъ случаѣ составное сказуемое будетъ: pibatu... dadhāna... kariṣyan — „да пьетъ, получая силу... съ тѣмъ, чтобы совершить геройскій подвигъ“. Причастіе dadhānaḥ Саяна понимаетъ аттрибутивно, предпосылая ему вопросъ kidṛçaḥ—какой? Не думаю, чтобы такое пониманіе распространялось и на kariṣyan. — Ṛv. IV, 26, 3:... tvám çíro amarmáṇaḥ *párāhan* atithigvāya çáṃsyaṃ *kariṣyán*—„ты (Индра) отсѣкъ голову неуязвимаго (Вртры) съ тѣмъ чтобы совершить (или доставить) достойное прославленія для Атитхигвы“.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, постараемся уловить духъ оборота съ точки зрѣнія вышенамѣченныхъ понятій фиктивности, формальности и траты (resp. сбереженія) энергіи.

1. *Причастіе*, будучи аппозиціей, сохраняетъ только *формальные* признаки аттрибута; оно не мыслится, какъ аттрибутъ; оно мо-

жетъ быть названо аттрибутомъ *фиктивнымъ*. На этомъ пунктѣ несомнѣнно получается сбереженіе энергіи.

2. *Глаголъ* не есть связка въ подлинномъ смыслѣ; онъ только несетъ обязанность связки. Онъ отражается въ сознаніи, вопервыхъ, со стороны своего лексическаго значенія и, вовторыхъ, какъ предикатъ, или лучше какъ половина предиката (другая половина — причастіе). Что эта глагольная часть предиката играетъ въ предложеніи роль связки, это только слегка чувствуется, вскользь, мимоходомъ отмѣчается сознаніемъ и такимъ образомъ не является моментомъ, который бы затрачивалъ энергію. Роль глагола, какъ связки, можно назвать фиктивною или формальною, — и на этомъ пунктѣ получается сбереженіе энергіи.

3. Предикативность сосредоточена въ сказуемомъ, которое состоитъ изъ двухъ почти равносильныхъ предикативныхъ моментовъ, глагольнаго и причастнаго. Этимъ сосредоточеніемъ аппозитивное сочетаніе рѣзко отличается отъ сочетанія предикативно-аттрибутивнаго съ знаменательною связкою. Въ послѣднемъ только при отвлеченной связкѣ достигается подобная концентрація, такъ что съ этой стороны формы *бѣ оучѧ* и т. д. почти приравниваются къ обороту съ причастіемъ аппозитивнымъ. Въ формахъ, какъ *бѣ оучѧ* и пр., это достигается отвлеченностью связки, то-есть, сведеніемъ къ минимуму или къ фикціи ея лексическаго значенія,—въ формахъ съ аппозиціей это достигается сведеніемъ къ минимуму или къ фикціи аттрибутивнаго характера причастія. Какъ увидимъ въ свое время, сосредоточеніе предикативности въ сказуемомъ есть явленіе прогрессивное, важный шагъ впередъ въ эволюціи глагольности предиката.

Столь же прогрессивнымъ представляется и развитіе разсмотрѣнныхъ здѣсь оборотовъ *въ направленіи убывающей аттрибутивности* второго именительнаго. Съ этой точки зрѣнія ихъ можно расположить въ слѣдующей схемѣ:

1. Сочетанія съ именами, не имѣющими собственной предикативности: единъ рече, въста простъ, στῆ δ'ὀρθός, ūrdhvas tiṣṭha и др. Второй именительный есть прежде всего *аттрибутъ*, только вовлеченный въ сферу сказуемаго и воспринявшій долю предикативности, отраженной отъ связки, которая здѣсь знаменательна.

2. Сочетанія съ именами, обладающими собственною предикативностью и приближающимися къ причастію, каковы извѣстныя намъ санскритскія формы. Предикативность имени тянетъ его къ глаголу и

умаляетъ его аттрибутивную постановку въ предложеніи. При этомъ связка знаменательна.

3. Сочетанія съ причастіемъ предикативно-аттрибутивнымъ, при знаменательной связкѣ. Аттрибутивность ясно чувствуется, но уравновѣшивается тяготѣніемъ причастія къ связкѣ.

4. Сочетанія съ причастіемъ предикативно-аттрибутивнымъ при отвлеченной связкѣ. Аттрибутивность сохраняется скорѣе, какъ форма или фикція, чѣмъ по существу.

5. Таковы же сочетанія съ причастіемъ аппозитивнымъ при знаменательной связкѣ.

6. Особую постановку получила *аттрибутивность именъ* (въ особенности прилагательныхъ) въ оборотахъ со вторымъ именительнымъ *при отвлеченной связкѣ*. о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

III.

Составное сказуемое съ причастіями перфекта и аористовъ.

Составныя сказуемыя съ причастіями, непосредственно пріуроченными къ глагольнымъ системамъ перфекта и аористовъ, должны быть изучаемы преимущественно въ языкахъ древне-индійскомъ и греческомъ, въ которыхъ еще сохранялся строй индо-европейскаго (проэтническаго) глагола съ его дѣленіемъ на рядъ системъ (настоящаго, перфекта, несигматическихъ и сигматическихъ аористовъ), съ еще явственнымъ *видовымъ* значеніемъ этихъ системъ, съ послѣдовательнымъ пріуроченіемъ къ нимъ именныхъ образованій (причастій и инфинитивовъ). Въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ этотъ строй во многомъ уже нарушенъ, или, лучше сказать, радикально преобразованъ. Кромѣ различныхъ новообразованій, мы видимъ здѣсь смѣшеніе и исчезновеніе старыхъ глагольныхъ формъ (исчезновеніе перфекта въ славянскомъ, аористовъ—въ германскомъ, смѣшеніе аористовъ съ перфектомъ въ латинскомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ былое обиліе и разнообразіе причастныхъ формъ сведено къ извѣстному минимуму. Лучше другихъ сохранились причастія на — nt, попрежнему тѣсно связанныя съ темою настоящаго. Причастія аористовъ повсюду исчезли; причастія, по своему суффиксу возводящіяся къ проэтническому причастію перфекта (на—u̯es), существуютъ въ славянскомъ и литовскомъ, но, конечно, не могутъ разсматриваться, какъ причастія перфекта въ собственномъ смыслѣ, на подобіе санскритскихъ и греческихъ.

При всемъ томъ, составныя сказуемыя съ причастіями прошедшаго дѣйствительнаго въ этихъ языкахъ, характеризующихся преобразова-

ніемъ глагольнаго строя, напримѣръ, составныя сказуемыя съ причастіями на—ъ.—*въ* въ славянскомъ. представляютъ любопытную аналогію съ тѣми санскритскими и греческими сочетаніями, въ составъ которыхъ входили причастія перфекта и аористовъ. Мы имѣемъ возможность наблюдать здѣсь процессъ обновленія или оживленія архаическаго оборота при новыхъ условіяхъ, при преобразованномъ строѣ глагола. Въ языкахъ славянскихъ и литовско-латышскомъ этотъ оборотъ былъ изслѣдованъ Потебнею на стр. 151—163 и 181—197 „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

Въ настоящемъ этюдѣ мы ограничиваемся разсмотрѣніемъ даннаго оборота въ томъ видѣ, какъ онъ является въ санскритѣ и греческомъ [1]).

I. Причастія перфекта въ составномъ сказуемомъ.

Причастіе перфекта обладало въ языкѣ ведійской эпохи значительною предикативностью, такъ что могло замѣнять формы verbi finiti.

Ṛv. I, 117, 15; ójohavīd açvinā taugryó vām prólhaḥ samudrám avyathír *jaganvā́n*—„взывалъ къ вамъ, о Ашвины, сынъ Тугры, брошенный въ море.—(онъ) *пошелъ* (по водѣ) не оступаясь“.—Здѣсь составное сказуемое—*avyathír jaganvā́n*, въ которомъ причастіе перфекта jaganvā́n („пошедшій“) стоитъ вмѣсто личной формы *jagāma* и играетъ роль связки; прилагательное *avyathis* (нешатающійся, неоступающійся, стойкій) есть предикативный аттрибутъ, а цѣлое образуетъ составное сказуемое типа „въста простъ“, στῆ δ' ὀρθός.—*Baunack* („Bhujyu, ein Schützling der Açvin“, Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. 1898 г., B. XXXV, Heft 4, стр. 507), объясняя это мѣсто въ цѣляхъ установленія самой фабулы легенды о Bhujyu, говоритъ между прочимъ: Wir haben hier meines erachtens einen sicheren beleg dafur, dass in vedischer sprache das partic. perf. auf—vāms *mit supplierung des hilfsverbums* für das verbum finitum in einem tempus der erzahlung steht: „es rief euch der sohn des Tugra, Açvin: (und siehe) fortgeführt ins meer ging er ohne straucheln sein weg“.—Я расхожусь съ мнѣніемъ Баунака только въ томъ, что не вижу на-

[1]) Мы ограничиваемъ пока кругъ нашихъ наблюденій въ области санскрита языкомъ гимновъ Ригъ-Веды, а въ области греческаго—языкомъ Гомера.

добности (то-есть, грамматической необходимости) подразумѣвать „вспомогательный глаголъ“: причастіе само по себѣ могло исполнять роль verbi finiti. какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ это дѣлаютъ въ классическомъ санскритѣ причастія на—tavān (kṛtavān, gatavān—сдѣлалъ. пошелъ). Да и *Саяна*, въ комментаріи къ нашему стиху, говоритъ: jaganvān gamerliṭaḥ kvasuḥ, то-есть „форма jaganvān—отъ корня gam—причастіе перфекта вмѣсто личной формы перфекта“ [1]).

Излишне пояснять. что въ нашемъ стихѣ причастье jaganvān не можетъ примыкать къ глаголу ajohavīt. что дало бы смыслъ („пойдя. онъ взывалъ; пошелъ и взывалъ“), противорѣчащій самой фабулѣ легенды.

X, 10, 1; ó cit sákhāyam sakhyā́ vavṛtyām tirā́ḥ purú cid arṇavā́m *jaganvān*—„я хочу вернуть (говоритъ Yamī) друга къ дружбѣ, хотя бы онъ *ушелъ* даже за цѣлый океанъ...“. Здѣсь причастіе перфекта jaganvān никоимъ образомъ не можетъ составлять сочетанія съ ā—vavṛtyām: въ такомъ случаѣ оно относилось бы къ подлежащему женскаго рода Yamī и, конечно. не могло бы стоять въ мужескомъ родѣ (было бы jagmuṣī). Перифразъ Саяны gatavatī Yamī (пошла Ями), показывающій. что онъ относитъ наше причастіе именно къ подлежащему женскаго рода Yamī, есть очевидная ошибка (а можетъ быть, и сознательная натяжка—не хуже другихъ, какими вообще изобилуетъ комментарій Саяны къ этому стиху, ср., напримѣръ, странное объясненіе *tiras*). Къ послѣдующему (ко второй половинѣ стиха) также очень трудно отнести это jaganvān (не столько, впрочемъ, съ формальной стороны. сколько по смыслу) [2]).

V, 29, 14: etā́ víçvā *cakrvā́n* indra bhū́ry áparīto janúṣā vīryèṇa—„всѣ эти (подвиги) *ты совершилъ*, о Индра, въ большомъ количествѣ (bhūri). неодолимый отъ рожденія. своимъ богатырствомъ (богатыр-

---

[1]) Въ самомъ переводѣ я предпочитаю (не настаивая впрочемъ) соединять: „брошенный (или попавшій, по Грассманну) въ море, онъ взывалъ къ вамъ“ вмѣсто, какъ у Баунака, „увезенный въ море, онъ пошелъ“.

[2]) Что, впрочемъ, дѣлаетъ Людвигъ.—Выраженіе tirā́ḥ purú cid arṇavā́m, аналогичное выраженію стиха III, 58, 5: tirā́ḥ purú cid... rájāṃsi „хотя бы (даже) черезъ большія пространства“, должно быть, съ формальной стороны, понимаемо, какъ соединеніе параллельныхъ терминовъ purú и arṇavā́m, родъ ἓν διὰ δυοῖν; arṇavā́m есть „приложеніе“ къ purú (какъ бы: „многое—океанъ“), такъ же какъ въ III, 58, 5 такимъ „приложеніемъ“ служитъ rájāṃsi. Форма же purú, можетъ быть, и не есть им.—вин. мн. ср. (=purūṇi), ср. *purū*—ravas, *purū*—vasu.

скою мощью)". Во второй половинѣ стиха другое подлежащее. Саяна передаетъ причастіе перфекта cakṛvān черезъ kṛtavān, причастіе, которое въ классическомъ санскритѣ употребляется вмѣсто verb. fin.— Подразумѣвать „вспомогательный глаголъ" и здѣсь нѣтъ нужды.— Вообще я думаю, что наличность (а не только подразумѣваніе) „вспомогательнаго" глагола, то-есть, связки, при такихъ причастіяхъ была нужна лишь въ тѣхъ, весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда иначе нельзя было бы знать, къ какому лицу относится причастіе. Въ данномъ случаѣ лицо, именно второе, указано звательнымъ падежомъ *índra*, и, если что либо тутъ подразумѣвается, то это—не „вспомогательный" глаголъ, а мѣстоименіе 2-го лица *tvam*.

I, 174, 6: *jaghanvā́n* índra mitréṛūn... „ты *убилъ*, о Индра, Митреру...." (вин. мн., можетъ быть—„сторонниковъ Митры"). Здѣсь причастіе перфекта jaghanvān стоитъ совершенно самостоятельно, не относясь къ послѣдующему, *Ludwig*: du hast getödtet ... *Саяна*: hatavānasi—убилъ (сложная форма изъ причастія hatavān и, на сей разъ, asi—вспомогательный глаголъ).

IX, 67, 2: tvám sutó nṛmā́dano *dadhanvā́n* matsarintamaḥ | índrāya sūríṛ ándhasā — „ты (Сома) выжатый усладитель людей *потекъ* въ высокой степени опьяняющій для Индры щедрый цвѣткомъ". Здѣсь причастіе перфекта *dadhanvān* играетъ роль сказуемаго — связки (псевдовязки) и стоитъ вмѣсто личной формы; вторые именительные *mṛmādanas*, *mastarintamas* и *sūris* (съ примыкающимъ къ нему, какъ я думаю, инструментальнымъ падежемъ andhasā) суть предикативные аттрибуты („потекъ — какой? какимъ?"); причастіе страд. *suta-s* скорѣе аппозиція („выжатый",—послѣ того какъ былъ выжатъ сокъ Сомы).

I, 117, 18:.... jāráḥ kanína iva *cakṣadānā́* ṛjrā́çvaḥ çatám ékam ca meṣā́n—„словно молодой любовникъ, Ṛjrāçva *закололъ* сто одного барана". *Саяна* перифразируетъ причастіе перф. *cakṣadānā́-s* выраженіемъ çakalīkurvan prādāt—„разрѣзавъ на куски, далъ", откуда между прочимъ видно, что онъ смотритъ на причастіе cakṣadāna-s, какъ на замѣну личной формы глагола. *Ludwig*: wie ein junger bule hat Ṛjrāçva hundert widder und einen uns geschlachtet.

V, 2, 3: híranyadantam çúcivarṇam ārā́t kṣétrād apaçyam áyudhā mímānam | *dadā́nó* asmā amṛ́tam vìṛkvat kím mā́m anindráḥ kṛṇavann anukthā́ḥ—„я видѣлъ издали (ārāt-kṣetrād) златозубаго, свѣтлоцвѣтнаго (Агни) изготовляющаго себѣ оружія; я *далъ* ему изобильный (? virkvat; въ С.-Петербургскомъ словарѣ: etwa unvermischt,

lauter; Ludwig: in verschiedenem enthaltenes) напитокъ безсмертія (амброзію Сомы). Что могутъ мнѣ сдѣлать непризнающіе Индру, незнающіе гимновъ?". Здѣсь причастіе перф. *dadāná-s* едва ли можетъ быть отнесено къ предыдущему (къ глаголу araçyam—я видѣлъ, такъ чтобы вышло: „я видѣлъ, давши..."): человѣкъ видѣлъ яркое пламя Агни *издали* (изъ сосѣдней мѣстности, Саяна поясняетъ ārāt kṣetrād перифразомъ samīpe deçe) и пришелъ поклониться ему; явившись, онъ преподнесъ ему возліяніе изъ священнаго напитка Сомы. Переводъ „видѣлъ, давши" противорѣчилъ бы этому ходу вещей, которому скорѣе отвѣчалъ бы оборотъ: „увидѣвъ, далъ". Саяна передаетъ dadānás черезъ будущее перифрастическое dādāsmi—дамъ. Какъ замѣну глагола, понимаетъ, очевидно, это причастіе и *Hillebrandt* (Zeitschr. d. d. Morgenl. Gesellsch. XXXIII, стр. 248), переводя: Ich sah von fern (arād) den goldgezahnten, glanzenden an Farbe, vom Mutterschoss (?kṣetrād) her sein Waffen rüsten. Wenn Amṛta ich ihm in mannigfachem Labtrunk *spende* (dadānás), was werden mir thun die Indralosen, Liederlosen? [1]).

„Вспомогательный глаголъ", или, точнѣе, отвлеченная глагольная связка (*as-*) встрѣчается въ сочетаніи съ причастіемъ перфекта крайне рѣдко, если не ошибаюсь, всего 5 разъ въ Ригъ-Ведѣ, и, чему, кажется слѣдуетъ придать нѣкоторое значеніе, во всѣхъ 5 случаяхъ глаголъ-связка *модальна*: это либо конъюнктивъ, либо оптативъ.—Вотъ эти случаи:

VI, 36, 5:.... *áso* (conj.) yáthā naḥ çávasā *cakānó* yugé—yvge vayasā cekitānaḥ—„дабы (чтобы) ты былъ намъ дружелюбенъ (cakāna-s—причастіе перф. medii отъ глагола *kā*—любить, желать, быть дружественнымъ, быть расположеннымъ) [своею] мощью, (чтобы ты) изъ поколѣнія въ поколѣніе отличался жизненною силою" (cekitāna-s—прич. наст. интензива отъ *cit*—усматривать, обращать вниманіе, знать,—въ медіумѣ являться, проявляться, отличаться).—Здѣсь мы имѣемъ составное сказуемое изъ 1) отвлеченной связки въ conj. *asas* и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: а) прич. перф. *cokāna-s* и б) прич. наст. *cekitāna-s*.

---

[1]) Переводъ Людвига — den *von ferne goldzarngen*, von reiner farbe sah ich *schleudern von seinem wonorte* (kṣetrad) die geschosze, *als* ich in verschiedenem enthaltenes amṛta ihm gab (denkend, oder: der dachte), was sollen leute ohne Indra, ohne ukthalieder mir anhaben—на этотъ разъ долженъ быть признанъ неудачнымъ—почти по всѣмъ пунктамъ.

V, 62, 9:..... sísāsanto *jigívāṃsah syāma*—„стремясь одолѣвать (побѣждать и пріобрѣтать добычу,—въ нашемъ стремленіи къ побѣдѣ и добычѣ) да будемъ мы (мы хотимъ быть) побѣдившими (побѣдителями)“. Здѣсь—составное сказуемое изъ отвлеченной связки въ оптативѣ (syāma), предикативнаго аттрибута, выраженнаго причастіемъ перфекта *jigívāṃsas* (онъ *ji*—побѣждать), и аппозиціи, представленной причастіемъ наст. дезидератива *sisāsantas* (отъ *sā*—одолѣвать (въ сраженіи), завоевывать добычу).

VII, 92, 4:..... ghnánto vṛtrāṇi sūríbhiḥ *syāma sāsahvāṃso* yudhā́ nṛ́bhir amítrān—„да будемъ мы убивающими вражескія силы (или демоновъ) (вмѣстѣ съ) (нашими) благодѣтелями (sūribhis), (да будемъ мы) одолѣвающими (вмѣстѣ съ) героями сраженіемъ недруговъ“. При такомъ пониманіи фразы [1]), мы имѣемъ здѣсь составное сказуемое изъ 1) отвлеченной связки въ оптативѣ (syāma) и 2) двухъ параллельныхъ предикативныхъ аттрибутовъ, изъ коихъ одинъ (ghnantas) выраженъ причастіемъ наст., а другой (sāsahvāṃsas) — причастіемъ перфекта (отъ sah—одолѣвать, овладѣвать).

X, 29, 2:..... rátho yó *ásat sasavā́n*—„..... колесница, которая будетъ (была бы, должна быть) побѣдоносна“. Здѣсь—состав. сказуемое изъ отвлеченной связки въ conj. *asat* и прич. перфекта *sasavān* (отъ san—побѣждать, завоевывать, стяжать).

IV, 29, 5: tvótāso maghavan indra víprā vayám te *syāma* sūráyo gṛṇántaḥ | *bhejānā́so* bṛhádd(v)asya rāyá ākāyyàsya dāváne purukṣóḥ—„подъ твоей охраной (tvótāsas—тобою охраненные, тобою вспомоществуемые), о щедрый даритель Индра, мы, вдохновенные жрецы, (и также) тебѣ поющіе sūri [2]) (благодѣтели, заказчики требъ) да будемъ *получившими свою долю* (bhejānāsas—partic. perf. med.) при дарованіи небеснаго (съ высоты неба исходящаго?), вожделѣннаго (?ā-kāy-

---

[1]) Можно понимать еще и такъ, что связка *syāma* относится спеціально либо къ *ghnantas*, либо къ *sāsahvāṃsas*. Въ первомъ случаѣ будетъ. „да будемъ убивающими....., одолѣвъ“.... Во второмъ: „убивая ..., да будемъ одолѣвшими .....“ — Но въ виду полнаго параллелизма двухъ частей фразы (vṛtrāṇi—amitrān; sūribhis-nṛbhis) лучше принять, что причастія параллельны, а связка у нихъ общая.

[2]) Саяна передаетъ здѣсь *sūrayas* черезъ *stotāras*—пѣвцы-хвалители (жрецы, поющіе хвалебные гимны, словословія) и относитъ къ *viprās*. Едва ли онъ правъ (въ виду постояннаго противопоставленія sūrayas жрецамъ, какъ (богатыхъ и щедрыхъ) прихожанъ—священникамъ), и въ данномъ случаѣ сочетаніе viprās..... vayam.... sūrayas значитъ „мы (обѣ стороны), жрецы и sūri“. Такъ понимаетъ и Ludwig. Пропускъ союза вполнѣ возможенъ.

yasya), обильнаго богатства". Здѣсь составное сказуемое слагается (не считая tvotāsas, которое скорѣе—простое опредѣленіе подлежащаго) изъ отвлеченной связки въ оптативѣ *syāma* (хотимъ быть, да будемъ) и предикат. аттрибута—прич. перфекта *bhejānāsas* (отъ bhaj—дѣлить, надѣлять, въ медіумѣ—получать свою долю). Что касается gṛṇantas (причастіе наст. — поющіе, воспѣвающіе), то оно, несомнѣнно, здѣсь простое опредѣленіе къ sūrayas или къ viprās и sūrayas вмѣстѣ, а не предикат. аттрибутъ, не часть сказуемаго. Это явствуетъ изъ общаго смысла стиха и подтверждается 1) тѣмъ, что въ предыдущемъ стихѣ то же причастіе употреблено, какъ простое опредѣленіе слова vípra-s (vípram hávamānaṃ gṛṇántam — жреца (вин. ед.) взывающаго-поющаго), 2) тѣмъ, что и Саяна такъ именно и понимаетъ фразу, относя gṛṇantas къ viprās въ качествѣ простого опредѣленія и такимъ образомъ отдѣляя его отъ прич. перфекта bhejānāsas, которое вмѣстѣ со связкою syāma онъ перифразируетъ выраженіемъ *bhajamānaḥ... bhavema*.

Во всѣхъ этихъ пяти примѣрахъ причастіе перфекта болѣе или менѣе подходитъ по значенію къ причастію наст.; это—причастія perfecti praesentis. Эта черта, а также и модальность связки, заставляетъ насъ вспомнить здѣсь уже извѣстный намъ оборотъ съ отвлеченною связкою и причастіемъ настоящаго, который въ Ригъ-Ведѣ также очень рѣдокъ и въ извѣстныхъ намъ образцахъ котораго связка также—модальна, напримѣръ, X, 31, 1: *táranto* víçvā durità *syāma* (оптативъ, VIII, 43 30—оптативъ, VIII, 56, 5—императ.). Эти факты (при всей малочисленности образцовъ), мнѣ кажется, указываютъ на то, что эти два оборота (съ прич. наст. и причастіемъ перфекта) были аналогичны, близки другъ къ другу по синтактическому значенію, и что ихъ положеніе въ общей экономіи языка было одинаково. И тамъ, и здѣсь связка могла отсутствовать, не подразумѣваясь, потому что причастіе само по себѣ было достаточно предикативно; но когда нужно было выразить модальное отношеніе, къ чему причастіе не способно, то связка по необходимости должна была присутствовать во фразѣ [1]). Рѣдкость разсматриваемыхъ оборотовъ легко объясняется

[1]) Этому нашему соображенію, *повидимому*, противорѣчитъ вышеразобранный стихъ X, 10, 1: ó cit sákhāyaṃ sakhyā́ vavṛtyā́m tirás purú cid arṇavám jaganvā́n—„я хочу вернуть друга къ дружбѣ, *хотя бы* онъ *ушелъ* даже за цѣлый океанъ". Но это только кажущееся противорѣчіе, внушаемое не самимъ текстомъ, а нашимъ, можетъ быть, не совсѣмъ удачнымъ, русскимъ переводомъ. Оттѣнокъ, представленный въ переводѣ черезъ „*хотя бы*" (условность), не имѣетъ ничего

стремленіемъ замѣнять отвлеченную связку болѣе конкретными, а также (имѣя въ виду собственно причастіе перфекта), тѣмъ, что по самой природѣ своей причастіе перфекта гораздо болѣе пригодно для сочетанія со связками фиктивными, съ псевдосвязками, чѣмъ съ тѣми, которыя, при всей знаменательности, проявляются въ сознаніи, какъ синтактическій моментъ, который предицируетъ не столько свое собственное лексическое содержаніе, сколько то, которое дано въ формѣ причастія.

Какъ образчики сочетанія причастія перфекта съ полузнаменательною и знаменательною *связкою*, приведу слѣдующія фразы:

X, 95, 16:..... tātṛpāṇā́ carāmi—„шествую (хожу) насытившаяся (сытая)“, гдѣ имѣемъ причастіе perfecti praesentis и связки *carāmi* (отъ *car*—ходить) вмѣсто отвлеченной *asmi*,—ту самую, которая нерѣдко встрѣчается въ соединеніи съ причастіемъ наст.

I, 138, 4: asyā́ ū ṣú ṇa *úpa* sātáye *bhuvó* 'heḷamāno *rarivā́n*... „этому нашему стяжанію „пособи“ [знаменательная связка въ значеніи, колеблющемся между „явиться“, „находиться при, около“ и „помогать“, „содѣйствовать“] негнѣвающійся [предикативный аттрибутъ], *дарующій* [причастіе perf. praes. — отъ rā — дарить, надѣлять, — въ роли предикативнаго аттрибута [1]).

VI. 19, 7..... yéna (mádena) tokásya tánayasya sātau *mamsīmahi jigīvā́msas* tvótāḥ — [приноси намъ, о Индра, тотъ боевой экстазъ] „при которомъ (въ силу котораго), въ стяжаніи потомства, мы хотѣли бы считаться побѣдителями (побѣдившими) съ твоею помощью“.— Здѣсь составное сказуемое изъ 1) субъективной связки, выраженной оптативомъ сигмат. аориста отъ глагола *man*—думать, считать—въ

общаго съ тою модальностью, которая присуща ведійскимъ оптативамъ, конъюнктивамъ и императивамъ, выражающимъ субъективныя настроенія лица дѣйствующаго или говорящаго. Въ нашей фразѣ модальность дана въ vavṛtyā́m (оптативъ перфекта), во второй же части ея, при jaganvā́n, ея нѣтъ, и здѣсь—ясно выраженное—оптативное или конъюнктивное отношеніе было бы неумѣстно: Ями хочетъ вернуть къ себѣ друга, который (не фактически, а пока предположительно), *ушелъ*, а не только *хочетъ уйти*. Наше „хотя бы“ введено для передачи оттѣнка предположительности, обусловленности („если даже... ., то и въ такомъ случаѣ.. “), представленнаго въ текстѣ двумя *cid* (въ первой части фразы при ā-vavṛtyām и во второй при purū arṇavam съ отраженіемъ на прич. jaganvā́n).

[1]) Саяна перифразируетъ причастіе перф. rarivā́n выраженіемъ dātā san (будучи дарителемъ, подателемъ, въ качествѣ дарителя) и, хотя во фразѣ есть verbum fin., приводитъ и здѣсь правило Панини „liṭaḥ kvasuḥ“, то-есть, отъ корня rā (rā́tes) взято здѣсь причастіе perf. act. вмѣсто личной формы perf.

медіумѣ, и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: jɪgīvāṃsas—причастіе перф. praes. (отъ jɪ—побѣждать) и tvotās—„тобою вспомоществуемые“, „тобой охраненные“.

VIII, 53. 7:..... vayáṃ hótrābhir utá devāhūtibhiḥ *sasavāṃso manāmahe*—„мы думаемъ, что завоевали (стяжали) (или завоевываемъ—perf. praes.) жертвенными приношеніями и воззваніями къ богамъ“,—какъ и предыдущее, это составное сказуемое типа мьняахѫ духъ видѧще (Остр. Ев., Лук. XXIV, 37), ...ничьто же *ся мьни сътворьши* безъчиньна (Изб. Свят.)=думаетъ, что не сдѣлала, — см. *Потебня*, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 151—152. Причастіемъ перфекта sasavāṃsas выраженъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ причастіемъ перфекта jɪgīvāmsas, предикативный аттрибутъ (считаемъ себя—какими?).

IV, 42, 7:..... tvaṃ vṛtrāṇi *çṛṇviṣe jaghanvāṅ*—„ты слывешь (или славенъ) *убившій* демоновъ“, то-есть, ты извѣстенъ, славенъ тѣмъ, что убилъ демоновъ. Связка выражена формою *çṛṇviṣe* (отъ *çru* — слышать, медіо-пассивъ, отъ темы настоящаго по V классу, но съ окончаніями (1-е л. çṛṇve, 2-е çṛṇviṣe, 3-е çṛṇve, 3-е мн. çṛṇvire), принадлежащими перфекту)—въ значеніи слыть за, быть извѣстнымъ, считаться; это довольно—употребительная связка, также какъ и причастіе стр. çru—ta—съ вспомогательнымъ глаголомъ (отвлеченною связкою), въ сочетаніи съ именами и причастіями. Причастіе перфекта jaghanvān (отъ han—убивать) служитъ предикативнымъ аттрибутомъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію образчиковъ гораздо болѣе распространеннаго оборота, — сочетанія причастія перфекта въ роли аппозиціи и предикативнаго аттрибута съ *фиктивными* связками, то-есть, такими, которыя, будучи, если можно такъ выразиться, заняты предицированіемъ своего собственнаго лексическаго содержанія, предоставляютъ причастію самому предицировать свое, но при этомъ продолжаютъ нести *формальную обязанность* связки. Эта *формальность* и вмѣстѣ *фиктивность* связки можетъ быть больше или меньше,—она колеблется въ извѣстныхъ границахъ: если взять крайніе пункты, то на одномъ мы получимъ связку *полуфиктивную*, то-есть, такую, въ которой моментъ фиктивности выраженъ не слишкомъ ярко, а на другомъ, противоположномъ, найдемъ связку, въ которой фиктивность доведена до того предѣла, гдѣ связка становится уже *отрицательною* синтактическою величиною и можетъ быть понимаема, какъ *ирраціональная*, *мнимая* или какъ *псевдосвязка*.

Въ этихъ именно сочетаніяхъ причастіе перфекта явственнѣе, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше, выступаетъ въ своемъ подлинномъ *перфектномъ* значеніи, что̀ наблюдается какъ тогда, когда оно служитъ аппозиціею, такъ и тогда, когда оно является въ роли предикативнаго аттрибута.

Сперва разсмотримъ сочетаніе *аппозитивное*. при чемъ будемъ указывать на соотвѣтственные обороты съ „дѣепричастіемъ“ (абсолютивомъ). Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ явленіемъ, которое—въ исторіи русскаго языка—было съ такою глубиною и обстоятельностью изслѣдовано Потебней. Въ санскритѣ это движеніе „отъ причастія къ дѣепричастію“, то-есть, стремленіе къ замѣнѣ второго именительнаго несогласуемой частью предложенія, что̀ привело къ превращенію составнаго сказуемаго въ простое. началось весьма рано,—уже въ языкѣ ведійскомъ мы находимъ большое развитіе конструкціи съ абсолютивами на -tvā, -tvī. -tvāya, -ya, -tya. Замѣтимъ, что при всемъ сходствѣ. по смыслу и также по синтактической постановкѣ этихъ формъ, съ нашими дѣепричастіями, между ними усматривается существенное различіе въ отношеніи къ ихъ происхожденію: санскритскія формы на -tvā и пр. не могутъ быть названы *дѣепричастіями* въ собственномъ смыслѣ, потому что не восходятъ къ причастіямъ, а возникли изъ *косвеннаго* падежа (инструментальнаго) отглагольныхъ или, лучше, приглагольныхъ именъ (существительныхъ). Въ основѣ оборотовъ съ абсолютивами лежатъ не сочетанія со вторымъ именительнымъ причастія (какъ у насъ), а простыя сказуемыя съ инструментальнымъ орудія или образа дѣйствія, такъ что съ этой стороны исторія санскритскихъ абсолютивовъ напоминаетъ скорѣе исторію нашихъ такъ называемыхъ творительныхъ „предикативныхъ“ (изслѣдованіе которыхъ составляетъ одну изъ многихъ заслугъ Потебни, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, стр. 493 и сл.).

I, 161, 4: *cakṛvā́ṃsa* ṛbhavas tád aṛchata.... „сдѣлавши (букв. сдѣлавшіе) это, вы, о Рибгу, спрашивали....“. Соотвѣтственный оборотъ съ абсолютивомъ находимъ въ стихѣ, непосредственно предшествующемъ I, 161, 3: .....tā́ni bhrātar ánu vaḥ kṛtvy émasi—....„эти (подвиги, чудесныя дѣянія) *сдѣлавъ*, о братъ, мы (Ṛbhavas, Рибгу) слѣдуемъ (идемъ) за вами (богами. то-есть, удостоиваемся возведенія въ рангъ боговъ)“. Любопытно, что Саяна въ своемъ комментаріи поясняетъ ведійскую форму абсолютива kṛtvī (классическая форма kṛtvā) инструментальнымъ падежемъ существительнаго *karma*nā—дѣяніемъ,—какъ бы указывая этимъ (конечно, не преднамѣ-

ренно) на происхожденіе оборота [1]). Первоначальный смыслъ его еще сквозитъ въ данномъ мѣстѣ: „мы слѣдуемъ за вами (силою чего? благодаря чему? чѣмъ?) *совершеніемъ* этихъ дѣяній (или чудесъ, о коихъ говорится въ томъ же стихѣ).

IV, 18, 7: .....mámaitān putró maháta vadhéna vṛtrám *jaghanvā́n* asṛjad ví síndhūn—„мой сынъ, *убивъ* (букв. *убившій*) Вртру сильнымъ ударомъ, пролилъ (освободилъ) эти потоки (рѣки)". — Съ абсолютивомъ: I, 103, 2: .....vájreṇa *hatvā́* nír apáḥ sasarja—„*убивъ* палицей, пролилъ (освободилъ) во́ды". Такія формы (съ абсолютивомъ), присутствуя въ языкѣ одновременно съ оборотами, заключающими въ себѣ причастія въ роли аппозиціи, яснѣе оттѣняютъ аппозитивный характеръ послѣднихъ. Въ данномъ примѣрѣ съ причастіемъ перфекта jaghanvā́n санскритская фраза не значитъ: „мой сынъ, *убившій*.....". — она отвѣчаетъ нашему: „мой сынъ, *послѣ того какъ онъ убилъ*....", и для ея передачи нельзя пользоваться нашимъ причастіемъ, потому что оно, въ силу избытка въ немъ оттѣнка *аттрибутивности*, не годится уже для выраженія *аппозиціи*, для которой у насъ приспособлено дѣепричастіе. Послѣднее въ современномъ русскомъ заняло мѣсто аппозитивныхъ причастій. Въ санскритѣ обороты съ абсолютивомъ существовали и развивались одновременно съ причастными, только оттѣняя аппозитивный характеръ причастій и въ большей или меньшей мѣрѣ ограничивая ихъ употребленіе (районъ распространенія составнаго сказуемаго).

I, 32, 11: apā́m bílam ápihitam yád ā́sīd vṛtrám *jaghanvā́n* ápa tád vavāra—„ту пещеру водъ, которая была замкнута, онъ отверзъ, *убивъ* (букв. убившій) Вртру". Обороты съ абсолютивами отъ того же глагола *han*—убивать, кромѣ вышеприведеннаго I, 103, 2, находимъ въ I, 100, 18, — II. 12. 3, — II, 17, 6, — II, 30, 10 и нѣкоторыхъ другихъ.

IV, 33. 6: .....vibhrā́jamānāmç camasā́n áhevā́venat tváṣṭā catúro *dadṛçvā́n*—„*увидѣвъ* (букв. увидѣвшій) 4 блестящіе, какъ день, кубка, Тваштаръ былъ доволенъ (или, лучше, пожелалъ—ихъ имѣть).—Съ абсолютивомъ: X, 34, 11: stríyam dṛçṭvāya kitavám tatāpa—(безсубъектный оборотъ)—„*увидѣвъ* жену, игрокъ мучился (испыталъ скорбь, раскаяніе)", букв. „игрока мучило (или мучитъ)". Здѣсь абсолютивъ не служитъ

---

[1]) tā́ni sarvā́ṇi sampā́dya ge bhrā́tarагne kṛtvyā́ karmaṇaimasi.... Въ комментаріи же къ ст. I, 161, 4, по поводу причастія перфекта cakṛvā́ṃsas, онъ опять вспоминаетъ правило liṭaḥ kvasuḥ.

орудіемъ превращенія составнаго сказуемаго въ простое, — онъ не является замѣною второго именительнаго,—и тѣмъ яснѣе обнаруживается тутъ его происхожденіе изъ инструментальнаго „обстоятельства“,—орудія или средства (можно перевести: „при видѣ жены“) [1]. Какъ замѣна причастія въ роли аппозиціи, абсолютивъ отъ того же глагола *darç* (съ частицей *anu*) является въ стихѣ X, 130. 7: ....pūrveṣām pánthām *anudṛ́çyā* dhīrā anvā́lebhire rathyó ná raçmín— „обозрѣвъ (устремивъ взоръ на) путь древнихъ, мудрые (7 мудрецовъ), словно возницы. воспріяли бразды (возжи)“.

I, 91, 10: imáṃ yajñám idám váco *juju*ṣāṇá upāgahi... „прійди (о Сома) къ этой жертвѣ, *вкусивъ* (*вкусившій*) эту рѣчь (пѣснь, гимнъ)“, или: „прійди сюда (upatā), *вкусивъ* эту жертву эту пѣснь“. Абсолютивъ *juṣṭvī*, какъ замѣна причастія, находится (но только не въ значеніи „вкусивъ“, а въ значеніи „возлюбя“, „найдя удовольствіе въ“) въ ст. IX, 97, 16.—I, 118, 5 и нѣк. др.

IV, 2, 2: ihá tvám.... agne dūtá īyase *yuyuj*āná.... vṛ́ṣaṇaḥ.... „Здѣсь ты..., о Агни, мчишься вѣстникомъ, *запрягши* (*запрягшій*).... жеребцовъ“... Состав. сказуемое изъ 1) знамен. псевдосвязки (можетъ быть, не вполнѣ псевдо—, а только фиктивной, съ еще замѣтнымъ характромъ связки) *īyase*—мчишься (интензивъ отъ *i*—идти, двигаться), 2) предикативнаго аттрибута, выраженнаго существительнымъ dūta-s—вѣстникъ, и 3) *аппозиціи*—причастіе перфекта *yuyujāna-s* отъ *yuj*—запрягать, связывать, соединять. Что это — аппозиція (и не относится къ dūta-s, въ смыслѣ „мчишься вѣстникомъ, запрягшимъ“...), видно: 1) изъ аналогіи, напримѣръ, стиха IV, 45, 6 (гдѣ нѣтъ dūta-s)... sū́raç cid áçvān *yuyujāná* īyate—„солнце несется, запрягши коней“... 2) изъ случаевъ, гдѣ стоитъ абсолютивъ вмѣсто причастія, напримѣръ, I, 177, 1: .... *yuktvā́* hárī vṛ́ṣaṇā́ yāhy arvā́ṅ—*запрягши* двухъ гнѣдыхъ жеребцовъ, прійди сюда“.. 3) изъ комментарія Саяны, гдѣ находимъ вопросъ kiṃ kurvan—„что дѣлая“.

V, 78, 9: dáça mā́sāṅ *chaçayānáḥ* kumāró ádhi mātári | niráitu jīvó..., „10 мѣсяцевъ *пролежавъ* у матери, ребенокъ да выйдетъ живымъ.....“. Здѣсь составное сказуемое изъ 1) знаменательной псевдосвязки niraitu (повел. да выйдетъ), 2) предикативнаго аттрибута—

---

[1]) Пожалуй, можно бы сказать, что абсолютивъ стоитъ здѣсь вмѣсто *винительнаго падежа* (dadṛçvāṃsaṃ kitavaṃ tatāpa—игрока, *увидѣвшаго* (жену), мучило.—Мы будемъ еще имѣть дѣло съ этимъ оборогомъ въ этюдѣ, посвященномъ безсубъектнымъ предложеніямъ.

прилаг. jīva-s — живой и 3) *аппозиціи*—причастіе перфекта çaçayāna-s (отъ çī—лежать)—„пролежавшій“. Абсолютива отъ çī въ Р. В. нѣтъ. Саяна перифразируетъ абсолютивомъ *usitvā* (отъ vas — пребывать, жить): „10 мѣсяцевъ пробывъ во чревѣ родильницы“.....

VII, 103, 1: samvatsarám *çaçayānā́* brāhmaṇā́ vratacārínaḥ | vā́cam parjanyajinvitām prá maṇḍū́kā avādiṣuḥ — „годъ *пролежавъ* (букв. *пролежавтіе*), [словно] брамины, наложившіе на себя обѣтъ (молчанія?),—рѣчью, возбужденною (богомъ) Parjanya (грозою и дождемъ), лягушки заголосили“.

Эти примѣры, число которыхъ можно было бы увеличить, достаточно ясно обрисовываютъ намъ синтактическую роль причастія перфекта въ разсматриваемомъ сочетаніи и между прочимъ показываютъ, что это причастіе имѣло опредѣленное видовое (лучше „видовое—временное“) значеніе, отличное отъ значенія причастія наст. Оно сходно съ употребленіемъ нашего (старинаго) и церковно-славянскаго причастія прош. на—ъ,—*ъши* и—*въ*,—*въши* (которое и этимологически восходитъ къ индо-европейскому причастію перфекта); въ греческомъ ему соотвѣтствуютъ въ синтактическомъ отношеніи также (въ извѣстныхъ предѣлахъ) причастія перфекта, но еще болѣе причастія аористовъ. Имѣя это въ виду, мы и въ слѣдующихъ образчикахъ, гдѣ стоитъ причастіе перфекта *jajñāna*—(отъ *jan*—рождать), рекомендовали бы соблюдать въ переводѣ его перфектное значеніе, передавая его дѣепричастіемъ прошедшаго времени.

I, 63, 1: tvám mahā́n índro yó ha çúṣmair dyā́vā *jajñānáḥ* pṛthivī́ áme dhāḥ..... „великъ ты—Индра (им.), который, (едва) *родившись*, мощью повергъ въ страхъ небо и землю“. Здѣсь причастіе перфекта jajñāna-s—*аппозиція*,—оно значитъ: „лишь только ты родился“. Въ качествѣ аппозитивнаго, то-есть, такого, въ которомъ аттрибутивность есть фикція, оно ближе стоитъ къ личной формѣ глагола, чѣмъ причастіе предикативно-аттрибутивное,—и Саяна, чувствуя это, вспомнилъ въ комментаріи къ нашему стиху правило Панини „liṭaḥ kānac“—вмѣсто личныхъ окончаній перфекта употребляется окончаніе причастія перфекта—āna—(медіальное).

VII, 98, 3: *jajñānáḥ* sómaṃ sàhase papātha... „*родившись*, ты (Индра) выпилъ Сому для мощи“....

VIII, 77, 1: *jajñānó* nú çatákratur ví pṛchad íti mātáram.... „*родившись*, стосильный (Индра) такъ спросилъ мать (задалъ матери слѣдующій вопросъ)“...

VIII, 96, 21: sá vṛtrahéndra..... sadyó *jajñānó* hávyo babhūva....

„этотъ убійца Вртры, Индра, только-что *родившись*, сталъ предметомъ поклоненія (сталъ достойнымъ моленія).

X, 120, 1: .... sadyó *jajñānó* ní riṇāti çátrūn... „только-что *родившись*, онъ ниспровергаетъ враговъ“...

Нарѣчіе *sadyás* въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ (въ значеніи лишь только, едва), если только оно непосредственно относится къ *jajñāna-s*, усиливаетъ или оттѣняетъ перфектно-видовое значеніе этого причастія; въ VIII, 77, 1, если не ошибаюсь, такой же оттѣнокъ представленъ частицею *nú*.

Для лучшаго оттѣненія перфектнаго значенія этого причастія въ приведенныхъ фразахъ, противопоставимъ имъ нѣсколько примѣровъ съ причастіемъ наст. *jāyamāna*—(passivi, отъ того же корня *jan*):

I, 96, 1: sá pratnáthā sáhasā *jā́yamānaḥ* sadyáḥ kā́vyāni bā́ḍ adhatta víçvā... „онъ (Агни) по исконному обряду мощно *рождаемый* быстро пріобрѣталъ всѣ премудрости“... Здѣсь *sadyas* относится не къ *jāyamāna-s*, а къ *adhatta*. Рожденіе (добываніе) священнаго огня непрерывно повторяется издревле по исконному обычаю (или обряду). Причастіе наст. jāyamāna-s здѣсь также *аппозиція*, и фраза значитъ: Агни пріобрѣталъ всѣ премудрости (являлся во всеоружіи своей мудрости) всякій разъ, когда его рождали (добывали изъ двухъ araṇī).

I, 143. 2: sá *jā́yamānaḥ* paramé vyòmany āvír agnír abhavan mātaríçvane... „этотъ Агни, *рождаемый* на высочайшемъ небѣ, открывался Матаришвану“. Если причастіе здѣсь аппозиція, то фраза значитъ: Агни открывался (обнаруживался, являлся) Матаришвану въ то время, когда онъ, Агни, рождался на небѣ. Если это—предикативный аттрибутъ, то получимъ смыслъ: Матаришвану открывался тотъ самый Агни, который рождается на высочайшемъ небѣ.

III, 6, 2: á ródasī aprṇā *jāyamānaḥ*.... ты (Агни) наполнилъ два міра *рождаемый* (когда ты рождался)... Также въ стихахъ: III, 6, 5,—IV, 18, 5;—IV, 50, 4.

Перейдемъ теперь къ сочетанію *предикативно-аттрибутивному*.

V, 29, 14: .... yā́ cin nú vajrin kṛṇavo *dadhṛṣvā́n* nā́ te vartā́ táviṣyā asti tásyāḥ—„какія бы (геройскія дѣянія) ты ни совершалъ, о перунодержецъ, *проявляя* (или *проявивъ*) *свое мужество* (dadhṛṣvā́n),—нѣтъ тебѣ супротивника этого геройскаго подвига“. Здѣсь *kṛṇavo dadhṛṣvā́n* образуетъ составное сказуемое, въ которомъ глаголъ *kṛṇavas* (conj.) есть знаменательная псевдосвязка, а причастіе перфекта *dadhṛṣvā́n* (отъ dhṛṣ—быть храбрымъ, „геройствовать“) есть предикативный аттрибутъ; оно сбивается на значеніе причастія наст.

и даже становится почти равносильнымъ прилагательному (напримѣръ. *dhṛṣṇu-s*—отъ того же корня—мужественный, смѣлый), и его можно было бы замѣнить этимъ прилагательнымъ или также соотвѣтственнымъ нарѣчіемъ *dhṛṣat. dhṛṣatā* (отъ того же корня); въ послѣднемъ случаѣ составное сказуемое превратилось бы въ простое. Такой характеръ (именно предикативно-аттрибутивный, а не аппозитивный) нашего причастія въ разсматриваемомъ стихѣ подтверждается или оттѣняется слѣдующимъ выраженіемъ стиха IV, 22. 5, гдѣ при dadhṛṣvān стоятъ еще (плеонастически) знат. пад. прилаг. *dhṛṣṇo* и нарѣчіе *dhṛṣatā*: .... yác chūra *dhṛṣṇo dhṛṣatā́ dadhṛṣvā́n* áhim vájreṇa çávasāvivesīḥ... „[достойны прославленія твои, о Индра. подвиги. именно то]. что ты, о *смѣлый* герой, *смѣло проявляя свою смѣлость* (dadhṛṣvān). змѣю перуномъ мощно сразилъ“. Здѣсь составное сказуемое—dadhṛṣvān avivesis, гдѣ dadhṛṣvān—предикативный аттрибутъ (а не аппозиція), который тутъ же, такъ сказать, истолкованъ или обнаруженъ, какъ таковой, прилагательнымъ dhṛṣṇo и нарѣчіемъ dhṛṣatā.

Такое же сочетаніе (какъ въ ст. V. 29. 14) находимъ и въ I, 165, 10: .....yā́ nú *dadhṛṣvā́n* kṛṇávai (conj.) manisā.... „(все) что́ я ни совершу мудростью *проявляя* (или *проявивъ*) *свое мужество*...“.

Въ этихъ и подобныхъ мѣстахъ, думаю я, ничто не мѣшаетъ намъ понимать причастіе перфекта въ его перфектно-видовомъ значеніи, въ то же время удерживая его предикативно-аттрибутивную роль (не превращая въ аппозицію). При этомъ мы можемъ мыслить въ немъ оттѣнокъ perfecti praes., но можемъ также видѣть въ немъ просто перфектъ—безъ отношенія къ настоящему,—ни то, ни другое, само по себѣ, не противорѣчитъ *аттрибутивному* характеру этой части предиката. Съ этой точки зрѣнія. можно перевести. напримѣръ, послѣднюю фразу (I, 165, 10) такъ: „все, что́ ни совершу я, *проявившій* свое мужество“, то-есть, *не*: „послѣ того какъ я проявилъ (или проявлю) свое мужество“, *а*: „я—такой. который уже проявилъ, доказалъ свое мужество“. При этомъ нужно только (чтобы удержать нерушимо составное сказуемое) представить себѣ эту квалификацію субъекта, какъ составляющую часть предиката, какъ участвующую въ актѣ предицированія.

Весьма часто находимъ въ роли предикативнаго аттрибута причастіе перфекта *vidvān* (отъ *vid*—знать), повидимому, искони имѣвшее значеніе perfecti praesentis, какъ и самый глаголъ въ перфектѣ *vэda* (οἶδα). I, 70, 6:.... etā́ cikitvo bhūmā́ ní pāhi devā́nā̃m janma

mártāṃç ca *vidvā́n*—„охраняй, о прозорливый (мудрый—Агни). эти существа, *знающій* (ты, который позналъ) племя боговъ (и) смертныхъ (вин. мн.)“. Ludwig: schütze, wolmerkender, diese wesen, [der du] der götter—wie der menschengeschlechter *kundig*. Такіе перифразы („ты, который позналъ, знаешь,—der du kundig) служатъ лишь способомъ обозначенія, что въ подлинникѣ причастіе *vidvā́n* есть предикативный аттрибутъ, а не аппозиція. *Аттрибутивность* этого предикативнаго причастія (здѣсь и въ другихъ аналогичныхъ мѣстахъ, относящихся къ Агни) явствуетъ, помимо прочаго, уже изъ того, что выраженіе devānāṃ jánma martāṃç ca vidvā́n есть лишь перифразъ одного изъ самыхъ главныхъ и частыхъ *эпитетовъ* Агни—*jātavedā́s*—„знающій существа“. Имѣя это въ виду, мы объяснимъ себѣ слова Саяны въ комментаріи къ данному стиху: „такъ какъ ты знаешь всѣхъ,—боговъ, людей и прочихъ, то потому и говорится vidvā́n“—не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ усматривалъ тутъ аппозицію, а только—тѣмъ, что онъ, какъ и мы, вспомнилъ эпитетъ Агни *jātavedā́s* и всю ту сторону концепціи этого бога, которая связана съ этимъ эпитетомъ. Въ словахъ Саяны (vidvā́n jānan.... yatas tva devamanuṣyādīn sarvā́n jānā́si ata evam ucyata ityarthaḥ) мы видимъ только напоминаніе объ этой сторонѣ миѳологической природы Агни. Комментаторъ не ставитъ вопроса kim kurvan—„что дѣлая?“, а только поясняетъ, почему и въ какомъ смыслѣ Агни величается „vidvā́n“, а чаще jātavedā́s“.

Есть много случаевъ, гдѣ *vidvā́n* стоитъ безъ дополненія, почти переходя въ прилагательное, какъ, напримѣръ, I, 24, 13... ávainam rā́jā váruṇaḥ sasṛjyā́d *vidvā́n*—„да его царь Варуна благоволитъ освободить *знающій*“. Съ нашей (современной) точки зрѣнія это причастіе здѣсь—просто аттрибутъ субъекта (непредикативный); но для всякаго, кто знакомъ съ духомъ старыхъ языковъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оно, въ подобныхъ фразахъ, все еще находится въ предѣлахъ сказуемаго, что оно предикативно. Другіе примѣры этого рода: II, 5, 8,—III, 44, 2,—III, 35, 4,—VI, 47, 8 и мн. др.

Аттрибутивность причастія *vidvā́n* обнаруживается также въ томъ обстоятельствѣ, что оно встрѣчается въ *сравнительной степени* (съ обычнымъ суффиксомъ *tara*—), что не препятствуетъ ему имѣть при себѣ прямое дополненіе. Такъ въ стихѣ IV, 7, 8, гдѣ кстати найдемъ, кромѣ этой формы въ сравнительной степени vidu̱ṣṭara-s, еще просто vidvā́n и другое причастіе перфекта — saṃcikitvā́n: vér adhvarā́sya dūtyā́ni vidvā́n ubhé antā́ (то-есть, antar) ródasī saṃcikitvā́n | dūtá

īyase pradīva urānó *vidúst*aro divá āródhanāni—„птица жертвы (культа), *знающій* (vidvān) обязанности вѣстника, оба міра (небо и землю) посрединѣ (между ними) *созерцающій* (saṃcikitvān), вѣстникомъ ты (Агни) несешься, издревле избранный, *хорошо-знающій* (сравнительная степень прич.) затворы неба“.

Причастіе перфекта находимъ также въ роли *причастной связки* при предикативномъ аттрибутѣ, выраженномъ существительнымъ или прилагательнымъ (или ихъ замѣною—мѣстоименіемъ), въ составномъ сказумомъ съ личнымъ глаголомъ, служащимъ связкою, какъ настоящею, такъ и фиктивною. Напримѣръ:

I, 165, 8: vádhim (говоритъ Индра) vṛtrám maruta indriyéṇa svéna bhā́mena *taviṣó babhūvā́n*—„я убилъ Вртру, о Маруты, своею мощью, своею яростью, *явившись (будучи) мощнымъ*“. Сочетаніе *taviṣó babhūvā́n* буквально значитъ „ставшій мощный (мощнымъ)“, и когда, по примѣру другихъ случаевъ, мы переводимъ его при помощи дѣепричастія („ставъ, сдѣлавшись, явившись мощнымъ“), то мы рискуемъ придать ему характеръ аппозиціи („послѣ того какъ.—такъ какъ я сталъ, сдѣлался мощнымъ“). Въ подлинникѣ же, какъ я думаю, причастіе перфекта babhūvā́n играетъ ту же роль, какую въ аналогичныхъ оборотахъ исполняетъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, причастіе настоящее sant—(отъ as—быть). Въ нашемъ примѣрѣ могло бы стоять taviṣaḥ *san* („мощный сущій“). Разница только—въ видовомъ оттѣнкѣ (да еще въ томъ, что *bhū* далеко не такъ отвлеченно, какъ *as*). Видовое различіе, однако же, сведено здѣсь къ извѣстному минимуму, ибо, очевидно, babhūvān является здѣсь причастьемъ perfecti praesentis. Формально-синтактическій характеръ оборота можно бы передать выраженіемъ: „я, который являюсь столь мощнымъ“.

IV, 17, 17: *trātā́* по bodhi *dádṛçāna āpìr abhikhyātā́ marḍitā́* somyā́nām... „будь нашъ хранитель *явившійся*, родичъ (или близкій другъ — āpis), блюститель, милостивецъ (для насъ) поклонниковъ Сомы“.—Здѣсь имѣемъ составное сказуемое изъ: 1) полуотвлеченной связки *bodhi*—будь, стань, 2) предикативныхъ аттрибутовъ, выраженныхъ существительными trātā, āpis, abhikhyātā и marḍita и 3) причастной связки въ формѣ причастія перфекта въ медіумѣ *dadṛçāna-s*, отъ *darç*—смотрѣть, въ значеніи „явившійся, обнаружившійся“ вмѣсто „сущій“ или „ставшій“. Отношеніе этой причастной связки къ остальнымъ частямъ сказуемаго можно понимать двояко: 1) причастіе dadṛçāna-s, ближайшимъ образомъ относясь къ первому

изъ предикативныхъ аттрибутовъ (trātā), въ то же время, такъ сказать, распространяется и на остальные: „будь явившійся намъ хранитель, родичъ“ и т. д.; 2) оно можетъ относиться къ одному только *āpis*: „будь намъ хранителемъ ты, который являешься (представляешься близкимъ родичемъ нашимъ,—(будь) блюститель и т. д. Такъ. повидимому, понимаетъ Людвигъ, переводя: sei unser retter, *geschaut* als unser nächster (freund), aufseher, troster der somawürdigen, и также Грассманнъ (Wörterb. z. Rgv. s. v. *darç*). Въ такомъ случаѣ сочетаніе dadṛçāna āpis образуетъ особую единицу, вошедшую въ составное сказуемое и не стоящую на одномъ уровнѣ съ остальными предикативными аттрибутами (trātā и пр.), то-есть, сочетаніе dadṛçāna āpis относится не прямо къ bodhi. какъ trātā и др., а къ цѣлому bodhi trātā, abhikhyātā, mardṭitā. При такомъ пониманіи открывается возможность взглянуть на это сочетаніе (dadṛçāna āpis) не только, какъ на предикативно-аттрибутивное, но и какъ на аппозицію, напримѣръ, въ смыслѣ: „послѣ того какъ (такъ какъ) ты явился нашимъ близкимъ родичемъ (другомъ)“, „послѣ того какъ ты обнаружился въ качествѣ самаго близкаго намъ существа“.

I, 127, 11: *sá* no nediṣṭham *dádṛçāna* ā́ bharā́gne devébhiḥ sácanāḥ sucetúnā mahó rāyáḥ... „явившійся намъ, какъ таковой, столь близко (ставшій, сдѣлавшійся для насъ таковымъ столь близко,—nediṣṭham—превосх. ст. нарѣчія), — приноси, о Агни, одинаково—благой съ (другими) богами, съ благоволеніемъ великія богатства“. Здѣсь имѣемъ составное сказуемое изъ 1) знаменат. псевдосвязки ā-*bhara*—приноси, 2) предикативнаго аттрибута, указаннаго или замѣщеннаго мѣстоименіемъ *sa*, при которомъ стоитъ причастная знаменательная связка dadṛçāna-s (причастіе перфекта) и 3) другаго предикативнаго аттрибута—прилагаемаго sacanās. Сочетаніе *sa dadṛçānas* съ примыкающимъ къ нему нарѣчіемъ *nediṣṭham* значитъ: „явившійся намъ столь близко. *какъ таковой*“, а *какой* именно, то-есть, какія черты при этомъ имѣются въ виду,—это, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ стихъ произносился, могло быть подсказано, напримѣръ, предыдущими стихами, или же могло почерпаться изъ запаса общеизвѣстныхъ аттрибутовъ Агни [1]).

---

[1]) Объясненіе Саяны представляется мнѣ искусственнымъ: онъ вставляетъ *vedyām*—на алтарѣ и, понимая dadṛçana-s въ страдат. значеніи (что возможно, но отнюдь не обязательно), комментируетъ: atyantasamīpe diptatvena dṛçyamānas—„чрезвычайно близко видимый по причинѣ свѣтозарности (или яркости пыланія)“.

Теперь обратимся къ соотвѣтственнымъ греческимъ формамъ у Гомера.

Сочетаніе причастій перфекта съ *отвлеченною* связкою, если не ошибаюсь, приблизительно такъ же рѣдко у Гомера, какъ и въ Ригъ-Ведѣ,—въ особенности если исключимъ тѣ случаи, гдѣ причастіе перфекта имѣетъ *страдательное* значеніе (что мы дѣлали выше—въ отношеніи санскритскихъ формъ: изученіе пассивной конструкціи будетъ предметомъ одного изъ дальнѣйшихъ этюдовъ). Насъ интересуетъ здѣсь причастіе перфекта въ его активномъ и медіальномъ значеніи. Сюда относятся:

Il. V, 873: αἰεί τοι ῥίγιστα θεοὶ τετληότες εἰμεν ἀλλήλων ἰότητι...

Il. VI, 488: конструкція Acc.c.inf, изъ которой, какъ извѣстно, можно постулировать сказуемое съ личною формой глагола, при чемъ причастіе превратится во второй именительный: μοῖραν δ' οὐ τινά φημι πεφυγμένον ἔμμεναι ἀνδρῶν.

Il. XIII, 269 (тоже): οὐδ' ἐμέ φημι λελασμένον ἔμμεναι ἀλκῆς...

Il. XXIII. 343 (съ императивнымъ инфинитивомъ): ἀλλὰ φίλος φρονέων πεφυλαγμένος εἶναι.

Со связками болѣе или менѣе знаменательными:

Il. XXIII, 69:... αὐτὰρ ἐμεῖο λελασμένος ἔπλευ Ἀχιλλεῦ.

Il. XXIII, 273: ἵππῃας τάδ' ἄεθλα δεδεγμένα κεῖτ' ἐν ἀγῶνι — „лежатъ ожидающіе“ вмѣсто „суть ожидающіе“.

Возможность замѣнять отвлеченную связку болѣе или менѣе знаменательною показываетъ, между прочимъ, что сочетаніе причастія перфекта съ отвлеченною связкою не было такъ называемымъ „описательнымъ временемъ“ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, формою, образующею только одинъ моментъ въ сознаніи, но было именно составнымъ сказуемымъ—изъ двухъ моментовъ. Принявъ это, мы отказываемся съ тѣмъ вмѣстѣ считать „описательнымъ временемъ“ и перифрастическое будущее (изъ причастія перфекта и отвл. связки ἔσομαι) и должны признать его такимъ же составнымъ сказуемымъ, какъ и только что приведенныя сочетанія причастія перфекта съ другими временами связки εἰμί.

Образчиками сочетанія причастія перфекта въ роли аппозиціи съ псевдосвязкою могутъ служить:

Il. II, 263—264:... αὐτὸν δὲ κλαίοντα θοὰς ἐπὶ νῆας ἀφήσω πεπληγὼς ἀγορῆθεν ἀεικέσσι πληγῇσιν—прогоню, *побивъ*...

Il. XV, 81: ὡς δ' ὅτ' ἄν αἴξῃ νόος ἀνέρος, ὅς τ' ἐπὶ πολλὴν γαῖαν ἐληλουθὼς φρεσὶ πευκαλίμῃσι νοήσῃ „ἔνθ' εἴην, ἢ ἔνθα“....., ὣς κραιπνῶς

μεμαυῖα διέπτατο πότνια Ἥρη. Въ этой фразѣ насъ интересуетъ составное сказуемое изъ знамен. псевдосвязки νοήσῃ и аппозиціи — причастія перфекта ἐληλουθώς: „(человѣкъ) который, *исходивъ* большое пространство земли, соображаетъ (перебираетъ) въ умѣ....“.

Il. XIV, 476—477: ἔνθ' Ἀχάμας Πρόμαχον Βοιώτιον οὔτασε δουρὶ ἀμφὶ κασιγνήτῳ βεβαώς.... ранилъ... копьемъ, *вступившись* за брата“.

Il. XXII, 1—2: ὣς οἱ μὲν κατὰ ἄστυ πεφυζότες ἠύτε νεβροὶ ἱδρῷ ἀπεψύχοντο πίον τ' ἀκέοντό τε δίψαν — спасшись (прибѣжавъ) въ городъ, прохлаждали потъ, пили и утоляли жажду.

Od. XIV, 30: οἱ μὲν (κύνες) κεκληγῶτες ἐπέδραμον—залаявъ, бросились.

Аппозитивный характеръ причастій перфекта въ этихъ фразахъ легко обнаруживается между прочимъ въ томъ, что въ переводѣ они легко поддаются замѣнѣ личною формой глагола: побью и прогоню,— исходилъ большое пространство и думаетъ...., вступился за брата и ранилъ....—прибѣжали въ городъ и охлаждали потъ...,—залаяли и бросились... Это собственно другое сказуемое, только выраженное не личною формой перфекта, а его причастіемъ. въ чемъ еще чувствуется тѣнь былой предикативной самостоятельности этого причастія.

Сочетаніе предикативно-аттрибутивное можетъ быть представлено слѣдующими примѣрами:

Il. XXIII, 231—232: Πηλείδης δ' ἀπὸ πυρκαιῆς ἑτέρωσε λιασθεὶς κλίνθη κεκμηώς.... прислонился (легъ) *усталый*.

Il. XXII, 138: Πηλείδης δ'ἐπόρουσε ποσὶ κραιπνοῖσι πεποιθώς— бросился (устремился), *полагаясь* на быстроту своихъ ногъ.—„Быстрота ногъ“, какъ извѣстно, одна изъ главныхъ „доблестей“ или характерныхъ чертъ Ахилла.

Il. XXI, 254: τῷ εἰκὼς ἠίξεν—ему (соколу) *подобный* онъ (Ахиллъ) устремился...

Il. X. 339: Βῆ ῥ' ἀν 'ὁδὸν μεμαώς—пошелъ стремительно (стремительный, но не прилагательное. а причастіе perfecti praes., близкое по значенію къ прилагательному).

Il. XIII, 182: Τεῦκρος δ' ὡρμήθη μεμαὼς ἀπὸ τεύχεα δῦσαι. Здѣсь μεμαὼς остается предикативнымъ аттрибутомъ даже и въ томъ случаѣ, если отъ него зависитъ инфинитивъ ἀπὸ-δῦσαι (который можно, и. кажется. лучше, отнести къ ὡρμήθη, какъ ἁρπάξαι въ ст. 189 той же пѣсни): бросился движимый желаніемъ снять доспѣхи (съ убитаго). Аппозитивное пониманіе („страстно пожелалъ снять доспѣхи и бросился...“) не шло бы къ характеру изображенія сцены: этотъ ха-

рактеръ (художественный) требуетъ образа, въ основѣ котораго лежало бы синтактическое сочетаніе, предполагающее вопросъ: бросился—какой, въ какомъ видѣ, какъ? (отвѣтъ: движимый желаніемъ,—съ страстнымъ желаніемъ; наконецъ можно и здѣсь перевести μεμαώς—стремительный, стремительно, какъ въ предшествующемъ примѣрѣ). Вопросъ же: что̀ сдѣлалъ или почувствовалъ, прежде чѣмъ бросился?—не идетъ къ дѣлу.

Il. XIII, 297: Βῆ δὲ (Μηριόνης) μετ' Ἰδομενῆα μέγα πτολέμοιο μεμηλῶς—пошелъ вслѣдъ за Идоменеемъ, сильно озабоченный войною.—Конечно, нельзя разложить: озаботился и пошелъ. Вопросъ здѣсь не—что̀ сдѣлалъ, а—какой? въ какомъ состояніи?

Il. XIII, 392—393: ὡς ὃ.... κεῖτο τανυσθείς βεβρυχώς, κόνιος δεδραγμένος αἱματοέσσης—лежалъ—какой?—какъ?—въ какомъ видѣ?—крича, схвативъ прахъ руками.

Od. XIX, 323—324: οὐδὲ τι ἔργον ἐνθάδ'ἔτι πρήξει μάλα περ κεχολωμένος αἰνῶς—ничего не подѣлаетъ, даже будучи въ сильномъ гнѣвѣ. Вопросъ опять:—какой?

Od. XIX, 445—447: ὃ (σῦς) δ'ἀντίος ἐκ ξυλόχοιο, φρίξας εὖ λοφιήν, πῦρ δ' ὀφθαλμοῖσι δεδορκως στῆ ῥ'αὐτῶν σχεδόθεν.

Особливою аттрибутивностью отличается причастіе εἰδώς (подобно санскритскому vidvān); оно, мнѣ кажется, стоитъ уже на границѣ предикативной аттрибутивности и непредикативной, какъ, напримѣръ, Il. II, 718: τῶν δὲ Φιλοκτήτης ἦρχεν, τόξων εὖ εἰδώς. Il. II,720: ἐρέται... ἐμβέβασαν, τόξων εὖ εἰδότες....

Санскритскимъ оборотамъ съ причастною связкою, выраженною причастьемъ перфекта babhūvān (см. выше, напримѣръ, vàdhīm... tavisó babhūvān), отвѣчаетъ, хотя и не вполнѣ, фраза Il. XIV, 287—288: ἥ (ἐλάτη) τότ' ἐν Ἴδῃ μακροτάτη πεφυυῖα δι' ἠέρος αἰθέρ' ἵκανεν, гдѣ имѣемъ составное сказуемое изъ 1) знаменат. псевдо-связки (ἵκανεν, взошла, поднялась), 2) предикат. аттрибута, выраженнаго прилагательнымъ (μακροτάτη), и 3) причастной связки, выраженной причастьемъ перфекта (πεφυυῖα—выросшая). Разница между санскритскими и греческими сочетаніями этого рода—въ томъ, что греческій глаголъ φύω гораздо знаменательнѣе санскритскаго bhū, о чемъ въ своемъ мѣстѣ у насъ уже была рѣчь. Выраженная по-санскритски (съ причастіемъ babhūvuṣi), наша фраза значила бы: „ель, *ставшая* очень высокою, поднялась....“, между тѣмъ какъ по-гречески она значитъ: „ель, *выросшая* очень высокою....“. Къ чему сводится это различіе? Къ способу проявленія въ мысли момента причастной связки.

Выраженная санскритскимъ babhūvuṣī, она полузнаменательна; выраженная греческимъ πεφυυῖα, она вполнѣ знаменательна, не переставая, однако, быть связкою, то-есть, она, при участіи своего—конкретнаго—лексическаго значенія („рости"), предицируетъ лексическое значеніе второго именительнаго (прилаг. μακροτάτη), которое могло быть предицировано и другою связкою, съ другимъ лексическимъ значеніемъ.

Изъ сличенія разсмотрѣнныхъ здѣсь сочетаній въ Ригъ-Ведѣ и у Гомера можно заключить о существованіи такого оборота съ его разновидностями въ эпоху проэтническую.

II. Сочетаніе съ причастьями аористовъ.

Въ противоположность греческому, санскритъ далеко не богатъ причастьями аористовъ. Они встрѣчаются въ сравнительно-небольшомъ числѣ только въ ведійскомъ санскритѣ. На нижеслѣдующихъ страницахъ мы дадимъ обзоръ почти всѣхъ причастій аористовъ въ Ригъ-Ведѣ. Любопытно, что подавляющее большинство этихъ формъ составляютъ причастья несигматическаго аориста *medii* (ātmanepadam), которыхъ можно насчитать 20-ть съ лишнимъ, между тѣмъ какъ активныхъ (parasmaipadam) причастій несигматическаго аориста найдется всего 4 или 5, сигматическихъ же только три.—Въ нашемъ обзорѣ мы будемъ стараться между прочимъ уяснить себѣ. были ли это причастія *аориста* не только формально (морфологически). но и семазіологически, то-есть, имѣли ли они значеніе „совершеннаго" вида того или другаго оттѣнка въ согласіи съ видовымъ значеніемъ личныхъ формъ аористовъ (недавно изслѣдованнымъ Дельбрюкомъ, Grundriss der vergleich. Gramm. Brugmann'a. B. IV. Syntax, II, 74—109).

Причастья несигматическаго аориста medii.

1, 2, *sam-arāṇa*—отъ *ar* съ част. *sam*—въ значеніи *встрѣчаться* (аор. arta, ārta, ārat и др.; наст. iyarmi, ṛṇomi, ṛṇvati) и *çubhāná*—отъ *çubh*—сіять, блистать (аор. удвоен. açūçubhan; наст. çumbhati)—въ ст. I, 165, 3 имѣютъ, какъ мнѣ кажется, замѣтное „аористическое" (то-есть, „совершеннаго" вида) значеніе, первое (samarāṇa—) значитъ *встрѣтившійся съ, столкнувшійся* (на пути) *съ, сошедшійся съ*, а второе (çubhāna—) можно перевести прилагательнымъ „свѣтлый" въ смыслѣ „ставшій свѣтлымъ", „возсіявшій", то-есть, это аористическое причастье, употребленное такъ, что его можно перевести

прилагательнымъ *свѣтлый*. Стихъ гласитъ: kútas tvám indra máhinaḥ sánn éko yāsi..... | sám pṛchase *samarāṇáḥ çubhānaìr* vocés tánno.... yát te asmé—„откуда ты, о Индра, будучи столь великимъ, шествуешь одинъ?.... Ты собесѣдуешь *сошедшись* (встрѣтившись) со *свѣтлыми*, —скажи намъ, что́ тебѣ (нужно) у (отъ) насъ“. Это говорятъ Маруты, которыхъ встрѣчу и бесѣду съ Индрою воспроизводитъ гимнъ I. 165. Фраза съ нашими причастіями аориста образуетъ составное сказуемое, гдѣ глаголъ sam-pṛchase (собесѣдуешь) есть знаменательная *псевдосвязка*, а причастіе аор. *sam-arāṇa-s* (встрѣтившійся. сошедшійся) есть *аппозиція*, при чемъ это причастье ясно выступаетъ въ значеніи „совершеннаго“ вида. Другое причастье аориста, *çubhānais* (со свѣтлыми). служитъ дополненіемъ (если оно замѣна имени Марутовъ) или опредѣленіемъ къ подразумѣваемому marudbhis (съ Марутами), и относится (прямо или черезъ посредство marudbhis) къ обѣимъ частямъ сказуемаго, глаголу и причастію. Это послѣднее обстоятельство (явленіе весьма обычное въ языкѣ ведійскихъ гимновъ) служитъ между прочимъ указаніемъ на компактность составнаго сказуемаго, еще очень далекаго отъ того состоянія, когда обнаруживаются первые признаки его распаденія. Обратимъ вниманіе на то, что глаголъ и причастье одинаково снабжены частицею *sam*, отъ которой и зависитъ инструментальный падежъ дополненія çubhānais. Эта частица и дополненіе, относящееся къ цѣлому „sam-pṛchase sam-arāṇa-s“, яснѣе, отчетливѣе выдѣляютъ это сочетаніе, какъ синтактическую единицу, только не простую, не однородную, а сложную—изъ двухъ моментовъ, изъ которыхъ одинъ, глаголъ, именно въ силу этой компактности, этой цѣльности сочетанія, и проявляется въ сознаніи въ роли *формальной связки*,—при всей фиктивности этой роли, при всей своей знаменательности, какъ самостоятельной части сказуемаго, предицирующей прежде всего свое собственное лексическое значеніе.—Аппозитивный характеръ и также „аористическое“ значеніе причастья, образующаго второй моментъ составнаго сказуемаго, достаточно ясны изъ контекста (фразу можно разложить на „встрѣтился и собесѣдуешь“). Что касается „аористическаго“ значенія другаго причастія—*çubhānais*, то оно, какъ мнѣ кажется, можетъ быть установлено справкою со стихомъ первымъ того же гимна, гдѣ читаемъ: *káyā çubhā*.... marútaḥ *sám mimikṣuḥ* (вопрошаетъ Индра)—„*какимъ блескомъ* Маруты *возсіяли*?“—Здѣсь имѣемъ: 1) существительное *çubh*—блескъ, сіяніе—отъ того же корня, что́ и въ глаголѣ *çubh*, отъ коего въ ст. 3-мъ наше причастіе аор. *çubhānais*,

и 2) *перфектъ* sam-mimikṣur (отъ myakṣ—сіять). Итакъ, Индра вопрошаетъ: какимъ блескомъ Маруты возсіяли? И вотъ, въ стихѣ 3-мъ, эти Маруты, въ свою очередь, величаютъ себя *cubhānā-s*—возсіявшими, пріобрѣтшими блескъ,—„свѣтлыми“.

3) *juṣāṇa*—отъ *juṣ*—вкушать, пробовать, находить вкусъ, удовольствіе въ чемъ, любить (аор. ajuṣran; настоящее conj. juṣāte, imperat. joṣa)—часто встрѣчается въ соединеніи съ дополненіями, обозначающими жертвенные дары, напитокъ Сомы, молитвы, гимны, и легко переводится „вкусивъ (вкусившій)“, „найдя удовольствіе въ ....“, напримѣръ, III, 32, 5: manuṣvád indra sávanam juṣāṇáḥ píbā sómam... „по примѣру людей, о Индра, *вкусивъ* возліяніе (или: найдя вкусъ въ (нашемъ) возліяніи), пей Сому“. Фразу эту можно понимать двояко: 1) причастіе аор. juṣāṇa-s есть аппозиція и значитъ „если ты (такъ какъ ты) нашелъ удовольствіе въ ...“, то-есть, „если тебѣ понравилось (наше возліяніе, — собственное изготовленіе, выжиманіе напитка Сомы)“; 2) причастье juṣāṇa-s есть предикат. аттрибутъ и значитъ: „ты, который возлюбилъ (которому понравилось) возліяніе.— IV, 58, 8 ..... ghṛtásya dhārāḥ samídho nasanta tā́ *juṣāṇó* haryati jātávedāḥ—„струи ghṛta (растопленнаго масла, которое лили на священный огонь) сочетались съ дровами (лучинами); *вкусивъ* ихъ, радуется (доволенъ) Джаташедасъ (Агни)“; очень возможно, что здѣсь сочетаніе juṣāṇó haryati („вкусившій радуется“) значитъ: „радуется, что вкусилъ“—по образчику „сожалиси отславъ“—пожалѣлъ, что отослалъ (Потебня, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 152).— VII, 24, 4. ā́ no víçvābhir ūtíbhiḥ sajóṣā bráhma *juṣāṇó*..... yāhi... „пріѣди къ намъ, вмѣстѣ со всѣми вспомоществованіями, *вкусивъ* (нашу) молитву“. Индра (къ которому обращенъ стихъ) сперва долженъ „вкусить“ молитву людей,—а потомъ ужъ онъ пріѣдетъ: „молитва“ заставитъ его пріѣдти. — Причастіе juṣāṇá—употребляется и безъ дополненія, напримѣръ, I, 135, 2: yāhy asmayúr *juṣāṇó* yāhy asmayúḥ—„пріѣди преданный намъ, *возлюбившій*, пріѣди преданный намъ“. Здѣсь термины asmayu-s и juṣāṇa-s суть вторые именительные и служатъ предикативными аттрибутами (пріѣди — какой, какимъ?) при знаменательной связкѣ yāhi („пріѣди“ вмѣсто „будь“). Нелишне отмѣтить слѣдующую подробность. Собственно говоря, глаголъ yāhi (если взять нашу фразу не отдѣльно, а въ контекстѣ съ предшествующими и послѣдующими стихами гимна) долженъ быть понимаемъ здѣсь, какъ *псевдосвязка*: онъ предицируетъ свое собственное лексическое значеніе, — подобно глаголу upa-yāhi въ первомъ и

третьемъ стихахъ; да и весь гимнъ, можно сказать, построенъ на обращеніи къ Vāyu (отдѣльно) и къ Индрѣ и Vāyu (вмѣстѣ) съ возваніемъ: прійди (прійдите) къ нашему жертвенному пиршеству. Но въ нашемъ стихѣ, гдѣ, въ силу наличности второго именительнаго (причастія), глаголъ yāhi принимаетъ на себя обязанность формальной связки, онъ, при всемъ своемъ самопредицированіи, невольно и незамѣтно превращается изъ псевдосвязки въ настоящую знаменательную связку—по той простой причинѣ, что онъ, по своему лексическому значенію, принадлежитъ къ тѣмъ глаголамъ, которые искони служили связками (car, i, yā и др. — „ходить, идти, шествовать“ и пр.). Здѣсь можно усматривать дѣйствіе безсознательнаго сужденія, которое, еслибы дошло до сознанія, разложилось бы такъ: yāhi предицируетъ свое собственное лексическое значеніе и есть псевдосвязка; но это лексическое значеніе сплошь и рядомъ утилизируется для выраженія настоящей знаменательной связки („прійди“ вмѣсто „будь“); а потому и здѣсь глаголъ yāhi ощущается, какъ подлинная, а не только формальная, связка.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ контекстъ позволяетъ (а иногда и требуетъ) понимать причастіе juṣāna—въ значеніи совершеннаго вида.

4, 5) dṛçānā́-, dṛ́çāna — отъ dṛç — смотрѣть, видѣть (аор. darçam; темы настоящаго нѣтъ) и *rucānā́* — отъ *ruc* — сіять, свѣтить (аор. удвоенный arūrucat; настоящее rocate) въ ст. X, 45, 8: *drçānó* rukmá urviyā́ vy àdyaud durmarṣam āyuḥ çriyé *rucānáḥ—усмотрѣнный* (явившійся, выглядящій) какъ золото, (Агни) широко свѣтилъ, *возсіявшій* непреходящею (?) жизненною силой къ (вящшему) величію“ [1]. — Здѣсь составное сказуемое изъ 1) знамен. псевдосвязки vy adyaut—свѣтилъ, 2) предикативнаго аттрибута, выраженнаго сочетаніемъ существительнаго rukma-s (золото) съ знаменательной причастной связкою drçāna-s (совершенно аналогичною той, которая въ вышеразсмотрѣнныхъ стихахъ IV, 17, 17 и I, 127, 11 выражена причастіемъ перфекта отъ того же глагола — dadṛçāna-), и 3) другаго предикативнаго аттрибута, представленнаго причастіемъ аор. rucāna-s съ двумя дополненіями.—I, 92, 12.... (uṣās) áminatī daívyāni vratā́ni sū́ryasya ceti raçmíbhir *drçānā́*—„не нарушая (прич. наст.—аппозиція: Саяна — kiṃ kurvatī — что дѣлая?) божественныхъ законовъ, Ушасъ (Зоря) стала видна *явившаяся* (обнаружившаяся) (вмѣстѣ) съ

[1]) По Саянѣ, durmarṣam здѣсь нарѣчіе въ значеніи „неодолимо“ (durabhibhavam).

лучами солнца". — Можно перевести и такъ (ближе къ толкованію Саяны): „..... была узнана (объявилась, ceti) *усмотрѣнная* (вмѣстѣ) съ лучами солнца". Саяна [1]) передаетъ медіальное причастіе аор. dṛçānā черезъ причастіе *страдательное* настоящаго съ присоединеніемъ къ нему причастія настоящаго отвлеченной связки (as,—„усматриваемая сущая"). Пассивное значеніе, конечно, возможно въ данномъ случаѣ (но далеко не обязательно). Что же касается передачи этого причастія аориста причастіемъ (страдательнаго) *настоящаго времени*, то это отнюдь не уполномочиваетъ насъ въ самомъ дѣлѣ отожествлять по значенію форму dṛçāna—съ причастіемъ настоящаго, ибо извѣстно, съ какимъ произволомъ замѣняетъ Саяна одни времена другими, и не только въ причастіяхъ, но и въ формахъ verbi finiti. Въ нашемъ стихѣ вполнѣ возможно понимать dṛçānā, какъ причастіе совершеннаго вида.

6) *piçāná*—отъ *piç* — 1) нарѣзывать, дѣлать рѣзьбу; 2) украшать вообще (настоящее piṃçati). Не вижу надобности отказывать этой формѣ въ аористическомъ значеніи—потому только, что въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ ее находимъ, контекстъ позволяетъ переводить ее и причастіемъ настоящаго. VII, 57, 3: á ródasī viçvapíçaḥ *piçānáḥ* samānám anjy ànjate (marutaḥ) çubhé kám — *разукрасивъ* (причастіе) два міра (небо и землю), обладатели всѣхъ украшеній, Маруты умащаются общимъ (одинаковымъ) умащеніемъ (или наряжаются въ одинаковый блескъ) для (вящшаго) сіянія (или: для красы)". Ludwig: die beiden welten schmückend, sie die allen schmuck haben, machen sie gemeinsam sich glänzend zur schonheit. Саяна, который, какъ сказано, не соблюдаетъ различія временъ, комментируетъ (ā)piçānāḥ причастіемъ *настоящаго* prakāçayantaḥ—„озаряющіе". Смыслъ стиха таковъ (принимая въ соображеніе и первую его половину): „не такъ (блещутъ) другіе (боги), какъ вотъ эти Маруты блещутъ золотыми украшеніями, оружіемъ и сами собою (своими тѣлами): вѣдь это они *разукрасили* оба міра и сами, обладатели всѣхъ украшеній, умащаютъ себя и т. д.". Въ подлинникѣ имѣемъ составное сказуемое изъ псевдосвязки (aṅjate) и сочетанія viçvapíçaḥ á—piçānáḥ, образующаго, какъ бы особое цѣлое, составленное изъ предикативнаго аттрибута viçvapiças (имя, существительное и прилагательное, съ причастнымъ характеромъ и собственною предикативностью) и аппозиціи—

[1]) Saṁvoṣāḥ sūryasya raçmibhiḥ kiranaiḥ dṛçānā dṛçyamānā satī ceti (prajñātāsīt).

причастіе аор. ā-piçānās.—Моментомъ, связующимъ эти два термина въ одно цѣлое, служитъ то, что они произведены отъ одного и того же корня (piç) и реторически-преднамѣренно сопоставлены во фразѣ [1]).

7) *pṛcānā*—отъ *parc*—наполнять, смѣшивать съ (о жидкостяхъ), надѣлять, одарять (тема настоящаго pṛnakti; причастіе настоящаго pṛñcāna-). Въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ находимъ эту форму, контекстъ позволяетъ переводить ее и какъ причастье аориста, и какъ причастье настоящаго. Не вижу надобности предпочитать послѣднее (для котораго имѣется форма pṛncāna-) и переведу IX, 97, 11: ádha dhā́rayā mádhvā *pṛcānás* tiró róma pavate ádridugdhaḥ.... „вотъ *наполнившійся* (налившійся, въ смыслѣ изобилующій жидкостью, сочный) струею—медомъ [2]), черезъ волосъ (собирательно, въ смыслѣ „черезъ волосы“ (изъ хвоста овцы), изъ которыхъ дѣлали цѣдилку для процѣживанія жидкости Сомы; но принимается и форма множественнаго средняго рода—roma) течетъ выдоенный камнями (Сома,—растеніе, изъ стеблей коего выдавливался сокъ посредствомъ каменныхъ прессовъ)“. Кстати замѣтимъ, что во второй половинѣ стиха (продолженіе той же фразы) стоитъ другое причастье аориста, уже знакомое намъ *juṣāṇa-s*: índur índrasya sakhyā́m juṣāṇó.... „Инду (Сома) *вкусившій* (возлюбившій) дружбу Индры...“. Первое причастье, pṛcāna-s, можно принять за аппозицію: наполнившись (налившись) сокомъ, то-есть, превратившись въ жидкость (послѣ прессовки), онъ течетъ... Второе, juṣāṇa-s, скорѣе предикативный аттрибутъ. Напитокъ Сомы приготовляютъ главнымъ образомъ для Индры, Сома—другъ и союзникъ Индры, и квалификація „возлюбившій дружбу Индры“ характеризуетъ Сому вообще, не имѣя отношенія къ самой процедурѣ выжиманія и процѣживанія, о которой идетъ рѣчь въ стихѣ. Можно перифразировать, оттѣняя предикативную аттрибутивность второго причастія, такъ: „налившись (пожалуй, излившись) жидкостью, онъ течетъ, выдоенный камнями, черезъ волосъ, — онъ, который (какъ извѣстно) возлюбилъ дружбу Индры....“ — Аористическое значеніе причастья pṛcāna — можно еще оттѣнить противопоставленіемъ ему

---

[1]) Я перевелъ viçvapíçaḥ, согласно Саянѣ и Людвигу, какъ bahuvrīhi. Но весьма возможно, слѣдуя Грассману (Wörterb. s. v.), принять это сложное за tatpuruṣa и перевести „всеукрашающіе“. Въ такомъ случаѣ наше сочетаніе viçvapiça ā-piçānāḥ будетъ родъ ἓν-διὰ-δοῖν. „всеукрашающіе—украсившіе“

[2]) Мадли-медъ и опьяняющій напитокъ — обозначаетъ священный напитокъ Сомы, его „амброзію“, или „эссенцію“, въ немъ заключенную. Конструкція паратактичная. струею-медомъ вмѣсто струею меда.

причастія настоящаго (отъ того же глагола) sam-pr̥ńcāna-, которое находимъ въ ст. I, 95, 8, гдѣ оно значитъ „соединяющійся съ“ („когда онъ, Агни, соединяется съ молокомъ и водою“,—причастье настоящаго вмѣсто verb. fin.), и здѣсь контекстъ прямо указываетъ на настоящее время (или *несовершенный* видъ) причастія, чего не дѣлаетъ контекстъ только-что разобраннаго стиха IX, 97, 11. На основаніи этихъ данныхъ, я думаю, что напрасно Дельбрюкъ отказывается различать эти двѣ формы (pr̥cāna-и pr̥ṇcāna-) съ точки зрѣнія времени и вида (Altind. Synt., 381. § 214).

8) *budhāná* — отъ *budh* — знать; бодрствовать (соотвѣтственныя формы verbi finiti—budhanta, abudhran и др. могутъ считаться аористами; обычная тема наст. bodha-ti). IV, 51, 8: .....r̥tásya devíḥ sádaso *budhānáḥ* ....uṣáso jarante—„.....*пробудившись* (аппозиція, причастье аориста въ значеніи совершеннаго вида) изъ обители r̥ta (міропорядка, космоса) богини.... Зори поютъ“.—Въ ст. VII, 68, 7 budhāná-s еще яснѣе выступаетъ въ аористическомъ значеніи: „этотъ пѣвецъ поетъ гимны, *проснувшись* (аппозиція, причастье аориста) въ началѣ Зорь.....“.

9) *bhiyāná*—отъ *bhi*—бояться, страшиться. Самъ Дельбрюкъ отмѣчаетъ (Altind. Synt. § 214) ясное семазіологическое отличіе этого причастія отъ прич. *наст.* bháyamāna-, сопоставляя стихи VI, 9, 7 — víçve devā́ anamasyan *bhiyānás* tvā̀m agne támasi tasthivā̀ṃsam — alle Götter verehrten dich, o Agni, *in Furcht gesetzt*, als du im Dunkel dastandest — и II, 29, 6:—ā́ vo hā́rdi *bháyamāno* vyayeyam—an euer Herz mochte ich mich schmiegen *voll Furcht* (in furchtsamer Stimmung). Bhiyānā̀-s стиха VI, 9, 7 можетъ быть понято, какъ аппозиція (разлагаемая на: послѣ того какъ они испугались, потому что испугались); bháyamāna-s стиха II, 29, 6 есть предикативный аттрибутъ, который можно сжать въ обстоятельство: „въ страхѣ“ (стихъ уже былъ цитированъ нами въ гл. II).

10) *idhāná*—отъ *idh*— зажигать (тема наст. по VII классу inadh-, indh-; причастье наст. indhāná-),—съ частицею *sam* весьма употребительная форма (болѣе 30 разъ) въ выраженіяхъ, относящихся къ возжиганію священнаго огня. Дельбрюкъ рѣшительно настаиваетъ на аористическомъ значеніи этой формы:—Dieses Participium (говоритъ онъ. Altind. Synt., стр. 381) wird (mit Ausnahme von I, 143, 7, IV, 12, 2, V, 14, 1) neutral oder passivisch gebraucht und heisst: zum Flammen gekommen (соверш. видъ), z. B. VII, 67, 2: áçocy agníḥ *samidhānó* asmé—„Agni ist erschienen, von (bei) uns zum Flammen

geḃracht", so dass samidhāna von sámiddha — kaum verschieden ist.— Для насъ интереснѣе *медіальное* употребленіе этой формы въ составномъ сказуемомъ, которое и находимъ въ указанныхъ Дельбрюкомъ стихахъ IV, 12, 2 и V, 14, 1.—IV, 12, 2: idhmáṃ yás te jaḃhárac chaçramāṇo maḥó agne ánīkam ā́ saparyán, sá *idhānàḥ* práti doṣam uṣā́sam púṣyan rayíṃ sacate ghnánn amitrān—„(всякій) кто (только) принесъ тебѣ потрудившійся (потрудившись, причастье перфекта) лучину, поклоняющійся (поклоняясь, почитая, причастье наст.) лику великаго, о Агни,—тотъ, *возжегши* (причастье аориста) себѣ вечеромъ (и)на-зорѣ, слѣдуетъ (по своему пути, живетъ) развивая (причастье наст.) богатство, убивая (причастье наст.) враговъ". Здѣсь, въ первой половинѣ стиха, въ придаточномъ предложеніи, имѣемъ составное сказуемое—изъ знаменательной псевдосвязки jaḃharat (conj. perf.)—„принесъ" и двухъ аппозицій: çaçramāna-s (причастіе перфект, „послѣ того какъ онъ потрудился", приложилъ трудъ) и ā-saparyan (причастіе наст., „почитая"); во второй половинѣ, въ главномъ предложеніи, находимъ составное сказуемое изъ знаменательной или полузнаменательной *связки* (не фиктивной) *sacate*—слѣдуетъ, шествуетъ впередъ (вмѣсто отвлеченной *asti*) и а) аппозиціи, выраженной интересующимъ насъ причастьемъ аориста *idhāna-s* въ значеніи „послѣ того какъ онъ возжегъ себѣ", и б) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ — puṣyan (причастіе наст., съ дополненіемъ rayim) и ghnan (причастіе наст., съ дополненіемъ amitrān). Вся фраза представляетъ собою образецъ стройной конструкціи сложнаго предложенія архаическаго типа съ причастіями разныхъ *качествъ* дѣйствія (видовъ) и въ различной—аппозитивной и предикативно-аттрибутивной—роли,—съ полузнаменательною связкою и съ псевдосвязкою. Все это собрано въ одной фразѣ, прекрасно расчленено, удачно размѣщено и производитъ эффектъ своеобразной „красоты" выраженія, которая для насъ, на разстояніи вѣковъ, осложняется еще дѣйствіемъ того мотива, который заставляетъ, напримѣръ, зоолога любоваться хорошо-сохранившимся экземпляромъ исчезнувшей разновидности, представляющимъ ея типичныя черты. — V, 14, 1: agníṃ stómena ḃodhaya *samidhānó* ámartyam—„Агни (вин. ед.) гимномъ пробуждай. *возжегши* себѣ безсмертнаго" (псевдосвязка — ḃodhaya; причастье аориста samidhāna-s въ роли, вѣроятно, аппозиціи: зажги, воспламени—и пробуждай....).

11) *manāná*—отъ *man*—думать, чувствовать — (причастье наст. *manvāná* — отъ темы VIII класса *manu-*; другая форма, отъ темы

amna- 1-го класса, *mánamāna-*, въ Ригъ-Ведѣ не встрѣчается). VI, 67, 10: ví yád vā́cam kīstā́so bhárante çáṃsanti ké cin nivído *manānā́h*—„когда пѣвцы раздѣляютъ рѣчь (пѣснь, поютъ не цѣлые гимны а только ихъ части, напримѣръ, начальные стихи или отдѣльныя изреченія, обращенія къ тому или другому божеству, что̀ и называлось *nivid*), нѣкоторые (пѣвцы) декламируютъ (изрекаютъ, поютъ) „нивиды" (отдѣльныя изреченія), *затвердивъ* (ихъ)..". — Причастіе manānās, переданное мною дѣепричастіемъ *затвердивъ* (запомнивъ, выучивъ), принадлежитъ къ числу тѣхъ, весьма нерѣдкихъ, выраженій въ Ригъ-Ведѣ, которыя допускаютъ различныя толкованія, и точный смыслъ которыхъ весьма трудно установить. Саяна передаетъ его черезъ agnyādīn stuvantas — „прославляющіе (гимнами) Агни и прочихъ (боговъ)". Грассманнъ (Worterb., s. v. man) переводитъ *andachtig* [1]) или *betend*; Людвигъ — *beabsichtigend*: wenn die Sänger die Stimme erheben, irgend welche sprechen eine nivid beabsichtigend. Мнѣ казалось бы, что въ данномъ случаѣ нужно обратить вниманіе на вторую половину стиха, а засимъ привлечь къ дѣлу стихъ X, 68, 7, гдѣ находимъ verbum fin. того же аориста (отъ man). Вторая половина стиха VI, 67, 10 явно противопоставлена первой. Весь стихъ гласитъ: „когда пѣвцы раздѣляютъ пѣснь, то иныя произносятъ нивиды, которые они заучили, — *но мы будемъ пѣть* (произносить) вамъ (Митрѣ и Варунѣ) *подлинные* (настоящіе, истинные) *гимны* (а не однѣ только выдержки оттуда, нивиды)...." (ā́d vām bravāma satyā́ny ukthā́....). Очевидно, manānās, при такомъ противопоставленіи, должно заключать въ себѣ оттѣнокъ нѣкотораго осужденія, порицанія или пренебрежительности. Мнѣ кажется, этотъ оттѣнокъ сводится къ мысли, что „нѣкоторые" думаютъ угодить Митрѣ и Варунѣ одними нивидами, — думаютъ отдѣлаться тѣмъ, что затвердили краткія обращенія, отрывочныя фразы изъ гимновъ и преподносятъ ихъ этимъ великимъ богамъ вмѣсто цѣлаго гимна. Обращаясь теперь къ стиху X, 68, 7, мы находимъ тамъ аористъ *á-ma-ta* (тотъ самый и притомъ въ *медгумѣ*, отъ коего наше *медіальное* причастіе manāna-) въ значеніи *узналъ*, *позналъ*: bṛ́haspatir *ámata* hi tyád āsām náma svaríṇām.... „Бргаспати узналъ (Людвигъ: erriet) то имя тѣхъ звучащихъ...." — Въ стихѣ, нами разсмотрѣнномъ, причастіе manānās можетъ быть понято, смотря по намѣреніямъ говорящаго, и какъ аппозиція, и какъ предикативный аттрибутъ.

---

[1]) Такъ и въ С.-Петербургскомъ Словарѣ, гдѣ цитируется нашъ стихъ.

12) *yátāna-*, *yatāná*—отъ *yat*—1) соединять, 2) устремлять, побуждать (причастіе наст. yátamāna). III. 8, 9: haṃsā́ iva çreṇiśo *yátānāḥ* çukrā́ vásānāḥ sváravo na ā́guḥ—словно птицы—haṃsa,—соединившіяся рядами. облекшіяся въ свѣтлыя (одѣянія, цвѣта) „свару“ (жертвенные столбы, представлявшіеся одушевленными и даже обоготворявшіеся) явились къ намъ“. Здѣсь составное сказуемое изъ знаменательной псевдосвязки (āgur — пришли, явились) и двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: yátānās—соединившіеся и vásānās—облекшіеся. Это не аппозиція, потому что въ нихъ дано описаніе „svaravas“, дана ихъ характеристика (какіе они?), подчеркнутая сравненіемъ съ haṃsa. Изъ двухъ причастій, первое (yátāna-) безспорно принадлежитъ аористу, второе же (vásāna-) можетъ принадлежать и темѣ настоящаго vas—(3 sg. vaste, 3 pl. vas-ate). Но весьма вѣроятно, что и оно здѣсь относится къ аористу: оно параллельно первому. и оба удобнѣе всего переводятся совершеннымъ видомъ.

13) *yodhānā́*—отъ *yudh*—сражаться (тема наст. *yudhya-*; аористъ yudh-. yodh-: yotsi, yodhi и др.). I, 121, 8: aṣṭā́ mahó divá ā́do hárī ihá dyumnāsā́ham abhí *yodhānā́* utsam—„ты стяжалъ съ великаго неба 8 гнѣдыхъ (коней), *завоевавъ* здѣсь источникъ, обладающій величіемъ (или мощью)“. Какъ видно изъ второй половины стиха, этотъ источникъ, обладающій мощью, есть напитокъ Сомы. Смыслъ стиха: Индра стяжалъ (пріобрѣлъ) своихъ гнѣдыхъ коней, послѣ того какъ онъ овладѣлъ напиткомъ Сомы (abhi-yudh—завоевывать). Здѣсь составное сказуемое изъ псевдосвязки (ādas—взялъ. стяжалъ) и аппозиціи—причастіе аориста abhi-yodhānas въ значеніи совершеннаго вида.

14) Rúhāṇa—отъ *ruh*—подыматься, расти, восходить (тема наст. roha-ti, откуда причастіе наст. актив. róhan, медіальн. róhamāṇa—(не встрѣчающееся въ P. B.); тема аор. *ruha*—). I, 32, 8: nadáṃ ná bhinnám amuyā́ çáyānam máno *ruhāṇā́* ati yanty ápaḥ. — Тутъ есть одна неясность, въ силу которой можно даже отвергнуть здѣсь причастіе отъ *ruh* и принять таковое отъ *vah*, какъ это предложилъ Пишель. Сперва послушаемъ Саяну: amuyāmuṣyām pṛthivyām çayānam patitam mṛtam vṛtram āpo jalāny atiyanti atikramya gacchanti [tatra dṛṣṭāntaḥ] bhinnam bahudhā bhinnakūlaṃ nadaṃ na sindhum na..... *воды протекаютъ* перешагнувъ *чрезъ* Вртру *лежащаго*, упавшаго, мертваго, тамъ, на той землѣ. Тутъ сравненіе: *словно разорванную*, имѣющую разорванные берега *рѣку* [1])..... kīdṛçya āpaḥ *tato*

[1]) Курсивомъ отмѣчены подлинныя выраженія текста стиха; остальное — объясненія Саяны.

rṇhāṇāḥ ¦ nṛṇām cittam ārohantyaḥ—„какія воды?—въ чувство (душу) людей вступающія“. Это послѣднее выраженіе Саяна поясняетъ тѣмъ, что, когда нѣтъ дождя (плѣненнаго въ тучахъ Вртрою), то люди страдаютъ; когда же дождь проливается,—они довольны, радуются, удовлетворены. Слѣдовательно, по Саянѣ, мы имѣемъ здѣсь существенное ср. р. *manas* (чувство. душа) и причастіе *ruhāṇāḥ*. какъ раздѣлено и въ текстѣ pada-pāṭha. Такъ же читаетъ и Людвигъ, но понимаетъ иначе: ihn, der wie ein zerrissen fluszbett dalag, — *ein herz sich faszend* überschreiten die wasser. Наконецъ, Пишель предлагаетъ читать *manor uhānāh* и (принимая *naḍa*=naḍa—тростникъ, какъ въ ст. I. 179. 4) переводитъ: über ihn, der so dalag. zermalmt wie ein Schilfrohr, gehn hinweg die Gewässer *zu den Menschen fliessend* (manor — gen. sg. отъ manu — человѣкъ и uhānās — причастье аор. отъ vah — везти. въ мед. двигаться, течь (Zeitschr. d. D. Morgenl. Gesellsch. XXXV, 717 и слѣд.). — Но возможна и еще одна комбинація. Можно читать *mano(r) ruhāṇāḥ*, то-есть, принимая, по Пишелю. *manor* за родит. е. отъ *manu* — человѣкъ, удержать причастіе *ruhāṇāḥ* и перевести: для человѣка взошедшія“. Весь стихъ я бы перевелъ такъ: „черезъ лежащаго тамъ, словно разломанный тростникъ, (Вртру) протекаютъ воды для человѣка (для людей собирател.) взошедшія“ (на небо, въ тучи, откуда онѣ дождемъ изливаются на землю). Причастіе аор. ruhāṇāḥ, при такомъ переводѣ, имѣетъ ясно-выраженное аористическое значеніе. Оно здѣсь предикат. аттрибутъ (какія во́ды? –Тѣ, что́ въ тучахъ, воды небесныя—divyā āpaḥ).

15) *úhānā* — отъ vah — везти (то самое. которое въ только что разсмотрѣнномъ стихѣ предположено Пишелемъ; тема аориста a-vah—, vah—, uh—; тема настоящаго vaha—, причастіе настоящее váhamāna—). VIII, 40, 8: indrāgnyór ánu vratám *úhānā* yanti sindhavaḥ..... „по закону (завѣту) Индры и Агни *потекшія* движутся рѣки....“. Такъ (то-есть, uhānās отъ vah) Грассманнъ (Wörterb. s. v. *vah*) и Саяна, который впрочемъ даетъ искусственное и неправдоподобное толкованіе: uhānā havirvahantaḥ — „uhānāḥ (значитъ) привозящіе жертвенную пищу“. Иначе Людвигъ: auf Indra's und Agni's weg (gebot) *achtend* wandeln die ströme...., то-есть, онъ читаетъ ūhānās (вмѣсто uhānās)—отъ *ūh*—внимать, принимать за, считать. полагать. и эту форму прійдется принять за причастіе перфекта. Я предпочитаю uhānās. такъ какъ эта форма даетъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ. Составное сказуемое úhānā yanti можно пони-

мать двояко: 1) причастіе úhānās есть предикативный аттрибутъ (а, можетъ быть, и аппозиція) съ дополненіемъ anu vratam („потекшія по завѣту"); глаголъ yanti (движутся) есть знаменательная связка (не псевдосвязка); сочетаніе близкое къ тавтологичности; 2) сочетаніе ánu... úhānā yanti — „потекшія шествуютъ (идутъ. текутъ) вслѣдъ за...., слѣдуютъ за.... „образуетъ форму, въ которой глаголъ anu-yanti есть *псевдосвязка*, а úhānās—предикативный аттрибутъ, сбивающійся на прилагательное въ значеніи „быстрые", „стремительные"; въ переводѣ онъ можетъ быть замѣненъ нарѣчіемъ (быстро, стремительно, неукоснительно). Дополненіе vratam относится къ цѣлому anu... uhānā yanti. Смыслъ стиха, при такомъ пониманіи, сводится къ слѣдующему: „рѣки (то-есть, страна семи рѣкъ, или живущіе по этимъ рѣкамъ арійцы) неукоснительно слѣдуютъ за режимомъ (культомъ и, властью) Индры и Агни".

16) *vipāná*—отъ *vip*—дрожать (тема настоящаго *vepa*—). VIII, 6, 29: átaḥ samudrám udvátaç cikitvā́n áva paçyati | yáto *vipāná* èjati—„оттуда, съ высоты, мудрый (зоркій) онъ (Агни—Vaiçvānara) созерцаетъ море, откуда [относится не къ „морю", а къ „высотѣ", отвѣчая „оттуда"] *вспыхнувъ* (воспылавъ) движется онъ". Я цитировалъ это мѣсто въ „Ведійскихъ этюдахъ" („*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*" 1891, № 3, стр. 9); здѣсь, воспроизводя переводъ, предложенный въ указанной статьѣ, я только замѣняю выраженіе „клубясь", которымъ я тогда перевелъ vipāna-s, выраженіемъ „вспыхнувъ" (воспылавъ). И то, и другое, собственно говоря, условно: vipāna-s (отъ *vip*—дрожать, трепетать, вибрировать) значитъ (принимая аористическое значеніе) „начавшій дрожать или вибрировать", „дрогнувшій". Дѣло идетъ (по моему взгляду) объ особомъ священномъ Огнѣ (Vaiçvānara) [1]), возженномъ для культа Индры—Viçvacarṣaṇi на какой-то горѣ, откуда видно море. Въ причастіи vipāna-s схваченъ тотъ моментъ. когда этотъ огонь впервые воспылалъ. Образъ, взятый отъ представленія трепетанія. дрожанія, вибрированія, вполнѣ пригоденъ для воспроизведенія картины возженнаго огня, пламя котораго именно въ началѣ процедуры, вспыхивая, трепещетъ и колеблется.

17) urāṇá—отъ *var*—избирать, желать себѣ, стяжать (тема наст. vṛṇā—, vṛṇi——по IX классу, причастье настоящее vṛṇāná—). IX, 109, 9: induḥ punānáh prajā́m *urānaḥ* kárad viçvāni drávināni naḥ—

---

[1]) А не объ Индрѣ, или Индрѣ—Солнцѣ, какъ хочетъ Саяна.

„Инду (Сома) очищающійся (процѣживающійся), *избравъ себѣ* (насъ своими?) чадами, да сдѣлаетъ (даруетъ, доставитъ) намъ всякія (всѣ) богатства“ [1]). Здѣсь (при такомъ переводѣ) имѣемъ составленное сказуемое изъ псевдосвязки (karat—да сдѣлаетъ) и двухъ причастій *punāná-s* (причастіе настоящее) въ роли предикативнаго аттрибута и *urāṇa-s* (причастіе аор.) въ роли аппозиціи (хотя можно понимать его и какъ предик. аттрибута) и въ значеніи совершеннаго вида.

18) *srjāná*—отъ *sarj*—изливать. выпускать, освобождать (тема настоящаго srja—ti, откуда причастіе наст. srjamāna—, въ Р. В. не встрѣчающееся). VII, 38, 2: úd u tiṣṭha savitaḥ çrudhi..... vy ùrvíṁ pṛthvíṁ amátiṁ *sṛjāná* á́ nṛ́bhyo martabhójanaṁ suvānáḥ—„восходи (подымайся), о Савитаръ, услышь..... широкій, пространный блескъ (свѣтъ) *излившій*, людямъ воздвигающій (творящій, — относится къ подлежащему, Савитару) человѣческое пропитаніе“.—Савитаръ созидаетъ (даруетъ) людямъ ихъ пропитаніе тѣмъ (въ силу того), что онъ *излилъ* свой свѣтъ, свое животворящее тепло на землю. Здѣсь составное сказуемое изъ двухъ псевдосвязокъ (восходи и услышь) и двухъ причастій, не стоящихъ, однако. какъ я думаю, на одномъ уровнѣ: одно. причастіе наст. ā — suvāna-s, является въ роли предикатнаго аттрибута (эпитеты и дѣянія Савитара обыкновенно выражаются именными и глагольными образованіями отъ корня sū—возбуждать, оживлять. животворить. откуда и самое имя Savitar—возбудитель); другое причастіе аор. *sṛjāna-s*. служитъ аппозицією и ближайшимъ образомъ подчинено первому причастію: оживляющій (дарующій) пропитаніе людямъ, *излившъ* свой (животворный) свѣтъ. то-есть, потому что (послѣ того какъ) онъ излилъ свой свѣтъ.

Въ большинствѣ другихъ случаевъ причастія urāṇa и srjāna — употреблены въ пассивномъ значеніи (первое—избранный, второе—пролитый, излитый, созданный).

Ограничусь приведенными образчиками сочетаній съ причастьями несигматическаго аориста medii (ātmanepadam).

Мы насчитали 18 формъ этого причастія. но это число могло бы быть нѣсколько увеличено. въ особенности если отнести къ аористу нѣкоторыя пограничныя формы, колеблющіяся между темою настоя-

---

[1]) Ludwig переводитъ prajām urāṇa-s иначе: nachwuchs verlangend. Саяна ставитъ prajām параллельно viçvāni draviṇāni (это возможно). Но за то urāṇa-s онъ объясняетъ, цитируя Яску, совсѣмъ неправдоподобно: uru kurvāṇaḥ=bahu kurvāṇaḥ — дѣлающій многочисленнымъ.

щаго и темою аориста. Но во всякомъ случаѣ, сравнительно съ весьма большимъ количествомъ и разнообразіемъ формъ verbi finiti аориста, это число причастій, при всемъ возможномъ увеличеніи его, представляется незначительнымъ. Еще незначительнѣе окажется оно при сопоставленіи съ обиліемъ причастій аориста въ греческомъ.

Что же касается *активныхъ* (parasmaipadam) причастій аориста простаго и причастій *сигматическаго*, то ихъ число ужъ совсѣмъ ничтожно. Первыхъ можно насчитать всего какихъ нибудь четыре примѣра: *çucant*—(отъ *çuc*—возжигать, свѣтить), *vavṛdhant*—(отъ *vardh*—расти, въ каузальномъ значеніи—усиливать, возвеличивать, давать ростъ и силу), *çiṣant*—(отъ *çās*—наставлять, поучать), *sthānt*—(отъ *sthā*—стоять, находиться). IV, 2, 17: ..... *çucánto agnim vavṛdhánta índram ūrvám gávyam pariṣadanto agman*—„..... возжегши Агни, укрѣпивъ (или возвеличивъ) Индру, пришли (благочестивые предки—учредители культа, о коихъ говорится въ первой половинѣ стиха), окружая (осаждая?) стойло коровъ“. При такомъ переводѣ, это будетъ составное сказуемое изъ псевдосвязки (agman—пришли) и трехъ причастій, ихъ коихъ два, причастія аориста çucantas и vavṛdhantas, суть аппозиціи, а третье, причастіе наст. pariṣadantas,—предикативный аттрибутъ (можно перифразировать: зажгли священный огонь, укрѣпили (или возвеличили) Индру и пришли „осаждающіе“.... Это причастіе того сорта, которое въ новыхъ языкахъ передается инфинитивомъ: пришли осаждать. Но возможно и другое пониманіе стиха: примемъ *agman* за знаменательную *связку* (не псевдо-) въ смыслѣ „пришли“ вмѣсто „стали, сдѣлались, явились“ (какими?),—тогда причастье наст. pariṣadantas будетъ предикативнымъ аттрибутомъ, непосредственно относящимся къ этой связкѣ, и его можно перевести „сидящіе вокругъ“ („они стали сидящими вокругъ стойла“, расположились вокругъ него), причастія же аористовъ, çucantas и vavṛdhantas, будутъ уже стоять на второмъ планѣ, примыкая не къ связкѣ agman отдѣльно, а къ цѣлому agman pariṣadantas, и могутъ быть поняты, либо какъ аппозиціи (что̀ сдѣлавъ? послѣ того какъ они зажгли и т д.), либо какъ предикативные аттрибуты (какіе? зажегшіе и пр.).

Въ ст. 15-мъ того же гимна (IV, 2): .... *ádrim rujema dhaníṇam çucántaḥ*—„да расколемъ (разобьемъ) мы обильную сокровищами скалу, *воспламенивъ* (ее? или огонь?)“,—составное сказуемое съ псевдосвязкою и аппозиціею—причаст. аориста.

X, 115, 4: *te* ..... *á ṛaṇvāso yúyudhayo ná satvānám tritám na-*

çanta *pra çiśánta* iṣṭáye—„твои (о Агни) свѣтло-радостные (ranvās, подразумѣвается огни, лучи, можетъ быть, искры) достигали (доходили до, стремились къ) Тритѣ, словно войнолюбивые (воины)—къ герою (ихъ вождю), *научивъ* (его, Триту) жертвоприношенію (?) [1]).

Причастій *сигматическаго* аориста, по Дельбрюку, всего два: *dhakṣat* (отъ *dah*—жечь, горѣть) и *sakṣat* (отъ *sah*—одолѣвать, побѣждать, овладѣвать). Но можно еще указать, вслѣдъ за Грассманномъ, на форму *hāsamāna*—отъ *hā*—идти, шагать. VI, 3, 4 ....dravír ná drāvayati dáru *dhákṣat*—„словно плавильщикъ, онъ (Агни) плавитъ (Саяна: bhasmasāt karoti—обращаетъ въ пепелъ) дерево *сжегши* (его). IV. 12, 1 ..... sá sú dyumnaír abhy àstu *prasákṣat*.... „.... тотъ да побѣждаетъ (беретъ верхъ) величіемъ (властью), *преодолѣвъ* (соперниковъ, или, безъ дополненія, „ставъ сильнымъ, укрѣпившись“). Причастіе *dhakṣat* находимъ еще въ II, 4, 7 (abhí—dákṣat), I, 130, 8 (dákṣat) и въ родит. ед. (dhákṣataḥ) X, 91, 7. Дельбрюкъ (Altind. Synt., § 214), приводя эти два причастія сигматическаго аориста, говоритъ: bei beiden finde ich eine besondere aoristische Bedeutung nicht. Мнѣ казалось бы, что, если не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются, то, по крайней мѣрѣ, въ двухъ вышеприведенныхъ стихахъ (VI, 3. 4 и IV, 12, 1) вполнѣ возможно понимать ихъ именно въ „аористическомъ“ значеніи. Форма имен. муж. р. на -at (по образцу причастій наст. глаголовъ III кл., какъ juhvat, bibhrat) представляется странною, если только это причастіе аориста на -sa. Слѣдуетъ принять, какъ это и дѣлаетъ Brugmann (Grundriss, § 1099, 6 и 1100, 9), въ данномъ случаѣ образованіе отъ темы аориста на -s, раздѣляя dhaks—at [2]),

Форма hāsamānā—находится въ I, 169, 2, гдѣ. повидимому, она образуетъ самостоятельное сказуемое (verb. fin.): .... marútām pṛtsutír *hāsamānā*.... „воинство Марутовъ двинулось“....

При современномъ состояніи научнаго синтаксиса было бы преждевременно углубляться въ изысканіе причинъ, остановившихъ развитіе причастій аориста въ санскритѣ ведійскомъ и приведшихъ къ

---

[1]) Слѣдую Саянѣ, который поясняетъ iṣṭáye перифразомъ yāgāya, между тѣмъ какъ Людвигъ, Ротъ (С.-Пб. сл.) и Грассманнъ видятъ здѣсь iṣṭis—(отъ iṣ)—Antrieb, Aufsuchen, Wunsch и пр.

[2]) Не принявъ этого во вниманіе, а также упустивъ изъ виду форму dhákṣat, я, въ статьѣ „Къ вопросу объ индикативѣ“ (Сборн. Χαριστήρια, стр. 208, прим. 2), ошибочно квалифицирую форму prasákṣat стиха IV, 12, 1 какъ неясную, и предлагаю ненужную конъектуру.

ихъ исчезновенію въ санскритѣ классическомъ. Замѣчу только, что вопросъ о судьбѣ причастій не долженъ быть отдѣляемъ отъ вопроса о тѣхъ формахъ verbi finiti, къ которымъ данныя причастія принадлежатъ. Verbum fin. разныхъ аористовъ въ ведійскомъ санскритѣ встрѣчается весьма часто: но въ санскритѣ классическомъ употребленіе аористовъ уже значительно ограничено, и тамъ, для огромнаго большинства глаголовъ, аористъ, какъ простой, такъ и сигматическій, составляетъ въ своемъ родѣ рѣдкость. Весьма вѣроятно, что въ этомъ отношеніи классическій санскритъ являетъ намъ картину дальнѣйшаго развитія того самаго процесса, который начался въ эпоху ведійскую. Этотъ процессъ впервые обнаружился въ томъ, что *причастія* аористовъ стали употребляться сравнительно рѣдко, между тѣмъ какъ личныя формы тѣхъ же аористовъ продолжали быть въ большомъ ходу. Въ послѣдующія эпохи той же участи подверглись уже и личныя формы аористовъ. Какъ на явленіе, благопріятствовавшее этому процессу (а, можетъ быть, только ему сопутствовавшее), можно указать на противоположную участь перфекта и его причастія. Дѣло представляется такъ, какъ будто причастья аориста вытѣснялись причастіями перфекта, а въ послѣдующія эпохи употребленіе личныхъ формъ аориста было ограничено употребленіемъ личныхъ формъ перфекта, а также и другими способами выраженія прошедшихъ временъ. Указать на замѣтное различіе *въ значеніи* между причастьями аориста и перфекта мы не можемъ. При незначительности или, можетъ быть, отсутствіи этого различія, замѣна одного причастья, напримѣръ, аориста, другимъ—перфектнымъ была дѣломъ весьма простымъ и обычнымъ. Но мы не знаемъ, почему не произошло обратнаго явленія,—замѣны причастій перфекта причастьями аориста. Весьма возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ мысли, что распространеніе причастій и личныхъ формъ перфекта насчетъ аористовъ было не причиною, а слѣдствіемъ убыли послѣднихъ: формы, причастныя и личныя, перфекта вступали на мѣсто, уже освобожденное аористами, убывавшими по другой, намъ неизвѣстной, причинѣ.

Греческій языкъ, въ отношеніи аористовъ, въ особенности ихъ причастій, являетъ намъ картину, діаметрально-противоположную тому, что мы видимъ въ санскритѣ. Аористы въ греческомъ, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ формъ глагола, и въ частности составныя сказуемыя съ причастіями аористовъ являются излюбленнымъ, характернымъ для языка оборотомъ, приспособленнымъ для выраженія весьма разнообразныхъ оттѣнковъ.

Мы распредѣлимъ наши примѣры между двумя главными рубриками, съ точки зрѣнія отношенія причастной части составнаго сказуемаго къ подлежащему: I) *причастіе—аппозиція* и II) *причастіе—предикативный аттрибутъ*; первую же разобьемъ на подрубрики, съ точки зрѣнія отношенія причастной части составнаго сказуемаго къ глагольной.

I. Причастіе аориста—аппозиція.

1. Причастіе аориста выражаетъ дѣйствіе, непосредственно предшествующее по времени тому, которое обозначено глаголомъ.

Il. XIII, 184: ἀλλ' ὅ μὲν ἄντα ἰδὼν ἠλεύατο χάλκεον ἔγχος... увидѣлъ и уклонился.

Il. XIII, 235: ἄλλ' ἄγε τεύχεα δεῦρο λαβὼν ἴθι — возьми и иди сюда; взявъ, иди....

Il. XIII, 351: Ἀργείους δὲ Ποσειδάων ὀρόθυνε μετελθών—подошелъ и поощрялъ.

Il. XV, 44: τειρομένους δ' ἐπὶ νηυσὶν ἰδὼν ἐλέησεν Ἀχαιούς—увидѣлъ и пожалѣлъ.

Il. XV, 100: ἦ μὲν ἄρ' ὣς εἰποῦσα καθέζετο πότνια Ἥρη—такъ сказала (сказавъ) и сѣла.

Od. XX, 30—31: σχεδόθεν δέ οἱ ἦλθεν Ἀθήνη οὐρανόθεν καταβᾶσα—спустилась съ неба и подошла.

Od. XX, 224—225: εἴ ποθεν ἐλθὼν ἀνδρῶν μνηστήρων σκέδασιν κατὰ δώματα θείη..... прійдетъ и учинитъ разгромъ...

Od. XX, 299—300: ὣς εἰπὼν ἔρριψε βοὸς πόδα χειρὶ παχείῃ κείμενον ἐκ κανέοιο λαβών—такъ сказавъ, бросилъ ногу вола, взявъ ее изъ корзины (сказалъ... взялъ... и бросилъ).

Il. II, 35: ὣς ἄρα φωνήσας ἀπεβήσετο... такъ проговоривъ, ушелъ; сказалъ и ушелъ.

Il. III, 271—273: Ἀτρεΐδης δὲ ἐρυσσάμενος χείρεσσι μάχαιραν.... ἀρνῶν ἐκ κεφαλέων τάμνε τρίχας—извлекъ ножъ... и отрѣзалъ волосы...

Il. VIII, 268—272: αὐτὰρ ὅ γ' ἥρως Παπτήνας, ἐπεὶ ἄρ' τιν' οἰστεύσας ἐν ὁμίλῳ βεβλήκοι, ὁ μὲν αὖθι πεσὼν ἀπὸ θυμὸν ὄλεσσεν, αὐτὰρ ὁ αὖτις ἰών..... δύσκεν εἰς Αἴανθα... *высмотрѣлъ* (цѣль), и лишь только попалъ въ кого нибудь, *выпустивъ* стрѣлу, а тотъ, *упавъ*, испустилъ душу, снова шелъ (ἰών) и прислонялся къ Аяксу....

Il. IX, 657 .... σπείσαντες παρὰ νῆας ἴσαν πάλιν—совершили возліяніе и пошли.....

Il. IX, 712: καὶ τότε δὴ σπείσαντες ἔβαν κλισίηνδε ἕκαστος....

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ глаголъ есть *псевдосвязка*, а причастье

аориста—*аппозиція* и можетъ быть разсматриваемо, какъ второе сказуемое, присоединенное къ первому, глагольному, для выраженія дѣйствія, непосредственно предшествующаго тому, которое выражено глагольнымъ сказуемымъ. Послѣднее исполняетъ роль связки совершенно-фиктивно и формально: въ сознаніи не проявляется его функція — какъ связки. и только. въ силу присутствія во фразѣ второго именительнаго (причастья), какъ бы мелькаетъ въ сознаніи глухой намекъ на эту функцію; можно сказать, что сознается одна лишь форма, безъ соотвѣтственнаго содержанія синтактическихъ отношеній. Глаголъ ограничивается предицированіемъ своего собственнаго лексическаго содержанія, предоставляя причастію предицировать свое.

2) Дѣйствіе, выраженное причастіемъ, одновременно или совмѣстно съ дѣйствіемъ, обозначеннымъ глаголомъ.

Можно различать оттѣнки:

а) Одно дѣйствіе есть моментальное послѣдствіе другаго, напримѣръ, Од. XIX, 452: τὸν δ'Ὀδυσσεὺς οὔτησε τυχὼν κατα δαξιὸν ὦμον.... ранилъ, попавъ („угодивъ“) въ плечо. Аппозиція τυχών могла бы и отсутствовать безъ нарушенія смысла: глагольный предикатъ самъ по себѣ достаточенъ, и сочетаніе οὔτησε τυχών есть родъ ἓν-διὰ-δυοῖν плеонастическаго характера. Но здѣсь мы все-таки имѣемъ два дѣйствія (попасть и ранить), и глаголъ по праву долженъ быть разсматриваемъ, какъ псевдосвязка.

б) Настоящее ἓν-διὰ-δυοῖν, гдѣ обѣ части предиката, глагольная и причастная, выражаютъ не два дѣйствія, а одно и то же дѣйствіе и поэтому могутъ мѣняться мѣстами, напримѣръ, II. XIII, 371: ....καὶ βάλεν ὄψι βιβάντα τυχών и II. XV, 580—581: ...τόν (νεβρόν) τ' ἐξ εὐνῆφι θορόντα θηρητὴρ ἐτύχησε βαλών..... Выраженіе βάλεν τυχών перваго изъ этихъ стиховъ, по смыслу равносильно, выраженію ἐτύχησε βαλών второго. оба значатъ „*попалъ, угодивъ*“,—„ударилъ, попавъ“,—„ловко попалъ, ударивъ“. Здѣсь одно дѣйствіе разложено на два, представлено состоящимъ изъ двухъ моментовъ, которые почти одинаковы (хотя и не тождественны). Глаголъ (въ первомъ случаѣ βάλεν, во второмъ ἐτύχησε) здѣсь уже отнюдь не *псевдосвязка* а то, что мы называемъ *фиктивною связкою*: знаменательность глагола настолько велика, что мѣшаетъ ему быть настоящею связкою,— его предицирующая сила лишь въ слабой степени распространяется на причастье; то при всемъ томъ тутъ нѣтъ того безраздѣльнаго самопредицированія глагола, которое необходимо для псевдосвязки. Что касается причастья, то оно (въ первомъ случаѣ τυχών, во вто-

ромъ βαλών), какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего опредѣляется, какъ *фиктивная аппозиція*. Это понятіе фиктивности аппозиціи яснѣе обнаруживается въ слѣдующей разновидности оборота.

в) Одно квалифицированное дѣйствіе представлено въ видѣ двухъ актовъ: одинъ—само дѣйствіе, другой—его квалификація, фиктивно изображенная, какъ особое дѣйствіе. Сюда относится извѣстное сочетаніе съ φθάνω. Il. XIII, 388: ὃ δὲ μιν φθάμενος βάλε δουρί.... ударилъ, предваривъ (предупредивъ; ударилъ раньше). Какъ извѣстно, здѣсь также возможна перемѣна мѣстъ: Од. XXII, 91: ἀλλ' ἄρα μιν φθῆ Τηλέμαχος κατόπισθε βαλὼν χαλκήρει δουρί... предупредилъ, ударивъ (предупредилъ и ударилъ). Постараемся выяснить заключенный въ этихъ оборотахъ элементъ фиктивности. Прежде всего,—гдѣ его источникъ? Мы имѣемъ здѣсь въ сущности одно, но только *квалифицированное* дѣйствіе—„быстро ударить", „поспѣшно ударить". Это единое, но квалифицированное дѣйствіе разбито на два акта: *поспѣшить* и *ударить*; иначе говоря, субъектъ представленъ совершающимъ не одно, а два дѣйствія: вотъ тутъ-то и нужно искать источника фикціи, то-есть, именно—въ пониманіи лексическаго содержанія предиката и его отношенія къ субъекту. Къ этому пункту мы сейчасъ вернемся, а теперь пойдемъ дальше. Ограничивается ли этимъ пунктомъ районъ фиктивности въ нашемъ оборотѣ? Нѣтъ, потому что въ сочетаніи φθάμενος βάλε мы ясно чувствуемъ, что причастіе φθάμενος запечатлѣно нѣкоторою фиктивностью, не только со стороны своего лексическаго содержанія, но также или еще болѣе—въ своей роли, какъ части предложенія. Это проявляется въ слѣдующихъ, если можно такъ выразиться, синтактическихъ ощущеніяхъ: φθάμενος прежде всего производитъ впечатлѣніе предикативнаго аттрибута изъ числа тѣхъ, которые въ новыхъ языкахъ замѣняются нарѣчіями: ударилъ *поспѣшно*. Но это впечатлѣніе обманчиво и, такъ сказать, несеріозно, непрочно: одна возможность перемѣны мѣста (φθῆ βαλών) уже ослабляетъ силу этого впечатлѣнія (предикативный аттрибутъ, по существу дѣла, не способенъ къ такому перемѣщенію), и сознаніе схватываетъ синтактическую постановку этого причастія, какъ особый сортъ аппозиціи, именно какъ *аппозицію фиктивную*. Въ сочетаніи φθῆ βαλών фиктивность сосредоточена въ глаголѣ и проявляется не только въ самомъ лексическомъ его содержаніи, но и въ синтактической роли. Первое впечатлѣніе здѣсь такое, какъ будто это псевдосвязка; но оно сейчасъ же падаетъ подъ ощущеніемъ того, что между φθῆ и βαλών есть предицирующая связь. Въ результатѣ глаголъ φθῆ

отражается въ сознаніи, какъ связка, но только *фиктивная*. Il. XXIII, 444: φθήσονται τούτοισι πόδες καὶ γοῦνα καμόντα [1]), ἢ ὑμῖν—успѣютъ утомиться у нихъ раньше, чѣмъ у васъ. Здѣсь проявленіе фиктивности нѣсколько иное: она вызываетъ *иллюзію*, будто φθήσονται—связка, а καμόντα—предикативный аттрибутъ; но эта иллюзія мгновенна и сейчасъ же падаетъ, какъ только въ сознаніи проясняется значеніе глагола, какъ псевдосвязки, а причастія—какъ фиктивной аппозиціи.

Причастіе *настоящаго* при φθάνω не менѣе аппозитивно, чѣмъ причастіе аориста [2]). *Кажущееся* исключеніе представляетъ слѣдующій случай, который я беру изъ статьи *La Roche* „Das prädicative Particip“ (въ его „Beiträge zur griech. Grammatik“, erstes Heft, стр. 119—120): Od. XI, 58: ἔφθης πεζὸς ἰὼν ἢ ἐγὼ σὺν νηῒ μελαίνῃ. Здѣсь безспорно имѣемъ сочетаніе не аппозитивное, а предикативно-аттрибутивное (ты пришелъ раньше меня, опередилъ меня—какой?—*пѣшій*). Но дѣло въ томъ, что вѣдь это, строго говоря, сочетаніе не съ причастіемъ, а съ *прилагательнымъ* πεζός, которое естественно и образуетъ предикативный аттрибутъ,—причастіе же ἰὼν играетъ лишь роль причастной знаменательной связки. Вмѣсто ἰὼν могло бы стоять ἐών—причастная отвлеченная связка,—да она и въ самомъ дѣлѣ стоитъ въ указанномъ мѣстѣ (Homers Odyssee, изд.[2] Ameis, 1861 г., XI, 58: ἔφθης πεζὸς ἐών...).

Оборотъ съ φθάνω и причастіемъ принадлежитъ къ числу наиболѣе архаическихъ или, согласно принятой нами терминологіи, *архаизирующихъ*, то-есть, возстановляющихъ въ извѣстной мѣрѣ какую либо черту первобытной грамматической мысли. Первобытная черта, которая здѣсь подновлена, состоитъ въ томъ, что лексическое содержаніе, легко разлагающееся въ новыхъ языкахъ на глагольный пре-

---

[1]) Καμόντα согласуется съ γοῦνα, но относится и къ πόδες; такому согласованію способствовало, кромѣ положенія причастія непосредственно послѣ γοῦνα, также и то, что πόδες καὶ γοῦνα есть родъ ἓν-διὰ-δυοῖν, образуя какъ бы цѣлое (не два подлежащихъ, а одно).

[2]) Il. IX, 505—507: ἡ δ' ἄτη..... φθάνει δέ τε πᾶσαν ἐπ' ἀῖαν βλάπτουσ', ἀνθρώπους—Ate bringt vorher (ehe die Λιταί kommen) den Menschen über die ganze Erde hin Schaden (*Seiler*, Worterb., s. v. φθάνω). Сочетаніе φθάνει βλάπτουσα (успѣваетъ вредить) производитъ иллюзію предикативно аттрибутивнаго. Но эта иллюзія сейчасъ же падаетъ передъ сознаніемъ („синтактическимъ ощущеніемъ“), что тутъ въ самомъ дѣлѣ два дѣйствія, два предикта (φθάνειν и βλάπτειν), при чемъ второй *фиктивно* представленъ, благодаря формѣ причастія, какъ *аппозиція* перваго.

дикатъ и его „опредѣленіе“, то-есть, обстоятельственное слово (напримѣръ, для φθάνω съ причастіемъ—„раньше“, „скорѣе“), разложено здѣсь на два предиката (φθάνω и причастіе), въ силу чего является „лишняя“ трата предикативной энергіи. Въ основѣ своей явленіе это примыкаетъ къ обширному классу архаическихъ ἓν-διὰ-δυοῖν, то-есть, служитъ однимъ изъ проявленій (или отголосковъ) того состоянія мысли, при которомъ требовалось два акта предицированія (двойная трата энергіи, обусловленная двукратнымъ проявленіемъ въ сознаніи предицирующаго акта) для того, чтобы грамматически апперцепировать то, что, при болѣе развитомъ состояніи грамматической мысли, требуетъ только одного акта затраты предикативной энергіи. Лучшую иллюстрацію или параллель этому явленію представляютъ древнееврейскіе обороты съ יָסַף (jāṣaf) — прибавлять, увеличивать, יָכֹל (jāχol)—мочь, быть въ состояніи, שׁוּב (šūβ)—возвращаться, оборачиваться, напримѣръ, Esth. VIII, 3: וַתֹּסֶף אֶסְתֵּר וַתְּדַבֵּר — буквально „и прибавила Есфирь и сказала“, то-есть, „продолжала говорить“, LXX: καὶ προσθεῖσα ἐλάλησε,—Esth. VIII, 6: כִּי אֵיכָכָה אוּכַל וְרָאִיתִי — буквально „какъ буду я въ состояніи *и* буду смотрѣть“, то-есть, какъ буду я въ состояніи (въ силахъ) смотрѣть, LXX: πῶς γὰρ δυνήσομαι ἰδεῖν, — Ps. VII, 13: אִם־לֹא יָשׁוּב חַרְבּוֹ יִלְטוֹשׁ — буквально „да! Онъ возвратится (повернется), мечъ свой наточитъ“, то-есть, онъ *снова* наточитъ мечъ свой (*Ewald*, Die Psalmen², стр. 11: wohl wird er *wieder* wetzen sein Schwert), — II, Reg. I, 13: וַיָּשָׁב וַיִּשְׁלַח — буквально „и повернулся (обратился) и послалъ“, то-есть. *снова* (*вторично*) послалъ, LXX: καὶ προσέθετο.... ἔτι ἀποστεῖλαι. Различіе между этими еврейскими оборотами и греческимъ (съ φθάνω) въ томъ, что въ еврейскомъ—не составное сказуемое, а соединеніе двухъ простыхъ, при чемъ здѣсь еще ярче обнаруживается архаическая склонность разбивать одно представленіе квалифицированнаго [1]) дѣйствія (снова послать, продолжать говорить, быть въ силахъ смотрѣть) на два представленія—двухъ дѣйствій, изъ коихъ одно есть само дѣйствіе, а другое—его квалификація, представленная, какъ особое дѣйствіе: продолжать и говорить, быть въ силахъ и смотрѣть. Квалификація дѣйствія въ тѣсномъ смыслѣ (быстрота, спѣшность, учащеніе и пр.) и отношеніе субъекта къ нему (быть въ силахъ) ставятся на одну

---

[1]) Въ обширномъ смыслѣ, то-есть: 1) квалификація самого дѣйствія, и 2) квалификація отношенія къ нему субъекта.

доску, совершенно параллельно собственному дѣйствію, какъ будто это два равносильные акта, два послѣдовательные момента („рисунокъ на одномъ планѣ, безъ перспективы“, по удачному выраженію Миклошича). Исходною точкою греческаго оборота съ φθάνω должно было быть именно подобное сочетаніе двухъ предикатовъ (ἔφθη καὶ ἐβαλε, предупредилъ и ударилъ), поставленныхъ на одномъ планѣ (ср. Esth, VI, 10: מַהֵר קַח — поспѣши — возьми). Переходъ къ составному сказуемому есть уже шагъ впередъ—въ направленіи къ устраненію „одного плана“, къ созданію нѣкоторой „перспективы“, къ формальному дифференцированію, въ силу коего одинъ актъ выступаетъ въ роли псевдосвязки, а другой въ роли причастной аппозиціи. Замѣна причастія инфинитивомъ есть еще болѣе рѣшительный шагъ въ эту сторону. Онъ былъ сдѣланъ уже въ еврейскомъ (оборотъ יָסַף съ частицею לְ и инфинитивомъ). — а въ индоевропейскихъ языкахъ является характерною чертою ихъ прогрессивнаго развитія.

II. Причастіе аориста въ роли *предикативнаго аттрибута* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ роли аппозиціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, смотря по намѣреніямъ говорящаго. оно могло въ одной и той же фразѣ поочередно принимать различную постановку,—то тяготѣя къ глаголу (и тогда оно являлось аппозиціей), то ближайшимъ образомъ примыкая къ подлежащему въ качествѣ его характеристики, его квалификаціи,—и тогда оно по необходимости отражалось въ сознаніи, какъ предикативный аттрибутъ. Такъ различно можно понимать причастіе аориста, напримѣръ, въ стихахъ II. XXIII, 482: τὸν δὲ χολωσάμενος Κρητῶν ἀγός ἀντίον ηὔδα (если аппозиція: „разсердившись, говорилъ...“, „разсердился и говорилъ“; если предикативный аттрибутъ: „разсердившійся вождь Критянъ говорилъ“; послѣднему благопріятствуетъ положеніе причастія передъ подлежащимъ); II, I. 517: τὴν δὲ μέγ'ὀχθήσας προσέφη νεφεληγερέτα Ζεύς. II. II, 22: τῷ μιν ἐεισάμενος προσεφώνεε [аппозиція: уподобившись ему, говорилъ; предикативный аттрибутъ: (Сонъ). который принялъ его (Нестора) видъ. говорилъ ему Агамемнону)]. Но вотъ случаи, гдѣ, по моему разумѣнію, причастіе аориста не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ предикативнаго аттрибута: Od. XIX, 407: πολλοῖσι γὰρ ἐγώ γε ὀδυσσάμενος τόδ'ἱκάνω..... ib., 410: ὁππότ'ἄν ἡβήσας μητρώιον ἐς μέγα δῶμα ἔλθῃ.... Нельзя перевести: „возненавидѣлъ многихъ и прихожу“; текстъ значитъ: „являюсь (прихожу) возненавидѣвшій многихъ“, и здѣсь ἱκάνω—знаменательная связка, а причастіе (на вопросъ: какой?)—предикативный аттрибутъ. Также и ἡβήσας—предикативный аттрибутъ:

придетъ (какой? какимъ?) возмужавшимъ. юношей. Il. VII, 351 — 352: νῦν δ' ὅρκια πιστά ψευσάμενοι μαχόμεσθα—сражаемся (какъ) нарушившіе клятву,—мы, ставшіе нарушителями клятвы, сражаемся...

Иногда, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ, можно для передачи греческихъ причастій аориста, въ ихъ предикативно-аттрибутивномъ употребленіи, пользоваться нашими общерусскими причастіями прош. дѣйст. Но для передачи тѣхъ же греческихъ причастій въ роли аппозиціи наши причастія прош. дѣйств. совсѣмъ не пригодны. — въ чемъ наглядно обнаруживается значительное „разстояніе", пройденное, въ эволюціонномъ порядкѣ, русскимъ языкомъ съ того времени, когда наши причастія были такъ-же аппозитивны, какъ и греческія. Нельзя, напримѣръ, ὡς ἄρα φωνήσας ἀπεβήσετο перевести „такъ проговорившій (сказавшій) ушелъ", или: „онъ, такъ сказавшій, ушелъ". Но еще нагляднѣе можно „демонстрировать" это различіе между нашими причастьями и древне-греческими слѣдующимъ „опытомъ". Возьмемъ двѣ фразы изъ Anabas. II. 1 — 2:.... ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἐλθόντες (аппозиція: „прійдя") οἱ Ἕλληνες ἐκοιμήθησαν.... ἅμα δὲ τῇ ἡμέρᾳ συνελθόντες (аппозиція: „собравшись") οἱ στρατηγοὶ ἐθαύμαζον.... и попробуемъ передать ихъ современными русскими причастьями прош. дѣств.: *пришедшіе* въ лагерь эллины легли спать" (или: „эллины, *пришедшіе* въ лагерь, легли спать"), — „*собравшіеся* вожди удивлялись". *Вышло совсѣмъ не то, что въ подлинникѣ*: при такомъ переводѣ получается тотъ смыслъ, что не всѣ эллины легли спать, а только тѣ изъ нихъ, которые пришли въ лагерь, и что не всѣ вожди удивлялись, а только тѣ. которые сошлись (были въ сборѣ), — чего, конечно, подлинникъ не допускаетъ (для такого смысла взятъ былъ бы оборотъ τῶν ἑλλήνων οἱ μέν....). Почему же это такъ вышло въ русскомъ переводѣ? Потому именно, что наши современныя причастья гораздо *аттрибутивнѣе* греческихъ, и этотъ избытокъ въ нихъ аттрибутивности мѣшаетъ имъ служить *аппозиціей*. Въ роли аппозиціи (только не образующей вмѣстѣ съ глаголомъ составнаго сказуемаго) у насъ выступаютъ *дѣепричастья*, которыми въ данномъ случаѣ и должны быть переведены греческія причастья, чтобы сохранить смыслъ подлинника: „Эллины, *прійдя* въ лагерь, легли спать", „вожди, *собравшись*, удивлялись...." — Къ чему же сводится этотъ избытокъ аттрибутивности нашихъ причастій? Къ усиленію тяготѣнія причастія къ подлежащему и къ устраненію тѣхъ узъ, которыми нѣкогда связывались причастья (древнерусскія) съ глагольною частью предиката. Усиленіе аттрибутивности совершалось насчетъ предика-

тивности, отъ которой въ нашихъ современныхъ (общерусскихъ) причастьяхъ осталась только сравнительно—небольшая доля, позволяющая имъ образовывать такъ называемыя „сокращенныя придаточныя предложенія".

Большая или даже преимущественная аттрибутивность нашихъ современныхъ (общерусскихъ) причастій, конечно, находится въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти причастья сохранились только въ *членной* формѣ (безчленныя перешли въ дѣепричастья). Но при всемъ томъ нельзя смотрѣть на эту черту (членное окончаніе), какъ на главную причину развитія аттрибутивности нашихъ причастій, какъ на ея источникъ. Это былъ только сопутствующій и благопріятствующій моментъ, ускорившій процессъ усиленія аттрибутивности причастій насчетъ ихъ предикативности. Значительная доля аттрибутивности всегда была свойственна причастью (независимо отъ членной формы), и безъ аттрибутивности причастье перестаетъ быть таковымъ, переходя въ другую часть рѣчи (наши дѣепричастья, а также формы на—лъ,—*былъ*, *далъ*, *взялъ*). Съ другой стороны, оно немыслимо и безъ предикативности; лишенное этой послѣдней оно превращается въ прилагательное (что̀ и случилось съ русскими народными причастьями настоящаго, напримѣръ, *горячій*, *летучій*, *сыпучій*, *могучій* и т. д.). Причастье, по существу своему, есть такая часть рѣчи, въ которой совмѣщены оба момента (предикативность и аттрибутивность); можно бы сказать, что въ немъ искони эти два момента находились въ состояніи *неустойчиваго* равновѣсія, и достаточно было небольшаго толчка, чтобы одинъ изъ нихъ взялъ перевѣсъ надъ другимъ. Когда въ составномъ сказуемомъ вниманіе говорящаго сосредоточивается въ извѣстной мѣрѣ на отношеніи причастія къ подлежащему, тогда въ причастіи перевѣшиваетъ моментъ аттрибутивности, и оно становится предикативнымъ аттрибутомъ; когда вниманіе привлечено къ отношенію причастія къ глагольной части предиката, тогда перевѣшиваетъ моментъ предикативности, и причастіе превращается въ аппозицію.

Изучая составныя сказуемыя съ причастіями, мы естественно и обращали особенное вниманіе на эти два момента, совмѣщеніе которыхъ въ одномъ актѣ грамматической мысли и образуетъ то, что̀ мы называемъ причастьемъ.

Мы находимся еще въ самомъ началѣ нашихъ посильныхъ изысканій, и поэтому было бы преждевременно дѣлать теперь же какіе нибудь выводы изъ нихъ въ интересахъ вопроса объ отношеніи грамматическаго мышленія къ надъ-грамматическому,—логическому.

Но я позволю себѣ высказать здѣсь одно соображеніе, которое, быть можетъ, пригодится намъ въ нашихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Согласно усвоенной нами основной психологической точкѣ зрѣнія, процессы мысли, извѣстные подъ именемъ *логическихъ*, возникаютъ и развиваются на счетъ умственной энергіи, сбереженной въ мышленіи грамматическомъ. Поэтому, при изученіи различныхъ формъ грамматическаго мышленія, представляется весьма важнымъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько та или другая форма приспособлена къ экономизированію умственной энергіи. Вотъ именно мы и попытались (гл. II) приложить эту точку зрѣнія къ разсмотрѣннымъ нами оборотамъ съ причастьями. Здѣсь, въ дополненіе къ сказанному въ главѣ II-й, я обращу вниманіе на слѣдующіе пункты.

Причастья перфекта и аористовъ. равно какъ и слав. причастья прош. дѣйствительныя, преимущественно приспособлены къ роли *аппозиціи*, и въ сочетаніи съ ними глагольная часть предиката чаще всего является въ роли *псевдосвязки*. На этомъ пунктѣ получается большое сбереженіе умственной силы. Она сберегается, во-первыхъ, постольку, поскольку здѣсь устраняется затрата на мышленіе аттрибутивныхъ отношеній причастья къ подлежащему; эти отношенія тутъ не только *фиктивны* (какъ, повидимому, въ оборотѣ съ причастьемъ настоящаго въ роли аппозиціи),—они уже совершенно *формальны*, то-есть не проникаютъ въ свѣтлую точку сознанія. Во-вторыхъ, сберегается та часть силы, которая въ сочетаніяхъ съ настоящею связкою тратилась на мышленіе предикативнаго момента связки. Появленіе *псевдосвязки* есть важный фактъ въ развитіи грамматическаго мышленія; это также уже не *фикція связки*, а чистая *форма*, не проникающая въ свѣтлую точку сознанія и, стало быть, не требующая никакой траты энергіи. Глаголъ въ роли псевдосвязки могъ бы быть разсматриваемъ даже какъ простое сказуемое, то-есть, сказуемое, предицирующее свое собственное лексическое значеніе; но присутствіе причастья, хотя бы также предицирующаго себя самого, сообщаетъ глаголу какъ бы подобіе связки, создаетъ ея форму. Дальнѣйшій шагъ есть устраненіе самой формы. *Это—процессъ развитія, ведущій къ устраненію момента связки изъ сферы грамматическаго мышленія.*

Вотъ тутъ-то и открывается нѣкоторая перспектива въ сторону логическаго мышленія,—намѣчается вопросъ: какой результатъ могъ воспослѣдовать отсюда для созданія и развитія акта *логическаго предицированія*?

Теперь вспомнимъ *отвлеченную связку*: процесъ ея созданія и развитія представляется діаметрально-противоположнымъ тому, о которомъ мы только что говорили. Въ оборотахъ съ отвлеченною связкою сбереженіе силы совершается на счетъ мышленія лексическаго значенія: verbum substantivum въ качествѣ связки предицируетъ не свое собственное лексическое значеніе, а то, которое принадлежитъ предикативному аттрибуту. Итакъ, въ противоположность оборотамъ съ псевдосвязкою, *здѣсь устраняется изъ сферы сознанія не предикативный моментъ связки, а ея лексическое значеніе*. Но на ступени развитія. характеризуемой оборотами, съ которыми до сихъ поръ мы имѣли дѣло, это устраненіе лексическаго значенія не доведено до конца, что̀ явствуетъ изъ многочисленныхъ случаевъ созданія архаизирующихъ формъ, гдѣ отвлеченная связка замѣняется знаменательною или полузнаменательною. Только тамъ, гдѣ эта замѣна невозможна, устраненіе лексическаго значенія связки можетъ считаться окончательнымъ, абсолютнымъ, а не только относительнымъ. И вотъ оказывается, что такое абсолютное устраненіе лексическаго содержанія связки неминуемо влечетъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ и *устраненіе самого предикативнаго момента связки*, что̀ совершенно ясно изъ такъ называемыхъ описательныхъ временъ глагола, какъ, напримѣръ, je suis venu, ich bin gekommen, есмь взялъ и т. д., гдѣ *suis, bin, есмь* лишены своего лексическаго значенія *и не являются связками*. Итакъ, конечный результатъ движенія въ этомъ направленіи, то-есть, въ направленіи отвлеченной связки, неожиданно оказывается тѣмъ же самымъ, къ которому приводитъ и развитіе псевдосвязки. Это именно—*устраненіе изъ сферы грамматической мысли самого момента связки*.

Если теперь вдумаемся въ смыслъ такъ называемой *логической связки*, то придемъ къ заключенію, что это такой умственный актъ, который, по своему строю или типу, ближе всего подходитъ къ только что указанному результату развитія грамматическаго момента связки. Логическая „связка“ есть *связка мнимая* (не даромъ нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ и Потебня, отрицаютъ самое ея существованіе), она не образуетъ особаго момента въ сознаніи,—она есть только актъ

установленія или апперцепціи предикативнаго отношенія,—актъ столь же нераздѣльно слитый съ самимъ предицируемымъ содержаніемъ, какъ въ языкѣ, простое глагольное сказуемое нераздѣльно совмѣщаетъ въ себѣ моментъ своего лексическаго значенія и моментъ предицированія. Я не буду отрицать самаго существованія „логической связки“, но я думаю, что въ тѣхъ формахъ логическаго сужденія, гдѣ она появляется, она есть родъ *логической фикціи*, родъ *мнимой величины*. Логическое мышленіе, не менѣе грамматическаго, характеризуется присутствіемъ элементовъ фиктивныхъ и чисто-формальныхъ.

Библиотека ОДН
Академии Наук СССР